

Владимир Соколов

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

В X КНИГАХ
С ПРИЛОЖЕНИЯМИ

16+

Владимир Соколов

Занимательная история Церкви

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Соколов В.

Занимательная история Церкви / В. Соколов — «ЛитРес:
Самиздат», 2013

ISBN 978-5-532-06455-3

Что такое Церковь и как она появилась на свет? Почему стала такой, какой мы знаем ее сейчас? Какие задачи решала, с чем боролась, какое место занимала в истории, как меняла общество и государство? В этой книге дана полная картина церковной жизни I-XI веков от начала христианства до Великого раскола 1054 года.

ISBN 978-5-532-06455-3

© Соколов В., 2013
© ЛитРес: Самиздат, 2013

Содержание

Предисловие для всех	7
Предисловие для христиан	9
Книга I. Как и почему возникла Церковь	11
Глава первая. Новая коллегия	11
Рим	11
Новая коллегия	12
Кипящий котел	13
Первая община	15
Язычники	16
Глава вторая. Четыре путешествия Павла	19
Немного биографии	19
Савл и Павел	19
Римский гражданин	20
Фарисей	20
Омовение рук у иудеев	21
Портрет Павла	22
Как путешествовали в Римской империи	23
Евреи и язычники	24
Путешествия	26
Трудности в первых общинах	27
Римское письмо	28
Смута в Иудее	28
В Риме	29
До края земли	30
Глава третья. Жизнь ранних христиан	33
Апостолы, пророки и учителя	33
Наследники апостолов	34
Католики и православные	35
Пресвитеры, диаконы, диаконисы и вдовицы	35
Где собирались христиане	36
Богослужения и молитвы	37
Крестное знамение	38
За едой	39
Одежда и внешний вид	39
Прически	40
Походка и поведение	41
О браке и брачных отношениях	41
Евангелия	42
Чудеса	43
Кесареву кесарево	43
Армия	45
Покаяние	45
Книга II. Кровь мучеников – семена Церкви	47
Глава первая. Империя против Церкви	47
Недозволенная религия	47
Подонки общества	48

Апологеты	50
Критика язычества	52
Гонения	53
Свидетели	54
Глава вторая. Мученики и императоры	56
Начало гонений	56
Траян	57
Игнатий Богоносец	58
Послания Игнатия	60
Поликарп	60
Лионская бойня	62
Коммод и Север	64
Перпетуя	65
Глава третья. Императоры и мученики	67
Цезари добрые и злые	67
Деций	68
Справка о жертвоприношении	68
Валериан	69
Галлиен	70
Аврелиан	70
Диоклетиан и другие	71
Перед рассветом	72
Книга III. Рождение богословия и первые ереси	73
Глава первая. Мыслящее христианство	73
Языческая мудрость	73
Как появились церковные догматы	74
Откуда брались ереси	75
Ранние ереси	76
Симон Волхв	77
Вопросы об Иисусе	78
Павел Самосатский	79
Модалисты и савеллиане	80
Тертуллиан	81
Ориген	82
Монтанизм	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

*«Только одной истине должен приносить жертву тот, кто
намерен писать историю»*

Епископ Лукиан

Предисловие для всех

Иногда говорят, что история человечества похожа на роман, написанный самим Творцом. Наверно, такая метафора слишком однобока, но если читать всемирную историю как на книгу, то церковная летопись окажется одной из самых интересных глав. Будь ты верующий или атеист, мусульманин или иудей, буддист или приверженец Конфуция, – хроника этих драматических событий поневоле увлечет каждого, кто любит заглядывать в прошлое в поисках вечных истин или просто занимательных сюжетов. Трудно найти другой исторический материал, в котором красота слога так удачно соединяется с живостью повествования, а достоверность факта – с философской глубиной. Жизнь отдельных личностей и целых эпох представлена в ней во всей сложности и полноте и со всеми крайностями и парадоксами, свойственными человеческой природе. Духовные прозрения здесь идут рука об руку с мелочами быта, нравственные подвиги соседствуют с фанатичным изуверством, жестокие войны чередуются с диспутами мудрецов. Если продолжить сравнение с книгой, то церковная история – это универсальная энциклопедия столетий, на страницах которой можно встретить и грандиозные политические катаклизмы, и повседневную жизнь «маленьких людей».

Церковь существует уже 2000 лет. За минувшие столетия фундамент этой древней постройки не раз давал трещины и подвергался потрясениям и ударам, способным сокрушить любое здание. Несмотря на это, Церкви всегда удавалось выходить из тупика и снова возрождаться к жизни. Сам по себе этот феномен уже заслуживает внимания и интереса. Сегодня мы видим, что Церковь по-прежнему уверенно стоит на месте и спустя два тысячелетия ее проповедь для многих звучит столь же ново и свежо, как и в первые годы христианства. В каждом поколении она находит себе все новых приверженцев, независимо от их национальности, темперамента, возраста, образования и рода занятий. Как бы мы ни относились к Церкви, нельзя не признать, что она и сегодня представляет собой сильный и жизнеспособный организм, занимающий важное место в обществе и прямо или косвенно влияющим на взгляды и поступки наших современников. Не будет преувеличением сказать, что, познавая историю Церкви, мы познаем самих себя.

Что же такое Церковь? По-гречески церковь называется «екклезия» (ἐκκλησία) – так еще времена афинского правителя Солона называли общее собрание граждан, которое созывали для решения самых важных и неотложных дел. Русская «церковь» – в древности говорили «цркъы» – происходит от другого греческого слова «κυριακόν», буквально «Божий дом». Говоря современным языком, это сообщество людей, действующих ради общей цели (сейчас бы такой союз назвали партией). Первая Церковь была очень проста, во главе ее стояла небольшая группа проповедников и старейшин, которые отличались от своей паствы только личным авторитетом. Но со временем Церковь расширялась и росла: менялся ее строй, усложнялась иерархия, простая вера обрастала сложными догматами. Скромные «вечери любви» превратились в пышные и торжественные церемонии, где каждое слово и действие были продуманы до мелочей. Постепенно Церковь вошла в плоть и кровь государства, вытеснив прежние религии и превратившись в важный, а порой и ключевой элемент европейской истории. Начиная с IV века, церковные события так тесно переплетаются с мирскими, что одно уже трудно отделить от другого. Государственная политика, дворцовые перевороты, любовные интриги императоров, нашествия варваров, вселенские соборы, гражданские войны и бунты, крестьянские подати, выборы патриархов, творения искусства: все это неразрывно связано друг с другом и течет одним потоком бурной полнокровной жизни.

Но у церковной истории есть одно свойство, которое отличает ее от любой другой. По учению христиан Церковь – не просто организация или союз, а таинственный организм, где земное сочетается с небесным. Церковная история – это колосс, ноги которого стоят в земле и

грязи, а голова уходит в облака. Тем, кто верит в этот постулат, нет ничего интересней и поучительней, чем следить за переплетением божественной и человеческой воли, проявлением духа через плоть, вечного через временное. Но и тем, кто в это не верит, будет интересно читать церковную историю как увлекательную книгу, полную необычайных положений и замечательных характеров. Любители остросюжетных жанров найдут в ней элементы трагедии и фарса, детектива и судебной хроники, волшебной сказки и даже скабрёзного романа. Для ценителей истории это ценный источник сведений о прошлом, достоверный, разнообразный и противоречивый, как сама жизнь. А для интересующихся философией и познанием основ вещей – сокровищница блестящих интеллектуальных споров и дискуссий, головокружительных идей и глубоких прозрений о корнях мироустройства и сути человеческой природы.

Можно только удивляться тому, что церковная история сегодня почти никому не известна. Современные школьники и студенты знают об этом предмете гораздо меньше, чем о нашествии гуннов или Столетней войне. Даже расцвет мемуарно-исторической литературы, заваливший прилавки магазинов тысячами книг, почти не коснулся этой темы и не сделал ее достоянием широких кругов читателей. Это тем более поразительно, что мы живем в государстве, где Церковь с самого начала была заложена в фундамент общества и наложила свою печать на все, чем жили и занимались наши предки, а значит, и на нашу собственную жизнь.

Задача этой книги очень скромна: в самой легкой и доступной форме дать общее представление об истории Церкви тем читателям, у которых нет времени или желания копаться в многотомных трудах и специальных монографиях, в изобилии представленных в церковной литературе. На ее страницах кратко описан исторический путь Древней Вселенской Церкви с I-го по XI-й век, до того момента, как она разделилась на православную и католическую. Этот промежуток времени охватывает период в тысячу лет, начинаясь в эпоху первых римских цезарей и заканчиваясь в глубине Средневековья, у истоков Российского государства и начала культурного расцвета Западной Европы. В самые мрачные и темные века, когда все рушилось или менялось до неузнаваемости, Церковь оставалась единственной постоянной величиной, которая непрерывно и неизменно существовала от глубокой древности до наших дней. И это еще одна веская и убедительная причина, чтобы поближе познакомиться с ее историей.

Предисловие для христиан

Историю Церкви нужно знать прежде всего самим христианам. Очень многие из них смутно представляют себе смысл и значение догматов, которые часто не столько сознательно принимаются и осмысливаются, сколько подразумеваются сами собой. Если спросить современного среднего прихожанина, что тот думает, например, о двух природах и двух волях во Христе, вряд ли он сможет дать ясный и вразумительный ответ. Все эти знания христианин сегодня получает – если вообще получает – в готовом виде, как непререкаемый факт, освященный властью и авторитетом традиции: он верит в то, во что верит Православная церковь, прежде всего потому, что верит в саму Православную церковь. Это характерно не только для православия, но и для других вероучений и церквей. Поэтому живущие в православной стране автоматически становятся православными, в католической – католиками, в мусульманской – мусульманами и т. д.

Здесь заключается большая проблема для христианства. Многие, поворачивающиеся спиной к христианской вере и активно ее отрицающие, отказываются не от Христа и Его учения, которое они плохо знают и понимают, а именно от Церкви. Церкви, слишком сильно скомпрометировавшей себя в истории, совершившей много ошибок, в которых она к тому же не особенно склонна раскаиваться. Для таких людей, стоит им только усомниться в Церкви, рушится сразу и вся традиция, и весь авторитет столетий, и, следовательно, вся христианская догматика. Даже продолжая верить в Бога, они становятся легкой жертвой любой секты, эксплуатирующей давно известные еретические идеи, противоядия против которых они не имеют, потому что не понимают истоки и корни, которые эти идеи сформировали. Многие и вовсе отворачиваются от христианства и ищут истины где угодно: в ярких и аляповатых культах восточного толка, в полупротестантских «харизматических» церквях, в сибирских землянках и скитах новоявленных духоборов и хлыстовцев, – только не в своей «домашней» Церкви.

Но тот, кто знает церковную историю, никогда не станет слепой добычей полубезумных фанатиков или изошренных демагогов. Знание того, как формировались догматы, как и почему боролась за них Церковь (боролась чаще всего с самой собой), – это надежная прививка против шарлатанства и религиозной истерии, откуда бы она ни исходила. Разумеется, здесь есть и обратная опасность: «многое знание порождает многую скорбь», а в нашем случае может легко смутить и сбить с толку. В церковной истории, по словам одного русского философа, заключен большой соблазн: слишком уж «человеческой» она выглядит, слишком много в ней темных и некрасивых сторон, компрометирующих, по естественной логике, и само учение Христа. Если так вели себя Его последователи, то не бросает ли это тень на самого Учителя? Не удивительно, что и в самой Церкви отношение к собственной истории не слишком благосклонное. Большинство наших выдающихся церковных историков: Болотов, Лебедев, Карташев, Афанасьев, – хотя формально и находятся в почете, но принимаются не без оговорок о «неблагоприятном влиянии на них протестантской исторической науки». Порой складывается впечатление, что изучение истории – это вообще явление чисто протестантское и поэтому сомнительное, что идут в нее только те, у кого есть внутри особая «протестантская» жилка, а большинству простых верующих лучше вообще о ней не знать и держаться от нее подальше, получая необходимый минимум в безопасно отфильтрованном и рафинированном виде. Церковь тысячу раз предпочтет для чтения назидательные и душеспасительные жития святых, полные потрясающих подвигов и чудес, чем суровую и безжалостную правду реально прожитого Церковью прошлого. И вряд ли она станет рекомендовать такое чтение неопытным неопытам.

Возможно, с чисто педагогической точки зрения все это оправдано. Выражаясь военным языком, история действительно вредна и опасна новобранцам, она годится только для сильных

и испытанных бойцов. После чтения церковной истории шаткая вера может пошатнуться еще больше, а крепкая – еще больше укрепиться. С другой стороны, истина всегда лучше умолчаний и неведения. Выше мы назвали историю прививкой, и это в самом деле так: она помогает переболеть болезнью в более легкой, безопасной форме, чтобы потом справиться с тяжелым недугом. Понимая историю, зная прошлое Церкви со всеми ее слабостями, падениями, страстями и умопомрачениями, можно не только оставаться православным, – об этом свидетельствует опыт многих историков Церкви, – но крепче и надежнее держаться за ее фундамент, заслоненный временной и преходящей шелухой.

Книга I. Как и почему возникла Церковь

Глава первая. Новая коллегия

Рим

Добро пожаловать в Римскую империю первого века нашей эры: гигантский мир с населением 120 миллионов человек и общей площадью 4 миллиона квадратных километров. Начав путь с маленького городка в центре Италии, государственная машина Рима всего за три столетия захватила огромный кусок планеты, куда вошли почти все страны современной Западной Европы, Ближний Восток, Малая Азия, Северная Африка и Египет. Как прожорливый удав, обернувшись широким кольцом вокруг Средиземного моря – *mare postra*, «нашего моря», как называли его римляне, – она втянула в себя осколки великих империй и мелких государств, связала в один узел множество разнородных традиций и культур. Рим не зря называли вторым Вавилоном: здесь царил настоящее столпотворение наций и народов, многих из которых обитали в разных концах света и порой ничего не знали друг о друге. Некоторые из них были гораздо культурней и древнее Рима, другие едва вышли из состояния племенной дикости и чуть ли не питались человечиною. В их числе были и финикийцы, строившие лучшие в мире корабли, и троглодиты, не знавшие, что такое одежда, и свирепые луситаны, приносившие человеческие жертвы, и мудрые греки, заложившие основы почти всей современной науки и культуры.

В это время Римская империя была не только самым густонаселенным, но и самым цивилизованным местом на земле. От ливийских пустынь, где поднимались Великие пирамиды, до безлюдных пустошей Уэльса тянулись знаменитые римские дороги: шедевр инженерного искусства, сохранившийся до наших дней. Дороги римлян были не только транспортными путями, но и кровеносными артериями империи, по которым власть Рима распространялась вплоть до пограничных рубежей. Глобализация, о которой много говорят сегодня, в то время уже существовала: везде чувствовалась рука римлян, плоды их труда, влияние их культуры. В каждом городке империи, даже самом дальнем и захолустном, можно было найти римский форум, термы и театр. Стены в домах горожан расписывались сценами из греко-римских мифов, образованные жители читали Горация и Вергилия, дети изучали в школах Пифагора и Платона. Во всех провинциях работали одни и те же законы, воевала одна армия, ходили одинаковые деньги, действовала единая система налогообложения, общественных повинностей и судопроизводства. И всю эту громоздкую государственную махину сплавлял воедино костяк администрации, управляемый одним монархом-императором.

Нам, пережившим в своей истории две империи, легко представить, как рядовой человек мог чувствовать себя в таком гигантском государстве. Монолитная власть государственного аппарата, как двуликий идол, поворачивалась к людям то благой, то враждебной стороной. Современники единодушно признавали, что у империи было немало заслуг и великих достижений. Первый император римлян Октавиан Август, прозванный «отцом отечества», по праву гордился тем, что при его правлении в храме Януса трижды закрывали дверь: а делалось это в то время, когда по всей стране царил мир. После кровавой вакханалии гражданских войн благоденствие и покой в римском государстве казались подлинным даром богов. Многие жители империи – в том числе и христиане – искренне воспевали благоустройство и порядок рах готана, «римского мира», давшего его жителям прочный мир и процветание. Придвор-

ные поэты называли эпоху Августа не иначе как «золотым веком», а христианские епископы почтительно именовали Церковь «молочной сестрой Империи».

Но в этих похвалах все чаще звучали нотки официозной фальши. Пропаганда императорской власти и величия Рима становилась обязательной и вездесущей: она входила в официальные протоколы и школьные программы, наполняла произведения искусства, проникала в частные беседы. Свободным речам времен республики пришел конец: всюду царствовали цензура и закон об «оскорблении величия римского народа», по которому любой политический противник или представитель оппозиции мог быть отправлен в тюрьму или на казнь. Как только речь заходила об императоре и его политике, на рот вешался замок: изрекать следовало только похвалы великому и мудрому правителю и его неустанным заботам о благе подданных. На общих собраниях специальные люди следили за поведением гостей и даже за выражением их лиц. Доносчики подслушивали разговоры римской молодежи, собравшейся на вечерники, записывали их вольные шуточки против властей и докладывали куда следует. Некоторые частные обвинители (государственных в Риме не было), вроде зловещего Котты Мессалина, делали себе карьеру на процессах против «врагов народа» и становились важными лицами и столпами общества, внушавшими почтение и ужас. Дело дошло до того, что гордые римляне, свергнувшие некогда царей, начали обожествлять императоров, так же, как варвары и азиаты, которых они когда-то презирали. Правящий цезарь стал чем-то вроде государственного бога, которого следовало почитать больше и прежде других богов. Неповиновение и возмущение каралось пожизненной ссылкой или смертью.

Новая коллегия

Поданным Рима приходилось поневоле приспосабливаться к тяготам имперской жизни. Население по-своему пыталось противостоять давлению власти, создавая многочисленные союзы и сообщества. Назывались они по-разному, в зависимости от своих целей и состава: коллегия, гетерия, школа, койнон, синагога. Мастера, ковавшие серебро или делавшие щиты, образовывали ремесленные цеха, купцы объединялись в торговые гильдии, музыканты или художники вступали в профессиональные общества и кружки по интересам. Жители одного района или городка часто создавали общую кассу, чтобы помогать больным и устраивать похороны беднякам, а по выходным и праздникам просто собирались, сбрасываясь по паре ассов (четверть сестерция), и устраивали пирушки.

В числе других сообществ существовали и чисто религиозные объединения – так называемые фиасы. Членам фиасов дозволялось поклоняться своим богам и следовать местным культам. Римляне относились к этому вполне терпимо до тех пор, пока такие союзы вели себя благонадежно и не занимались политикой. Запрещались только тайные общества или скандальные секты с человеческими жертвами, непристойными оргиями и прочими мерзостями. Правда, иногда случалось, что подозрительные императоры разгоняли не только фиасы, но даже пожарные команды. Но для их опасений имелись реальные основания: заговорщики и противники власти могли собираться под благовидным предлогом и выдавать себя за любителей искусства или поклонников бога Сераписа. Поэтому Рим внимательно наблюдал за каждой общественной организацией и строго следил за тем, чтобы в них занимались только дозволенными и одобренными государством вещами.

Малочисленная секта евреев, «вечно волнуемых Хрестом», как писал о них Гай Светоний, долгое время была для римских властей именно таким «фиасом» или «коллекцией», собиравшейся для поклонения какому-то малоизвестному божеству и мало чем отличавшейся от давно известной еврейской религии. Если бы какой-нибудь любознательный путешественник того времени посетил Палестину, он почти наверняка не сумел бы отличить бы христиан от иудеев. И те, и другие посещали один храм, говорили на одном языке, одинаково одевались

и поклонялись одному Богу. Разница заключалась только в том, что новая группа почитала еще и некоего Иисуса, называвшего себя Христом – то есть Спасителем, Мессией: человека из низов, проповедника и бунтовщика, недавно распятого за богохульство и злоумышление против власти цезаря.

Но даже если кто-то из язычников и заметил разницу между христианами и иудеями, вряд ли он стал бы обращать на нее внимание. Римляне редко вникали в тонкости чужих верований и предпочитали не углубляться в варварские культы. Правда, таинственность и необычность религии евреев вызывали у них любопытство, порождавшее причудливые слухи. Римский историк Тацит писал, что иудеи во время скитаний в пустыне нашли источник воды благодаря ослам и с тех пор почитали голову осла. Когда полководец Гней Помпей захватил Иерусалим, он решил раскрыть загадку еврейской веры и отправился в храм, в «святая святых», куда по иудейскому закону имел право входить только священник и только один раз в год. Триумфатор ожидал увидеть там ослиную голову, но нашел только пустое помещение, в котором стояли паникадила и жертвенные чаши. Не было никаких идолов и статуй, никаких изображений или картин: только тишина и сумрак, в котором поблескивало храмовое золото.

Читайте в ПРИЛОЖЕНИИ: Иудейский храм

Кипящий котел

Надо признать, что любознательные путешественники в то время нечасто посещали Иерусалим. Римлянам и грекам нечего было делать в этом старом азиатском городишке, не имевшем никакого отношения к их славному прошлому. Отправиться в Иудею для них было то же самое, что сегодня совершить поездку в неблагополучную африканскую или арабскую страну, где власти не гарантируют безопасности туристам. Палестина считалась «горячей точкой» империи, беспокойным и взрывоопасным местом, куда приезжали только по долгу службы или по торговым делам. Самый многочисленный класс приезжих в Иерусалиме составляли сами иудеи – паломники, постоянно прибывавшие из разных областей империи на поклонение святым местам. Это были жители «рассеяния», диаспоры, покинувшие родную страну после многочисленных войн, гонений и преследований со стороны более сильных соседей.

Ко времени Иисуса Христа Иудея уже давно не существовала как самостоятельное государство. Евреи потеряли политическую независимость еще в середине VI века до Р. Х., когда страну завоевал вавилонский царь Навуходоносор Второй. После вавилонян иудеями правили персы, потом греки, потом римляне. В первом веке всю Палестину формально поделили между собой сыновья последнего иудейского царя Ирода Великого: Архелай, Антипа и Филипп, – но настоящая власть принадлежала Риму, и местные правители получали свои царские грамоты из рук римского Сената. Во главе Иудеи стоял обычный римский чиновник – прокуратор, который считался главой области и подчинялся проконсулу более крупной административной единицы, Сирии. Он обладал высшей военной и судебной властью вплоть до «права меча», то есть мог казнить и миловать, а также назначать и смещать иудейских первосвященников. Такое положение не устраивало древних и гордых евреев, с трудом переносивших гнет чужаков и иноверцев. Они изо всех сил цеплялись хотя бы за призрак государственной самостоятельности и на любое вмешательство в их дела отвечали вспышками возмущения и гнева.

Сами римляне давали для этого немало поводов. Для Рима Иудея была всего лишь одной из мелких провинций, далеко не самой значительной и богатой, зато причинявшей много неприятностей. Прокураторы с презрением относились к побежденной стране и старались выжать из нее все, что можно, как для блага Рима, так и лично для себя. Процветали откровенное взяточничество, воровство, вымогательство чиновников. Грабительские налоги превращались в бедствие, доводившее людей до голода и нищеты. Под властью Рима жители Палестины

платили три обязательных налога: персональный налог с каждого мужчины и женщины в возрасте 12–65 лет, общий подоходный налог в размере 1 процента и продуктовый налог, составлявший 20 процентов для вина и 10 процентов для зерна. К этому добавлялись налоги на покупку и продажу любых товаров, на вьючных животных и повозки (включая оси и колеса), обязательные пошлины на въезд в город, на пользование мостами и дорогами, аренда полей и виноградников, местные налоги и храмовая десятина. Право собирать налоги обычно бралось на откуп: то есть определенная сумма отчислялась государству, а все остальное сборщик мог забирать себе, выколачивая дополнительную прибыль всеми правдами и неправдами. Неудивительно, что мытарей, собиравших подати, ненавидели едва ли не больше, чем самих римлян. Они не имели права свидетельствовать в суде, к ним относились как к изгоям и предателям, их не пускали в синагоги, куда был доступ даже прокаженным.

Но болезненней всего евреям относились к посягательствам на их веру. Сразу после того, как Понтий Пилат вошел в Иерусалим с римскими знаменами, на которых размещались изображения императора, в городе начался бунт: человеческие изображения в иудейской религии были строго запрещены. Введенные тем же Пилатом монеты с языческими символами иудеи восприняли как святотатство. А когда сумасбродный Калигула, любивший все доводить до абсурда, приказал поставить в иудейский храм собственные статуи, дело едва не кончилось всенародным восстанием: только смерть императора избавила страну от новых бедствий.

Среди патриотично настроенных иудеев существовали различные группы и течения, по-разному относившиеся к захватчикам. Одним из них были садуккеи – партия власти, состоявшая из аристократов и консерваторов, строгих приверженцев Закона и обычаев, которые сохраняли лояльность Риму, считая его меньшим из зол. Им противостояли фарисеи, тогдашние «демократы» и популисты: они, наоборот, находились в оппозиции и отвергали любое сближение с язычниками, требуя скрупулезного соблюдения всех тонкостей еврейского Закона. Среди фарисеев выделялись особенно ревностные сторонники веры и национальной независимости – «зилоты», то есть «ревнителю». Они призывали не платить налоги Риму и сопротивляться римской власти всеми способами, вплоть до вооруженной борьбы.

Правление римлян в Палестине сопровождалось почти непрерывной чередой бунтов и грабежей. Уже при первом прокураторе Копонии произошло восстание Иуды Галелиянина, объявившего себя мессией. Четвертому прокуратору Валерию Грату пришлось бороться с расплодившимся в Иудее бандами грабителей, главаря одной из которых он убил собственноручно. Пятый прокуратор Понтий Пилат взял из иерусалимского храма деньги на строительство водопровода, что привело к новому возмущению и бунту, жестоко им подавленному. При Куспии Фаде появился некий Февда, лжепророк, созывавший народ к реке Иордану, которую он обещал, подобно Моисею, перейти «аки посуху»; в дело вмешалась армия, и Февда был схвачен и казнен. Почти постоянно в Иудее являлись новые пророки и лжемессии, увлекавшие народ в пустыню, чтобы показать там невиданные чудеса, или обещавшие одним словом разрушить стены Иерусалима.

К середине I века взятки, жадность и жестокость таких прокураторов, как Марк Антоний Феликс и Луций Альбин, довели Палестину до точки кипения. К борьбе за независимость и национальному вопросу добавлялись религиозные распри и споры с соседями, часто вспоминавшими старые обиды. Евреи враждовали не только с римлянами, но и с самарянами, иудеями, сирийскими греками. При прокураторе Гессии Флоре местные греки осквернили синагогу, окропив ее кровью птиц, а когда евреи пожаловались на них Флору, прокуратор встал на сторону греков и посадил в тюрьму самих жалобщиков. Эти события и последовавшая за ними резня иудеев привели к восстанию, продолжавшемуся почти 8 лет и закончившемуся полным разгромом Иерусалима.

Первая община

На таком историческом фоне на свет тихо и почти незаметно появилась новая религия, получившая имя христианства. Христианская Церковь родилась в охваченном смутами Иерусалиме и была встречена современниками довольно безразлично, как частное и случайное явление, не обещавшее долгой жизни. Первое, что удивляет, когда смотришь на раннюю общину христиан, – насколько она мала. Кроме небольшого количества учеников, в нее входила кучка родных и друзей Иисуса, несколько женщин, странствовавших вместе с Ним по Иудее, – вот, собственно, и все. На общее собрание верующих приходило не больше 120 человек, которые могли уместиться в столовой большого дома. Скромное положение группы усугублялось тем, что апостолы были не местные жители, а провинциалы, бедные рыбаки с севера страны: в столичном Иерусалиме они чувствовали себя чужаками. В этом враждебном городе они находились в положении преследуемых, изгоев, которых в любой момент могли арестовать и убить, так же, как их Учителя. Первые христиане не обладали той смелостью и силой духа, которые обрели позже: напуганные казнью Иисуса, Его ученики сидели вместе, запершись в одной комнате, – «страха ради иудейского», как сказано в «Деяниях апостолов», – боясь выходить на улицу и пускать к себе чужих.

Однако скоро произошло событие, в котором многие христиане видят важное доказательство истинности своей религии, а неверующие – один из множества христианских мифов. В иудейский праздник Пятидесятницы на апостолов снизошел Святой Дух – одно из Лиц Святой Троицы, «утешитель», которого Иисус обещал послать Своим ученикам. После этого настроение и поведение общины резко изменилось. Христиане вышли из подполья и начали проповедовать свое учение на улицах, не боясь опасностей и угроз. В первый же день проповеди Петр и другие ученики Христа приобрели тысячи сторонников, число которых со временем только росло. В Иерусалиме возникло новое, невиданное и неслыханное прежде общество, иногда называемое «райской Церковью»: нечто вроде христианской коммуны, где никто ни имел собственности и все делилось поровну между всеми. «У множества же уверовавших, – пишут «Деяния апостолов», – было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имущества своего не называл своим, но всё у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду». Члены этой общины жили уже как бы в царствии Божиим: они ни о чем не заботились, не трудились, никем не преследовались, пребывали в постоянной радости и пользовались общей любовью.

Но это неземное и ничем не омраченное состояние всеобщего согласия (противники христианства отрицают, что оно вообще существовало) продолжалось совсем недолго. Вскоре выяснилось, что в среде первых христиан, имевших «одну душу» и общую любовь, уже прокралось неравенство. Проблема была в том, что исконные палестинские евреи имели более привилегированный статус, чем пришлые, приехавшие из других стран и считавшиеся как бы иудеями второго сорта. В то время в диаспоре жило примерно 4 миллиона евреев против 1-го в Палестине. Хотя они всегда поддерживали связь с родиной и ежегодно посылали деньги на храм, палестинские иудеи относились к ним с подозрением, считая, что на чужбине они теряли свое религиозное рвение и поддались влиянию эллинской культуры. Таким «эллинам», как называли огречившихся собратьев, давали знать свое место и в христианской общине, обходя их вдов при раздаче милостыни. Это привело к разногласию между христианами и первоначальному церковному конфликту, который пришлось решать апостолам.

Несмотря на то, что число членов Церкви все больше увеличивалось, ее положение принципиально не менялось. Спустя много лет это все еще была небольшая группа внутри иудаизма, одна из многих, едва заметная не только Риму, но и самой Иудее. Группа эта казалась

так мала и незначительна, что знаменитый еврейский историк Иосиф Флавий, живший в то же время и подробно описавший политическую и религиозную жизнь Иудеи, ни разу не упомянул о ней в своих книгах. Ни о каком мировом распространении учения Христа Его последователи не мечтали, их мысли шли не дальше проповеди в Иерусалиме и соседних городах. Для них весь мир был Иудеей: с нее начиналось спасение человечества, на ней же оно и заканчивалось. К тому же, христиане не отделяли себя от иудеев, считая, что остаются среди своих собратьев по вере, которые просто еще не успели сделать следующий шаг. Они продолжали ходить в Иерусалимский храм и придерживались всех внешних правил иудейской веры. Какое-то время существовало зыбкое равновесие двух вер, иудейской и христианской, и казалось, что христианство может просто мирно влиться в иудаизм.

Но эти иллюзии быстро рассеялись, подтвердив слова Иисуса о «новом вине», которое невозможно влить в «старые мехи». По мере успехов нового учения нарастало и недовольство иудеев христианами. Петра и других апостолов стали вызывать в иудейский Синедрион. В первый раз их просто задержали для объяснений и отпустили, потребовав прекратить проповедь; во второй – посадили в тюрьму; в третий – жестоко избили. Среди членов Синедриона тоже не было единства: многих смущала близость иудейской и христианской вер, различавшихся только именем Иисуса. Один из авторитетных фарисеев по имени Гамалиил даже предложил оставить все как есть, рассудив, что если христиане заблуждаются, их дело разрушится само собой, а если они правы, бороться с ними бесполезно. Но эту позицию, по-человечески мудрую и толерантную, никто не поддержал. Временное перемирие закончилось в тот день, когда проповедь одного из известных христиан, диакона Стефана, вызвала прямое столкновение с Синедрионом: Стефана арестовали, привели на суд и побили камнями за богохульство. Начались гонения на Церковь, в которых погибло около 2 тысяч христиан. Преследуемые иудеями, почти все приверженцы новой веры, кроме нескольких апостолов, бежали из Иерусалима.

Язычники

В первые годы почитатели Иисуса еще не назывались христианами, именуя себя «призванными», «верными» или «святыми». В Иерусалиме ученики Христа продолжали оставаться иудеями, своими среди своих, и для их особого обозначения не возникало надобности. Но после того, как в сирийской Антиохии – третьем по величине городе в империи, населенном в основном греками, – образовалась крупная община из язычников, потребовалось новое слово для определения секты, которую до сих пор считали чисто иудейской. Тогда и возникло понятие «христиан», то есть последователей Христа.

Ранняя Церковь не ставила перед собой задачи обращать «необрезанных» язычников. Если это и происходило, то стихийно и само собой, как описано в истории с апостолом Филиппом и евнухом: идя однажды по дороге в Газу, Филипп разговорился с ехавшим рядом эфиопом, рассказал ему об Иисусе и крестил его у ближайшего ручья. Это был импульсивный и единичный поступок, не имевший принципиального значения и не отменявший того факта, что вечное спасение готовилось только для евреев.

Появление обращенных из язычников привело христиан в замешательство. Прежде всего, было непонятно, нужно ли их вообще принимать в общину? Разве Иисус пришел спасать не своих, как Он сказал хананейке: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 15, 24). После бегства из Иерусалима христиане «никому не проповедовали слова, кроме иудеев» («Деяния апостолов»). Когда Корнилий, римский центурион, пожелал принять крещение, апостол Петр заявил, что ему, иудею, возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменником. Сам Петр пришел к Корнилию только потому, что так повелел Бог: в мистическом видении к апостолу явился ангел и сказал, что ни один народ нельзя почитать чистым или нечистым. Но иерусалимские «святые», узнав о крещении Корнилия, стали упрекать уже

самого Петра – не за то, что он крестил язычника, а за то, что «ходил к людям необрезанным и ел с ними». Только непосредственное откровение Святого Духа, данное Петру, убедило христиан принять язычников в Церковь, вопреки мнению и желанию большинства.

Когда этот вопрос был решен в пользу язычников, сразу возник новый: как быть с Законом и его требованиям, обращенными к каждому иудею? Иудаизм существовал веками, его заповеди в глазах евреев были священны, поскольку исходили от Самого Господа. Если христианство действительно продолжало веру отцов, то должно было следовать ее обрядам и традициям. Ключевым моментом в этом споре стало обрезание. Многие евреи-христиане прямо утверждали, что не обрезавшиеся не спасутся. Отказ от обрезания означал открытый и сознательный разрыв с иудаизмом, то же самое, что для христиан стал бы отказ от совместного причастия. В Антиохии вопрос об обрезании встал так резко, что апостолы Павел и Варнава, возглавлявшие общину в этом городе, отправились в Иерусалим, чтобы попытаться прийти к общему решению и определить, как поступать с обращенными из язычников. С собой они взяли ученика Тита, христианина «нового типа» – крещеного язычника, не подвергнутого обрезанию.

Первое, что антиохийцы услышали в Иерусалиме, было требование обрезать Тита. Павел и Варнава ответили отказом и обратились к авторитету иерусалимских апостолов, которые созвали для решения этого вопроса специальное совещание – собор, позже названный «апостольским». Он проходил примерно в 49–51 годах в присутствии Петра, Иоанна, Павла и других апостолов и под председательством Иакова, двоюродного брата Иисуса. Этот первый в истории церковный собор постановил, что язычники могут спастись так же, как и иудеи, и никакого обрезания для крещеных язычников не требуется. Итогом собора стал краткий «моральный кодекс» христиан, в одной фразе сформулировавший то, что являлось обязательным для членов Церкви: «Угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины, и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите». В этой программе-минимум присутствовали два пункта, относившихся к практике иудаизма: не употреблять мяса, предназначенного в жертву идолам, и не есть удавленину (то есть убитых животных, из которых не выпущена кровь). Запрет идоложертвенного мяса означал отказ от язычества, а вопрос об удавлении имел практическое значение для христиан из язычников и иудеев, которые собирались на совместные трапезы. Из-за разногласий в этом вопросе еще много лет спустя во многих общинах христиане-иудеи и христиане-язычники питались отдельно.

Однако дальше произошло то, что потом много раз происходило в церковной истории: постановления собора не соблюдались. Собор и его решения были одно, а практика и жизнь – другое. Давление традиций и консервативного благочестия оказалось сильнее рекомендаций и мнений апостолов, которые и сами не раз подчинялись ему, отступая от собственных решений. Столпом иудео-христианства в Иерусалиме был Иаков, «брат Господень», прозванный за благочестие Праведным. Он вел аскетическую жизнь и был назореем, то есть «не пил ни вина, ни пива, не вкушал мясной пищи; бритва не касалась его головы, он не умащался елеем и не ходил в баню». Иерусалимские иудеи почитали Иакова не меньше христиан, постоянно видя его в Храме, где он проводил долгие часы в молитвах. Говорили, что его колени от постоянных молитв стали мозолистыми, как у верблюда.

Имея такого сторонника, иудео-христиане могли не опасаться недостатка в авторитетах. Общим настроениям поддался даже апостол Петр. Несмотря на откровение «ничего не почитать нечистым», во время поездки в Антиохию он отказался есть за одним столом с христианами-язычниками. Возмущенный этим поступком Павел раскритиковал Петра за то, что тот испугался мнения иудеев и стал скрывать свое общение с язычниками, подав пример общему «лицемерию». Но вскоре к сторонникам традиций присоединился и верный друг и соратник Павла – Варнава. Наступил момент, когда Павел остался единственным, кто пытался вести

борьбу с иудейскими обрядами. Тем не менее, он упрямо стоял на своем, выступая против обрезания и соблюдения ветхозаветного закона. Спасаются не обрезанием, говорил апостол: после Христа это уже безразлично, а значит, и не нужно, – спасаются верой и любовью. Для Бога больше нет «ни иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа, ни раба, ни свободного, ни мужчин, ни женщин».

Оставшись без единомышленников в Антиохии, Павел покинул город и отправился в свои миссионерские путешествия, которые глубоко изменили христианство и придали ему новое содержание и форму.

Глава вторая. Четыре путешествия Павла

Немного биографии

Павла часто называли «вторым основателем христианства». Церковь многим обязана этой уникальной личности, сыгравшей в становлении новой религии одну из главных, а по мнению некоторых – решающую роль. «Апостол любви», как называли его потомки, был тем человеком, который создал само христианское учение: не как собрание рассказов и притч, а как систему идей, основанных на рассуждениях и логике. Он был первым богословом, который сделал христианскую веру понятной уму, а не только сердцу.

По крови Павел принадлежал к чистокровной еврейской семье, чем всю жизнь гордился и что всегда любил подчеркивать при общении с евреями. В среде диаспоры смешанные браки среди иудеев и язычников были обычным делом, поэтому «чистые» евреи могли считаться чем-то вроде иудейской аристократии. В то же время род Павла вряд ли был слишком именитым: он нигде не называет имен своего деда и отца, как это было принято у священников и настоящих аристократов. Знатные евреи того времени составляли длинные генеалогии и доводили свои родственные связи вплоть до патриархов или даже самого Адама. Известно только, что отец апостола происходил из колена Вениаминова, и его мать, скорей всего, была из того же рода: браки между разными иудейскими коленами не приветствовались, и жениться полагалось на женщине того же колена, чтобы не смешивать кровь.

Павел не был единственным ребенком в семье: в «Деяниях апостолов» упоминается его старшая сестра, сын которой спас своего дядю от расправы иудеев в Иерусалиме и навел его в тюрьму. Вполне возможно, что, как и в большинстве многодетных еврейских семей, у него было много и других братьев и сестер, но он нигде о них не упоминает и вообще ничего не говорит о своих родственниках. Братьев и сестер по крови ему заменили братья и сестры по вере.

До рождения Павла его родители жили в иудейском городе Гискал, но после нашествия римлян бежали на север в Тарс к своим родственникам или знакомым. Чем занимался отец Павла, точно неизвестно. Тарс был текстильный городок, но в нем жили и купцы, и кожевники, и «скинотворцы», т. е. изготовители палаток, – именно такое ремесло приписывает себе Павел в одном из своих посланий. Товар, судя всему, пользовался немалым спросом, потому что Павел с успехом продавал его во многих городах, куда попадал во время своих странствий. В любом случае, отец Павла был достаточно состоятелен, чтобы дать сыну хорошее образование и отправить его в Иерусалим к знаменитому законоучителю Гамалиилу, – лучшее, что мог тогда позволить себе еврей, решивший придерживаться иудейских, а не эллинских традиций.

Савл и Павел

При рождении Павлу дали имя Савл (по-еврейски это значит «вождеденный») – так звали известного по Библии царя Саула, еще одного представителя Вениаминова рода. На распространенном тогда на Востоке греческом языке имя Saouilos звучало не слишком благозвучно, означая что-то вроде «лодырь» или «кутила», но будущий апостол пользовался им только до тех пор, пока не обратил в новую веру проконсула Кипра по имени Сергей Павел, после чего и сам стал Павлом.

Римский гражданин

Павел от рождения был римским гражданином, что давало ему большие преимущества. Из 120 миллионов населения во всей Римской империи тогда было всего 4–5 млн. римских граждан. Статус гражданина давали за военную службу и услуги, оказанные Риму, но иногда он приобретался так же, как обыкновенно приобретаются такого рода привилегии, – за деньги. Иосиф Флавий, еще один знаменитый фарисей, утверждал, что богатые евреи не раз покупали себе это звание у римских наместников. В одной из тогдашних эпитаграмм говорилось: «Только угля десять мер принеси, и получишь гражданство. А приведешь и свинью – будешь ты сам Триптолем» (известный греческий герой). Римское гражданство особенно ценилось на востоке, где его получали немногие: даже среди членов афинского совета только шесть процентов имели статус римских подданных.

Все римские граждане имели одинаковые права, независимо от происхождения и места жительства. Они занимали привилегированное положение среди других жителей империи, отвечая только перед непосредственными представителями Рима и не имея дела с местной властью. Гражданство давало им возможность чувствовать себя как дома в любой части империи. Римский гражданин мог свободно покупать землю и торговать везде, где находилась римская власть; его мог судить только римский суд, а не местный; он не подвергался телесным наказаниям и пыткам. Смертной казнью для граждан служило сравнительно гуманное отсечение головы, а не жестокое распятие.

Римское гражданство было не только почетно, но и обременительно. Каждый гражданин считался служащим империи и того города, к которому он был приписан. В его обязанности выходили сбор налогов, работа полиции, судебные разбирательства, распределение городских доходов и имущественные поставки – провианта, почтовых лошадей, волов для перевозки грузов. Те, кто не мог собрать налоги, должны были выплачивать их из своего кармана. Богатым людям часто даже не требовалось покупать себе гражданство: города сами искали состоятельных людей, чтобы сделать их своими гражданами и навязать им службу. Необходимость служить вечно тяготела над римским гражданином, как над русскими дворянами при Петре Первом. Неизвестно, как Павел выполнял свои гражданские обязанности или как ему удавалось их избегать: об этом в Новом Завете ничего не говорится. Судя по его письмам, он, во всяком случае, был лояльно настроен к государству, питал уважение к властям и призывал повиноваться ее представителям и вообще начальству.

Как римский гражданин, Павел имел три имени (*tria nomina*): личное, дополнительное (родовое) и прозвище. Имя «Павел», которым он всегда себя называл, на самом деле было прозвищем, означавшим «малый» или «меньший», которое он переделал из еврейского Савл (*Saulos = Paulus*). О его первых двух именах мы ничего не знаем. У римлян было сравнительно небольшое количество личных имен, из которых чаще всего использовались Марк, Луций, Гай, Публий, Авл, Децим и Квинт. Вместо родового имени некоренные граждане брали имена императоров или каких-нибудь выдающихся римских деятелей: Флавий в честь династии Флавиев или Туллий в честь Марка Туллия Цицерона. Павла могли звать, например, Гаем Юлием Павлом.

Фарисей

В своих письмах Павел с гордостью называл себя фарисеем и сыном фарисея. Фарисеи были разночинной интеллигенцией тогдашних евреев – люди не из самых знатных и не особенно консервативные, но образованные и обладавшие духом личной инициативы, что проявлялось, среди прочего, в более свободном толковании священной Торы. Фарисеи были пер-

выми, кто нарушил привилегию священнического сословия левитов толковать и преподавать Закон: в отличие от саддукеев, они считали, что заниматься этим мог любой мужчина, у которого есть соответствующее призвание и таланты. Среди них появились свои учителя – раввины, в чью задачу входило обучение и разъяснение закона и предания. При этом они строжайшим образом исполняли все правила и требования закона, что было довольно нелегким делом.

В иудейской традиции жизнь и поведение верующего регламентировались до мельчайших деталей. Например, существовало 39 видов деятельности, которыми нельзя было заниматься в субботу (в том числе – готовить пищу), с тщательной регламентацией каждого пункта. Если запрещалось носить тяжесть, то строго оговаривалось, что тяжесть – это все, что превышает вес двух винных ягод. Со временем и эта оговорка детализировалась: тяжестью стали называть «пищу, равную по весу высушенной фиге; вино, достаточное для того, чтобы разбавлять в бокале; глоток молока; мед, необходимый для того, чтобы положить на рану; клочок бумаги, достаточный для того, чтобы написать таможенную декларацию; чернила, достаточные для написания двух букв алфавита». Строгость в исполнении закона была для фарисеев проявлением искренней веры и благочестия. Правда, по мнению христиан, они делали все это слишком формально, не вкладывая в свои поступки сердца и души, за что и удостоились порицания от Господа. В любом случае, принадлежность к фарисеям гарантировала определенный уровень образованности и полезные связи: ведь фарисейство было, помимо всего прочего, политическим движением и партией, которое имело большой вес в обществе и в трудном случае могло оказать серьезную поддержку.

В Иерусалиме Павел сразу проявил себя как ревностный и благочестивый иудей. Во время казни диакона Стефана он приглядывал за одеждой старших товарищей – очевидно, воров в городе хватало, – пока те, сбросив свои пестрые балахоны, швыряли в мученика камнями. Желая активней проявить себя в защите веры, Савл даже выпросил у Синедриона особую миссию – командировку в Дамаск, чтобы и там находить и избивать христиан, кощунственно восставших против Закона. Но по дороге, еще не добравшись до города, он пережил внезапное обращение, кратко описанное в «Деяниях апостолов»: «Внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна. Он в трепете и ужасе сказал: Господи! что повелишь мне делать? и Господь сказал ему: встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». Слепшего Павла спутники под руки привели в Дамаск, где он принял крещение и исцелился, прозревав одновременно и духовно, и физически.

После своего обращения Павел несколько лет странствовал в Аравии и проповедовал Христа в Дамаске, вызывая всеобщую ненависть иудеев и, очень часто, недоверие христиан, помнивших о его иудейском прошлом. Из Дамаска ему пришлось сбежать от разгневанных евреев, спустившись ночью с городской стены в веревочной корзине. Приехав в Иерусалим, он заручился поддержкой апостолов Петра и Иакова, которые признали его апостольские права и поручили проповедовать христианство в Сирии и Киликии, родных местах Павла. На соборе апостолов было решено, что Петр станет благовествовать учение Христа у иудеев, а Павел отправится к язычникам и заодно соберет средства для Иерусалимской церкви, страдавшей от разразившегося в Палестине голода.

Омовение рук у иудеев

Минимальное количество употребляемой при омовении воды составляло полторы яичных скорлупы. Сначала воду наливали на обе руки, поднимая вверх пальцы: она должна была стекать с запястья, потому что, соприкоснувшись с нечистыми руками, сама становилась нечистой. Потом процедура повторялась еще раз, но теперь руки держали уже в обратном

направлении, устремив пальцы вниз. В заключение каждую руку очищали потиранием сжатым кулаком другой руки. Правверный иудей делал все это не только перед едой, но и перед каждым из подаваемых блюд.

Портрет Павла

Внешне Павел очень мало подходил для роли миссионера. Поздний портрет рисует его как невысокого лысого человека, невзрачного на вид, с кривыми ногами и горбатым носом. У него были неприятные глаза – подслеповатые и больные, вызывавшие желание «сплюнуть», как он сам написал в одном из писем. Болезненность и слабость Павла производили отталкивающее впечатление и настраивали против него людей. Он сам сознавал это качество и говорил, что «ангел сатаны бил его кулаками», чтобы он не превозносился.

Недостатки внешности можно было искупить красноречием, но Павел и здесь не проявлял ничего выдающегося. Недруги утверждали, что он силен в письмах, но слаб в речах. Правда, и письма Павла нередко были таковы, что вызвали недоумение даже у других апостолов. Петр откровенно писал, что в посланиях Павла есть «нечто неудобовразумительное». Еще меньше Павел поражал своей одеждой и внешней представительностью. Одевался он очень скромно и практично, как подобало человеку часто путешествовавшему и терпевшему многие лишения. Павел не носил ни тоги, полагавшейся римским гражданам, ни хитона и плаща-гиматия, как это делали странствующие философы и риторы. Обычно на нем была крепкая, простонародного вида накидка, которая по-латыни называлась раепула, а по-гречески – фелонь.

Секрет успеха Павла и сила его проповеди заключались в его исключительной натуре. Он был неординарной личностью, цельной и страстной, способной личным примером убеждать и увлекать слушателей. Несмотря на принципиальность и некоторую жесткость, в его характере трудно найти даже намек на религиозный фанатизм. Его письма полны любовью и нежностью к близким и друзьям, терпимостью и пониманием людей, умением их прощать. К человеческим слабостям Павла можно отнести разве что обидчивость: на апостола Марка, отказавшегося ехать с ним в Каппадокию, он разобиделся так, что отказался взять его с собой в следующее путешествие. В своих посланиях Павел часто и подробно жалуется на то, что его притесняют, что его все бросили, что его не ценят по достоинству. Однако в повседневной жизни это был человек обаятельный и располагающий к себе, вызывавший не только уважение, но и личную приязнь. Первое впечатление о нем бывало неблагоприятным, но у тех, кто знакомился с ним ближе, он вызывал искреннюю привязанность. В своих странствиях Павел обрел множество поклонников, учеников и друзей, которые любили и почитали его до самой смерти.

Кроме личного обаяния, Павел имел немало других качеств, помогавших ему нести трудное призвание миссионера. Он был вынослив и работоспособен, трудолюбив и находчив в удовлетворении житейских нужд. Он зарабатывал на жизнь своими руками, не желая никого обременять расходами, и считал, что каждый апостол должен обеспечивать себя сам. Чтобы не быть никому в тягость, днем он проповедовал, а по ночам шил палатки на продажу. В трудные минуты Павел демонстрировал редкое самообладание, мужество и терпение. Его способность к выживанию была просто удивительна. «Я гораздо более был в трудах, – писал он о себе, – безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе». Римляне жестоко избили его в Филиппах, а в Эфесе посадили в тюрьму и снова избили, подвергнув бичеванию; еще раньше он едва не погиб после

побивания камнями в Листре. Павел был еще не стар, когда говорил, что «внешний его человек тлеет». Огромной усталостью веет от его просьбы, чтобы «никто впредь не отягощал его, ибо он носит язвы Иисуса Христа на теле своем».

Но, пожалуй, самое главное было в том, что Павел обладал замечательно сильным и гибким умом. Это видно прежде всего по его письмам, которые составляют значительную часть Нового Завета. Широта кругозора и глубокое знание людей позволяли Павлу легко адаптироваться к любой среде. Он старался стать своим в любом месте, где протекала его проповедь: для иудеев быть иудеем, для язычников – язычником, для просвещенных – просвещенным, для невежд – невеждой. Дипломатичность, даже изворотливость не раз выручали его в трудных ситуациях. Когда его привлекли к суду Синедриона, он ловко использовал разногласия между саддукеями и фарисеями, воззвав к последним: «Я фарисей, меня судят за нашу веру!» – чем вызвал смятение и споры между судьями. Павел знал, где и как можно и нужно говорить, везде умел выбрать подходящий тон и правильную лексику, учитывая то, к кому он обращался: греческим философам, римским солдатам или правоверным иудеям. Среди других апостолов, более прямолинейных и простодушных, он напоминал Протея, принимавшего тот облик, который помогал ему извлечь максимальную выгоду в конкретной ситуации. Цель у него всегда была одна, но он шел к ней благоразумно и осторожно, тщательно взвешивая обстоятельства и опираясь на свой опыт и понимание человеческой природы. Такой человек мог бы добиться многого в любой области, и христианство сильно выиграло от того, что именно Павел стал его провозвестником в языческом мире.

Как путешествовали в Римской империи

Как и всем апостолам, Павлу приходилось постоянно странствовать. Дальние поездки в Древнем Риме были обычным и широко распространенным делом. Империя позаботилась о том, чтобы создать для этого сравнительно комфортные условия, похожие на те, что существовали в Европе в начале XIX века. Путешественники наслаждались царившим в провинциях миром, торжеством порядка и общим духом гуманности и культуры, который римляне распространили до дальних уголков страны. В отличие от Европы, внутри Древнего Рима не было никаких границ: отправляясь в любое место, странник оставался у себя дома, в родном государстве, где действовали одни и те же законы и употреблялся один язык. Частым и продолжительным путешествиям способствовали широкие родственные связи, обилие гостиниц и хорошие дороги.

О римских дорогах стоит сказать подробнее. Они расходились от золотого столба на форуме Рима (отсюда пословица – «все дороги ведут в Рим») до самых границ империи. Фундамент этих образцовых трасс составляли мощные каменные блоки, засыпанные гравием и утрамбованной землей с легким наклоном в сторону обочин – для стока воды. Через каждую милю (римская миля – это 1000 двойных шагов, примерно 1.5 км) на обочинах стояли мильные камни с указанием расстояний до ближайших населенных пунктов, поэтому путник всегда точно знал, где он находится. Для удобства путешественников существовали дорожные карты с подробным обозначением развилки, населенных пунктов, постоянных дворов (правда, с нашей точки зрения, их делали на довольно неожиданных вещах: кубках, серебряных блюдах и т. д.). Кроме того, ориентирами служили многочисленные храмы и мавзолеи, попадавшиеся по дороге: решив отдохнуть, усталый путник мог зайти и помолиться Меркурию, считавшемуся покровителем путешествий, или Диане, защищавшей дороги, или какому-нибудь местному богу, с удовольствием принимавшему дары от чужестранцев. Естественные препятствия римляне преодолевали с помощью инженерного мастерства: над речными руслами и оврагами строили крепкие мосты, на больших реках устраивали паромные переправы, в горах прорывали туннели. Государственные курьеры перемещались по таким дорогам с огромной для того

времени скоростью, пользуясь системой почтовых станций, которые стояли друг от друга на расстоянии в 10–15 км и где всегда можно было получить свежих лошадей.

С гостиницами дело обстояло намного хуже. Их было много, но они предоставляли так мало комфорта и имели такую дурную репутацию, что путешественники побогаче и посолидней старались ночевать у знакомых или останавливаться на свежем воздухе, разбивая переносные палатки. Обычно такие придорожные заведения носили громкие названия и украшались изображениями благородных птиц или драконов, а рекламные надписи у входа заманивали посетителей, обещая хороший стол, мягкую постель и покровительство богов. На деле бедным и неприспособленным странникам, которые хотели иметь хоть какой-то ночлег и сносную еду, доставались невыносимая духота, шум, насекомые, теснота помещений и сомнительное общество, состоявшее в основном из конюхов и погонщиков мулов. Чаще всего подобные заведения предоставляли и другие услуги, о чем можно судить по эротическим фрескам на стенах одной из таверн в Помпеях и по сохранившемуся до наших дней разговору между трактирщиком и постояльцем: «С тебя один асс за хлеб. – Согласен. – И восемь ассов за девицу. – Тоже верно. – И два асса за мула. – Этот мул меня разорит!»

Богачи обычно путешествовали в колясках и наемных экипажах, но Павлу на такой комфорт рассчитывать не приходилось. Люди небогатые ходили пешком или ездили на мулах – выносливой помеси лошади и осла, созданной римлянами. В дороге они не имели никакой защиты от непогоды, кроме дорожного плаща. Но самая большая опасность исходила от разбойников, грабивших путников даже в самом сердце империи – Италии. Поэтому путешественники при каждом удобном случае присоединялись к свите какого-нибудь чиновника или следовали за отрядом солдат, гарантировавшим им безопасность от грабителей.

Из-за трудности путешествий в античном мире всегда был важен принцип гостеприимства. Без местных связей иноземцу трудно было доказать, кто он такой. Ездившие по делам купцы заботились о том, чтобы в каждом городе были знавшие их поручители из уважаемых граждан, чтобы в случае надобности удостоверить их личность перед властями и судом. Иудеям в этом смысле было проще, поскольку в I веке вся империя была опутана целой сетью синагог. Евреи обитали почти во всех крупных городах востока и запада, от Сирии до Ливии, от Рима до Александрии, поддерживая между собой тесные дружеские и семейные связи и ведя интенсивную торговлю. Еще важнее были родственные отношения: именно поэтому Павел, Варнава и их помощник Марк сначала отправились на остров Крит, в город Саламин, где находилась родина Варнавы.

Евреи и язычники

Не будь этой удобной цепочки из еврейских общин и синагог, Павлу вряд ли удалось бы так стремительно перемещаться по стране и так быстро распространять новое учение. Еврей был своим везде, где существовала местная диаспора. Новичка, даже если лично его никто не знал, встречали здесь как родного человека, предлагали помощь и кров, забрасывали вопросы о новостях, приглашали на религиозные собрания и т. д. Проповедь Павла всегда происходила по одной схеме: он приходил в новый город, обращался в еврейскую общину, посещал субботние собрания и произносил речь в виде комментария к Священному Писанию. Во время выступлений Павел много говорил о личном опыте и опыте других апостолов: как он стал христианином, как встретил Христа на пути в Дамаск и пережил обращение, о чем учил Иисус и что происходило на Тайной вечере. Он старался внести в проповедь живой, личный элемент, заразить других своим примером, силой своей веры. Не были чужды Павлу и чудеса. На Крите он ослепил язычника Вариисиуса, именовавшего себя магом и пророком, а в Троаде вернул к жизни юношу, упавшего из окна дома. В Эфесе он исцелял больных, которые вместо лекарств обвязывались его поясом и другими частями одежды.

Только если проповедь среди иудеев оказывалась неудачна, апостол обращался к прозелитам (то есть приверженцам иудаизма, обращенным из язычников) и уже в последнюю очередь – к язычникам. Евреям, имевшим тысячелетнюю традицию иудейской веры, было труднее принять новое учение, чем язычникам, ничего не слышавшим ни о иудейском Боге, ни тем более о Христе. Иудеи видели в христианстве кощунственное извращение веры, предательство традиции и заветов предков, богохульство, ложь и соблазн. Первая проповедь апостола обычно вызывала у евреев недоумение, которое быстро перерастало в открытую вражду. Чем больше иудеи узнавали Павла и его «благую весть», тем ожесточенней его преследовали. Следуя за ним из города в город, они старались расправиться с ним сами или уничтожить руками римлян. В Листре евреи побили апостола камнями за богохульство, а в Коринфе пожаловались властям, что он учит чтить Бога не по закону. Павла такое отношение в конце концов ожесточило. Он был искренним патриотом и говорил, что любит свой народ настолько, что ради него готов отказаться даже от вечного спасения. Павел всегда верил и думал, что евреи избраны Богом и рано или поздно спасутся, познав и приняв Христа. Но упорное сопротивление проповеди Христа заставило его сказать евреям немало горьких слов. «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам». Или еще резче: «Кровь ваша на главах ваших; я чист; отныне иду к язычникам».

Впрочем, реакция язычников тоже редко бывала дружелюбной. В Листре, где Павел излечил хромого, его и Варнаву встретили как языческих богов: Варнаву, более представительного, приняли за Зевса, а разговорчивого Павла – за Гермеса. Местный жрец даже хотел принести им жертву. Но теплый прием оказался следствием недоразумения, и путникам пришлось разубеждать жителей и объяснять, что они не боги, а слуги Божьи. В Филиппах местные жители обвинили Павла и его спутников, что «сии люди, будучи Иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которых нам, Римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять». На самом деле, авторов жалобы волновала не чистота римских нравов, а финансовый интерес: они рассердились на Павла за то, что он лишил пророческого дара местную рабыню, которая приносила им доход. Теми же мотивами было вызвано возмущение против Павла в Эфесе. Здесь находилось одно из 7 чудес света – знаменитый храм Артемиды со статуей многогрудой богини, которая, как считалось, упала с неба. В городе процветал культ Артемиды, привлекавший огромное число туристов и паломников. Вокруг него кормилось множество людей: ювелиров, изготавливавших миниатюрные модели храма, мясников, продававших жертвенное мясо, целителей и заклинателей, торговавших снадобьями и талисманами. Проповедь нового Бога грозила отобрать у всех этих людей доходное ремесло, поэтому против Павла вспыхнуло возмущение, едва не кончившееся расправой.

Что касается римлян, то большинство из них не понимало и не замечало христианства, пока оно не затрагивало их личные интересы и не нарушало римскую законность. В Коринфе на жалобы иудеев проконсул Галлион, брат знаменитого философа Сенеки, равнодушно ответил, что не видит в этом никакого преступления и не хочет разбираться в иудейских дрязгах. Он отпустил Павла, не заинтересовавшись ни его личностью, ни проповедуемым им учением. В Филиппах после доноса евреев Павла с товарищами арестовали, отобрали одежду, избili палками, посадили в тюрьму и забили ноги в колодки; но на следующий день, узнав о римском гражданстве Павла, местные власти извинились и отпустили его на свободу: закон сурово карал тех, кто не соблюдал права граждан. Законопослушные римляне сами не раз защищали Павла от разгневанных иудеев и даже спасали его от смерти. Так было в Иерусалиме, где римские солдаты вырвали апостола из рук разбушевавшейся толпы.

Путешествия

Маршруты первых трех путешествий Павла хорошо известны. Начав с Крита, он перешел в Малую Азию и прошел по южным и восточным областям современной Турции – гористой и пустынной местности с малочисленным и полудиким населением. Цицерон, побывавший в этом краю примерно ста годами раньше, писал о нем как о жалком и убогом месте, где живет только неотесанная деревенщина. Путникам все время приходилось ехать по голой и пустой равнине, где изредка встречались стада ослов; в дороге было холодно, особенно по ночам, источников попадалось мало, поэтому воду приходилось покупать. Встречавшиеся по пути города больше походили на деревни, огороженные частоколом, где порой даже не говорили по-гречески. Зато местные горы славились разбойничьими шайками, которых римляне не могли известить в течение нескольких столетий. Когда Павел писал, что его не раз грабили разбойники, скорей всего, он имел в виду именно эти места.

Павел не был свободен в своих перемещениях. В это время уже существовали границы миссий разных апостолов, которые не должны были пересекаться: во-первых, чтобы не тратить время зря, во-вторых, чтобы не создавать разногласия и смуту в общинах, основанных разными апостолами. В Малой Азии Павел оказался так тесно зажат между уже занятыми сферами влияния, что ему пришлось перебраться в Европу – девственную территорию, где еще не проповедовал ни один апостол. Здесь он посетил греческие Филиппы, Фессалоники, Афины и Коринф. В Фессалониках его снова арестовали, но у него нашелся родственник и поручитель, некий Иасон, вызволивший его из тюрьмы. В Афинах апостола возмутили нагие «идолы» и привлек храм бога-целителя Асклепия: Павел был неравнодушен к медицине.

Но больше всего его заинтересовали знаменитые афинские философы. Кто, как не они, мудрецы, любители истины, могли принять живую и высшую истину по всей ее полноте – Иисуса Христа? Павел сделал попытку обратить последователей школы стоиков и эпикурейцев, которые собирались на городской площади и беседовали на философские темы. Он произнес речь, по-риторски умелую и искусную, начав с похвалы афинян за благочестие и упомянув стоящую в городе статую «неведомым богам», которых он переделал в «неведомого Бога», отождествив его с Христом. Сначала толпа слушала его внимательно, но когда Павел заговорил о воскресении из мертвых, его репутация сразу упала: его сочли несерьезным человеком, «суесловом», который вместо философских истин проповедует какие-то сказки. «Об этом мы послушаем в следующий раз», – насмешливо бросили греки и разошлись по своим делам.

В первые годы путешествий Павел часто переезжал из города в город, но позже предпочитал подолгу оставаться в каком-нибудь крупном центре: сказывались возраст и накопившаяся усталость. В двух городах, Коринфе и Эфесе, он провел в общей сложности четыре года. Коринф был богатым морским портом, торговой и деловой столицей Греции и местом проведения знаменитых Истмийских игр. В этом космополитичном центре, известном своими публичными домами и развращенностью нравов, Павел обрел богатого покровителя Гая, на вилле которого он подолгу гостил и работал. Эфес – четвертый по величине городе после Рима, Александрии и Антиохии, столица Малой Азии и резиденция проконсула, – стал для апостола почти вторым домом, где его окружали самые близкие и дорогие люди.

Во время своих странствий Павел нашел немало верных последователей и преданных друзей. Среди них был Тимофей, сын грека и иудейки, один из любимых его учеников, к которому он относился как к родному сыну; Онисифор, беглый раб, спасенный им от разгневанного хозяина; Аполлос, красноречивый и хорошо образованный юноша из Александрии; Лука, странствующий врач, будущий автор Евангелия и Деяний; собратья апостола по ремеслу палаточники Акилла и Прискилла, муж и жена, изгнанные вместе с другими иудеями из Рима по указу императора Клавдия. В ближний круг апостола входили также его первый помощник

евангелист Марк, с которым они снова помирились, Тит, Иуст из Коринфа, Аристарх Македонянин. Среди последователей Павла всегда оказывалось много женщин, часто первыми отвечавших на его проповедь и помогавших ему во время странствий. В Листре это были Лоида и Евника, бабка и мать Тимофея, в Афинах – Дамарь, жена Дионисия Ареопагита, в Кенхрее – коринфянка Фива, ставшая потом диакониссой.

Трудности в первых общинах

С новыми христианами, обращенными Павлом, дело обстояло не так благополучно, как можно было ожидать. Среди них попадались самые разные люди: иудеи и греки, нищие и богачи. В одной группе могли оказаться владелец крупного поместья и его беглый раб. Склонности и вкусы у всех тоже были разные: одни строго держались иудейства и предпочитал в простоте душевной петь псалмы, других больше интересовали чудеса Иисуса, третьи были настроены экзальтированно и мистично, переживали по три откровения за день и начинали «пророчествовать» прямо на собраниях, говоря на непонятных языках. Павел благоразумно пытался сдерживать таких людей, введя специальный регламент на пророчества: не больше двух-трех «выступлений» на одном собрании с обязательным их толкованием.

Правила и нормы христианской жизни тоже соблюдали далеко не все. Некоторые христиане из язычников продолжали есть жертвенное мясо, участвуя в праздниках, которые начинались с жертвоприношений и заканчивались поеданием мяса убитых жертв. Павел старался относиться к этому терпимо, различая веру в языческих божеств и необходимость традиций, которым продолжали следовать многие новообращенные. Поэтому тем, кто оказался в гостях у язычников, он советовал не заботиться о том, что за мясо им предлагают в угощение, и есть все спокойно. Если же им скажут, что это мясо жертвенного животного, следует отказаться: не потому, что такая пища сама по себе вредна (это безразлично, потому что «пища не приближает к Богу»), но чтобы не искушать других. Гораздо больше Павел осуждал тех, кто приходил на священную трапезу христиан только для того, чтобы поесть, и набрасывался на еду, даже не дожидаясь других братьев. Ему приходилось разъяснять, что не для этого они собираются на трапезу, что здесь им даются плоть и кровь Христова. А кто голоден, тот пусть сначала наестся дома и тогда приходит.

Но главные проблемы исходили не изнутри общины, а извне. Из Иерусалима по пятам Павла следовали приверженцы иудейского Закона, которые, опираясь на авторитет Петра, старались перетянуть обращенных Павлом христиан на свою сторону. Павел видел, как единая вера «святых» постепенно раскалывалась на группки и секты. Выяснялось, что новообращенные христиане непостоянны и нетверды, готовы последовать чуть ли не каждым новым проповедником, увлечься новой верой или новым толкованием учения. Пока Павел был в Коринфе, в Фессалониках началась смута, связанная с приходом новых проповедников: среди членов общины распространились апокалиптические настроения, все ждали конца света, никто не работал, только молились. Коринфская община тоже распалась на группы по именам лидеров, которых они считали своими руководителями: кифины, то есть обращенные Петром (Кифой на греческом), аполлосовы, павловы. В ответ Павел пытался противопоставить раскольникам принцип христианского единства: «Один Бог, одна вера, одно крещение».

Падала и нравственность. Павел в одном из посланий упоминал, что в общине появился некто, кто живет с женой собственного отца, и предлагал изгнать его из общества верных. Другие вели тяжбы между собой и обращались для этого к светскому суду. Апостол считал это постыдным для христиан, которые должны быть судимы своими братьями, а не язычниками.

Не успевая лично бывать везде, где требовалось его присутствие, Павел начал писать письма. В них он излагал свою жизнь, учение, исправлял ошибки и заблуждения в общинах, отвечал на вопросы. Писать собственноручно у римлян было непринято, это считалось заня-

тием рабов-ремесленников, поэтому Павел диктовал письма вслух и удостоверял их своей подписью: «Приветствие моею рукою, Павловой, что служит знаком во всяком послании». Послания Павла были не просто частными письмами: их читали на общих собраниях, как вразумление и руководство к действию. Это были самые ранние христианские тексты, появившиеся еще раньше, чем Евангелия.

Римское письмо

Письма в Риме писали часто, но почта существовала только для официальной переписки. Частные послания доставляли кто как мог – со знакомыми, курьерами, торговыми людьми и т. д. Письма обычно были краткими: приветствие, краткая информация, пожелания. Было принято писать лаконично, в пределах 300 слов. Письма писались на листьях папируса густой тушью, тростниковым пером, без пробелов и знаков препинания, стараясь уместить все на одном листе. Лист сворачивали в трубочку, перевязывали и запечатывали, а с внешней стороны писали адрес.

Смута в Иудее

После долгих путешествий обратный путь в Палестину стал для Павла не столько возвращением домой, сколько движением навстречу гибели. Апостола томили дурные предчувствия, что в Иерусалиме его ждут «узы и скорби». В свой любимый Эфес, на который Павел потратил два года, он даже не заехал, зная, что местные иудеохристиане настроены против него.

В Иудее апостола встретили брожение и беспорядки. Прокуратор Феликс боролся с бурной волной националистических и мессианских движений. То и дело в окрестностях города появлялись новые пророки и чудотворцы, увлекавшие за собой народ и обещавшие освобождение народа и Израиля. В самом Иерусалиме начался террор так называемых «сикариев» (по латыни *sicarios* означает «палачи» – слово, производное от названия короткого кинжала). Это было радикальное крыло партии фарисеев, грозившее смертью всякому, кто поддерживает римлян и отворачивается от веры отцов. В любой момент в толпе на площади или на узкой улочке сзади мог появиться человек со спрятанным под одеждой маленьким кинжалом: один быстрый удар, и труп оставался лежать на земле, а убийца бесследно исчезал. Иосиф Флавий, живший в то время в столице Иудеи, писал, что «каждый ожидал внезапной смерти».

Римляне держали город под контролем, расположив войска в крепости Антония, стоявшей высоко над городом. Несмотря на это, в Иерусалиме то и дело происходили вспышки возмущения и стычки с армией. Во время Пасхи какой-то солдат с насмешкой показал паломникам неприличный жест, и его стали забрасывать камнями; в город вошли военные отряды и началась давка, в которой погибло 20–30 тысяч человек.

Приехав в Иерусалим, Павел сразу попал в атмосферу вражды и обвинений. Местные христиане упрекали его в отступлении от закона и отрицании обрезания. Чтобы не оказаться отщепенцем в иерусалимской Церкви, Павлу пришлось доказывать, что он правоверный иудей, следующий всем древним ритуалам. Он согласился пройти специальный обряд очищения, включавший жертвоприношение в иудейском храме и продолжавшийся целую неделю. Но это не помогло: Павла обвинили в том, что ввел в святое место необрезанного язычника – своего ученика Трофима. Это считалось преступлением, которое каралось смертью. Павла схватили и потащили за город, чтобы убить. Спасли апостола только римские солдаты, следившие за всем происходящим с крыш домов; они буквально вынесли его на руках из толпы, кричавшей: «Смерть ему!» Командовавший войсками трибун Клавдий Лисий приказал арестовать Павла, заковать в цепи и посадить в крепость для разбирательства дела.

После ареста Павла доставили на суд Синедриона, где он вел себя как заправский адвокат и умело сыграл на партийных разногласиях между фарисеями и саддукеями, заявив, что все дело вовсе не в Иисусе и не в христианстве: просто саддукеи преследуют его за фарисейскую веру в воскресение. Фарисеи охотно поддержали своего собрата и заявили, что не видят в нем ничего дурного. В самом деле, что плохого в том, что он проповедует воскресение из мертвых? Кто знает, может быть, с ним действительно говорил ангел или дух? Дело начинало все больше запутываться, и трибун Лисий, узнав, что Павел не местный, отправил его к проконсулу Сирии Феликсу, временно заменявшему более крупное начальство – прокуратора Кесарии.

В Кесарии Павел снова выдвинул свою версию, что саддукеи преследуют его за учение о воскресении. Защищаясь перед Феликсом, он старался показать себя не христианином, а фарисеем, законопослушным гражданином и верным своего сына народа, которого враги пытаются очернить из политических соображений. Павел повел свою речь так, что к нему было невозможно придрасться с точки зрения закона: он служил вере своих предков, что одобрялось Римом; он пережил мистическое видение, что не его вина и что в то время признавалось вполне возможным; наконец, получив озарение от Бога, он проповедовал только то, что уже давно было предсказано Моисеем и пророками: Христос первым воскреснет из мертвых и «возвестит свет» иудеям и язычникам. Наконец, видя, что положение складывается не в его пользу, Павел потребовал предоставить его «суду кесаря»: это означало, что его должны отправить в Рим для прямого суда императора, на который он имел право как римский гражданин.

В Риме

Четвертое, и последнее, путешествие Павел совершил не по своей воле: почти все оно прошло под конвоем и в кандалах. Павла отправили в Рим под охраной во главе с центурионом Юлием, мягким и разумным человеком, который благожелательно относился к узнику и по дороге позволял ему сноситься со своими друзьями и получать от них помощь. На место суда арестантов обычно доставляли пешком, «по этапу», но в Кесарии нашлось попутное судно, поэтому Павел отправился морем. Плавание оказалось долгим и опасным: попавший в шторм корабль две недели носило по волнам, пока не выбросило на мель. Только через полгода, чудом спасшись после кораблекрушения и укуса змеи, Павел перезимовал на острове Мелит и благополучно добрался до Италии.

Весь сухопутный отрезок пути от Путеол до Рима апостол и его спутники прошли пешком, толкаясь среди толп людей с вьючными животными и страдая от москитов и грязной воды. Двигаясь по Аппиевой дороге, они преодолевали по 20 км в день, а ночью останавливались в тавернах и на постоянных дворах, где можно было поесть и переночевать. К этому времени в Риме было уже много христиан, которые почтительно встретили великого апостола на Аппиевой площади и проводили в город. В Риме Юлиан сдал арестантов местным властям, и Павел поселился в частном доме вместе с охранявшим его воином, ожидая суда. По закону римскому гражданину, находящемуся под судом, дозволялось вести обычную жизнь под надзором полиции: это было что-то вроде современной подписки о невыезде. В таком положении он провел еще два года, проповедуя учение Христа и дожидаясь своих обвинителей из Иудеи. Но никто так и не явился: между иудеями Рима и Палестины было мало общения, и после того, как Павел уехал из Иудеи, все быстро успокоилось и дело кончилось ничем.

Конец жизни Павла – уже не факты, а легенда. По одной из версий, он проповедовал в Испании, снова побывал на Сицилии и Крите, посетил Сирию и Македонию и обошел многие из основанных им церквей. В Эфесе его арестовали и вновь отправили пешком в Рим, где тогда царствовал Нерон, объявивший себя богом. Из тюрьмы Павел написал письмо к Тимофею, жалуясь на то, что все «асийские оставили его», верным остался только Онисифор, который сам нашел его в Риме и помогал ему. Похоже, в это трудное время вокруг Павла осталось

совсем мало людей, среди них три или четыре верных ученика: Лука, Марк, Тимофей. Наконец, Павлу был вынесен смертельный приговор. Его вывели за город на Остийскую дорогу, где и совершилась казнь. Он помолился, глядя на восток, потом «склонил голову и не произнес более ни слова».

Как римский гражданин, Павел был не распят, а обезглавлен. На месте его казни христиане поставили памятный знак, и через несколько веков здесь появилась церковь Сан-Паоло-фуори-ле-Мура, одна из четырех крупнейших базилик Рима. Под ее алтарем до сих пор хранится невскрытый саркофаг с останками Павла. Внутри самой церкви по периметру расположены медальоны с портретами всех римских пап, из которых некоторые еще остаются пустыми. По преданию, как только будут заполнены все медальоны, история человечества закончится и наступит конец света.

До края земли

Евангелист Лука подробно описал путешествия Павла, и некоторые эпизоды его жизни мы знаем буквально по часам. Плавание апостола из Кесарии в Путеолы напоминает капитанский судовый журнал: с подробностями установки парусов, измерениями глубины и точными сведениями о числе пассажиров. Лука дотошно сообщал, что на борту было 76 человек, включая корабельную команду, солдат и арестантов, что шторм продолжался две недели и под конец пришлось выбросить в воду весь груз и даже личные вещи, чтобы облегчить судно. Он увлекательно рассказал о том, как корабль сел на мель, и матросы хотели сбежать с него на лодке, а солдаты – перебить пленников, чтобы они не могли скрыться в суматохе. Трудно представить себе более детальное и добросовестное повествование.

Другим апостолам повезло меньше: у них не было собственных биографов. Кроме миссионерских поездок Павла, сегодня более или менее достоверно известно только о смерти двух Иаковок: Старшего, брата Иоанна Богослова, и Младшего, «брата Господня» по прозвищу Праведный. Оба были казнены в Иерусалиме по приговору Синедриона: старшему отрубили голову мечом, а младшего побили камнями и сбросили с крыши Храма, где он часто молился. По легенде, тело Иакова Старшего было положено учениками в лодку и долго плавало по морю, пока не пристало к берегу на западе Испании. В IX веке саркофаг апостола случайно обнаружил местный епископ, и на месте находки был воздвигнут храм и город Сантьяго-де-Компостела – одно из главных мест паломничества у западных христиан. Что касается Иакова Младшего, его больше почитали в самом Иерусалиме: здесь еще долго хранили в качестве реликвии резное кресло, на котором он часто восседал.

Сведения о других учениках Христа почти целиком уместаются в одной фразе Оригена: «Фома получил в удел для проповеди Парфию, Андрей – Скифию, Иоанн – Азию, где и скончался в Эфесе; а Петр – в Понте, Галатии, Вифинии, Каппадокии и Азии проповедовал иудеям рассеяния и, наконец, прибыв в Рим, был распят вниз головой». Остальное было сочинено позже, сотни лет спустя, в виде апокрифических мифов и сказаний, написанных разными благочестивыми людьми. Читать эти произведения довольно трудно и часто неловко. Обычно это сложные и подробные истории со множеством действующих лиц, похожие на авантюрный роман, к тому же не очень увлекательный. Вот типичный сюжет «апостольского романа»: приехавший в новое место апостол изгоняет беса из дочери важного сановника, разгневанный царь принимает его за колдуна, но когда тот исцеляет от неизлечимой болезни его брата или жену, охотно принимает христианство вместе со всеми приближенными. В этих книгах встречается множество чудес, воскрешенных юношей, оклеветанных девственниц, злобных жрецов и говорящих животных. В «Деяниях апостола Иуды Фомы» дикие ослы не только беседуют с апостолом, но и произносят длинные речи перед народом. Очень часто в апокрифах описывается борьба со злыми силами, воплощенных в отвратительных языческих жрецах и духах

тмы. Например, Иоанн Богослов проводит много времени в поединках с магами, наподобие тех, какие апостол Петр устраивал против Симона-волхва. На острове Патмос Иоанн вступает в публичное соревнование с местным жрецом Кнопсом и разоблачает его бесовские фокусы, утопив колдуна в море. В другом эпизоде он проявляет еще большее могущество, показав себя истинным «сыном грома» (прозвище, которое дал ему Иисус): «Иоанн, воздев руки к небу, начал молиться – и тотчас настала на земле жара и зной великий, и попадало из множества людей до 200 человек, и все они умерли, а прочие едва пришли в себя от страха и умоляли Иоанна о милости, ибо ужас и трепет напали на них. Когда же Иоанн помолился Богу, все умершие воскресли, и припали все к Иоанну и, уверовав во Христа, крестились».

Так или иначе, христианские предания и исторические факты говорят о том, что лучи новой веры быстро расходились от Иерусалима по всему Востоку. Если верить традиции, Иоанн и Филипп проповедовали в Азии, а Фома, Симон Зилот и Иуда Иаковлев (он же апостол Леввей и апостол Фаддей) – в Парфии, объединявшей Персию, Армению и Месопотамию. Петр и Андрей, Варфоломей и Матфей выполняли свою миссию в Боспорском царстве, расположенном на черноморском побережье. Варфоломей путешествовал также у «индов», проповедовал в Албании и скончался в Армении. Впоследствии, когда александрийский епископ Пантен отправился с миссионерской целью в Индию, он обнаружил там Евангелие от Матфея, оставленное Варфоломеем.

Об апостоле Фаддее в разных преданиях говорится по-разному: по одной версии он мирно скончался в Финикии, по другой – мученически погиб в Египте или Армении. Насколько достоверны такие сведения, можно судить по тому, что местом смерти Матфея называют и Сирию, и Финикию, и Абиссинию, а Симона Зилота – пять или шесть мест, от реки Евфрата до Грузии и Британии. Немного больше говорится об апостоле Андрее: он жил на северном побережье Черного моря, вероятно, бывал в Крыму и скончался в городе Патры, откуда его мощи были позднее перенесены императором Констанцием в Константинополь. Что касается апостола Фомы, то он проповедовал в Эдессе и Сирии, скончался в Индии, а его прах был перенесен в сирийскую Эдессу. Существует предание, что эдесский царь Авгар V написал Иисусу Христу письмо, в котором просил исцелить его от болезни, и Иисус пообещал отправить к нему одного из своих апостолов: это и был Фома (а может быть, Фаддей или Аддай – неизвестно, разные это лица или одно и то же), который исцелил Авгара. Вместе с Фомой Иисус отправил царю Свой нерукотворный образ, который тысячу лет спустя почитался в Византии как величайшая святыня.

Евангелист Марк проповедовал христианство в Египте и мученически скончался в Александрии 4 апреля 63 года. Есть легенда, что Марк, идя по Александрии, разорвал обувь и обратился к башмачнику Анниану, который во время работы укололся иглой и воскликнул «О Боже!» Марк ухватился за этот возглас, чтобы начать проповедь, и сделал это так успешно, что Анниан стал преемником Марка на александрийской кафедре. Марк проповедовал и в Ливии, в том числе в Кириное, родине того самого Симона Кириноеянина, который перед Голгофой нес за Иисусом Его крест.

Несмотря на успехи апостолов, христианство не всегда закреплялось и удерживалось там, где проповедовалось. Его ростки часто засыхали и увядали на чужой почве. Так было в Скифии, Индии, Аравии, Эфиопии, где христианство возродилось заново только после того, как стало официальной религией империи. В Персии, где к власти пришли Сасаниды, настроенные консервативно и националистически, христианство не имело успеха с самого начала. В Египте проповедь продвигалась трудно, потому что апостолы говорили на греческом, а местное население, копты, не любило греков и всего, что относилось к эллинизму. На юге дело обстояло еще хуже: здесь римские правители едва сдерживали варварские народы и заключали с ними договоры, заставляя их клясться языческими богами Озирисом и Исидой: смена религии привела бы к разрушению всех договоров. Поэтому на юге Египта до VI века официально существо-

вал языческий храм, пока Юстиниан не разрушил это «капище», приказав арестовать всех его жрецов. Южнее Египта, где-то в районе Судана, Сомали и Эфиопии, существовало Аксумское государство, имевшее зачатки эллинской культуры: в этом полусказочном экзотическом царстве епископом был вполне реальный Фрументий, сын греческого философа Мерония, погибшего в Аксуме во время путешествия.

Как и предрекал Иисус, христианство было проповедано по всему миру, но в значительной степени – еретиками. У раскольников-ариан тоже были свои знаменитые апостолы и святые, например, Феофил Инд, проповедовавший христианство в Аравии. Феофил был отправлен с дипломатической миссией к химьяритам и так поразил их своей святостью и чудесами, что химьяритский царь, по вероисповеданию иудей, принял христианство и построил в своих городах церкви. Миссионерской деятельностью к югу от Египта занимались в основном еретики-монофизиты, поэтому копты в Эфиопии были – и до сих пор остаются – монофизитами. По разным причинам православная церковь в Персии позже впала в несторианство, а в Армении – в монофизитство.

В Западной Европе христианство появилось позже, чем на Востоке. Раньше всего оно попало в Рим, хотя и здесь местные общины долгое время оставались греко-еврейскими: об этом можно судить по тому, что первые десять или двенадцать римских пап говорили на греческом языке. Дальше на Западе новое учение расходилось медленно и неравномерно, образуя отдельные островки в Галлии, Испании и Северной Африке. Из дошедших до нас обрывков сведений можно сделать вывод, что во II-м веке большие общины христиан существовали в Лионе, в III-м – в Тулузе, Вьенне, Лютеции (будущем Париже), Трире, Реймсе и Кельне. Сохранились имена некоторых мучеников и епископов того времени: Сатурнина, епископа Тулузы, которого привязали к хвосту разъяренного быка при императоре Деции (250 год), св. Мартина, знаменитого епископа Турского, Дионисия Парижского. Об Испании известно только то, что первый собор там состоялся в Эльвире в 306 году. В Галлии первый известный нам собор был созван в Арле императором Константином, и на нем уже присутствовало три епископа из Британии. В Венгрии, по преданию, христианство пошло от епископа антиохийского Кирилла, которого в конце 3 века сослали в каменоломни Паннонии. Там он обратил в свою веру нескольких каменосечцев – скульпторов, которые позже были убиты Диоклетианом за то, что отказались делать статую бога Эскулапа.

Глава третья. Жизнь ранних христиан

Апостолы, пророки и учителя

Хотя первые общины христиан были собраниями равноправных верующих, среди них с самого начала выделялись люди, обладавшие особыми дарами и авторитетом: их называли апостолами, пророками и учителями. Первые должны были странствовать, распространяя веру, вторые – давать откровения для верующих, а третьи – растолковывать учение.

Апостолами считались ученики Христа или учеников этих учеников, многие из которых сами видели Господа, за что получили имя «самовидцев». Это было первое поколение христиан, главной целью которых являлась проповедь нового учения. Само слово «апостол» происходит от греческого «посылать». Иисус говорил, что послан Отцом и так же посылает в мир Своих учеников: «Как послал Меня Отец, и Я посылаю вас» (Ин 20.21). Задача учеников Иисуса заключалась в том, чтобы идти и проповедовать слово Божие, поэтому они проводили время в постоянных странствиях. Приходя в места, где еще не слышали о Христе, апостолы провозглашали «благовую весть», крестили иудеев и язычников, создавали новые общины и шли дальше, назначая старшим кого-нибудь из новообращенных. Проповедь апостолов отличалась тем, что они несли еще свежее, первозданное откровение веры, исходившее как бы от Самого Христа. В отличие от последующих миссионеров, это были не хранители веры, а ее создатели, первоисток, которому верили так же, как верили живому Христу. Поэтому у апостолов были особые, божественные дары, почти не встречавшиеся после: знание языков, пророческие видения, постоянное чудотворство.

Проводя всю жизнь в пути, апостолы часто возвращались к основанным им церквям, чтобы проверить и укрепить их дух. Переходя от общины к общине, они везде получали помощь и почтительный прием. Но постепенно значение апостольства стало угасать. Поколение самовидцев умерло, христианство было проповедано по всей империи, а вместо настоящих тружеников веры появилось много лже-апостолов, шарлатанов, ходивших по общинам под видом «пророков», чтобы питаться и жить за их счет. Христианам приходилось соблюдать осторожность, чтобы отличать истинных учителей от проходимцев. В документе II века «Учение двенадцати апостолов» (известном так же как «Дидахе») говорилось, что каждого странствующего апостола следует принимать как самого Господа, но не более, чем на один или два дня. «Если кто проводит три дня в одном месте, тот не апостол, а лжепророк». В дорогу апостолу давали только хлеб, чтобы он мог питаться им до следующей остановки, «если же просит денег, это лжепророк». Всякий, остающийся в общине, должен был трудиться и кормиться своим ремеслом, но если со временем он зарекомендовал себя как «истинный пророк», то мог получать пропитание в качестве духовного лидера и учителя.

О пророках известно гораздо меньше, чем об апостолах. Они тоже ходили от общины к общине и выступали в собраниях верующих, впадая в экстаз и изрекая то, к чему их побуждал Святой Дух. Часто эти речи были темны и невняты: пророки произносили «странные, почти безумные и совершенно непонятные слова» (Цельс), которые нуждались в толковании. От верующих требовалось с полным доверием и без обсуждения принимать то, что ими говорилось. «Всякого пророка, говорящего в духе, не испытывайте и не судите, ибо всякий грех отпустится, а этот грех не отпустится», – сказано в «Дидахе». Видимо, пророки или те, кто себя за них выдавал, злоупотребляли этим доверием, потому что их репутация быстро падала. Писатель того времени Ерм обвинял пророков в том, что они забыли свое назначение – быть проводниками Святого Духа – и превратились в оракулов, предсказывавших будущее за деньги. К III веку пророки в Церкви исчезли вместе с апостолами.

Немного дольше существовали странствующие учителя – дидаскалы. Их миссией было не мистическое откровение, а рациональное и трезвое разъяснение учения Христа. Но и они скомпрометировали себя «краснобайством», еретичеством и тем, что сами не делали того, что проповедовали. К концу III века о дидаскалах уже ничего не слышно.

Апостолов, пророков и дидаскалов заменили епископы, которые унаследовали их власть и авторитет.

Наследники апостолов

Уходя из созданных ими общин, апостолы оставляли вместо себя заместителей – старейшин (пресвитеров) или надзирателей (епископов). Вполне возможно, что и сами апостолы, больше не видя вокруг себя поля для миссионерской деятельности, стали оседать на местах и превращаться в епископов или пресвитеров. Церковный писатель Феодор Мопсуестский говорил, что вначале во главе церкви стояли апостолы, а их преемники уже не смели себя так называть и назвались епископами. Епископство представляло собой уже как бы иное, менее высокое состояние служения, имевшее другое назначение и требовавшее других качеств.

Епископы-пресвитеры не странствовали, как апостолы: они всегда оставались вместе с общиной и являлись центром и оплотом веры, вокруг которого спланивалась паства. Начиная со второго века, в церковной литературе появлялось все больше высказываний о высокой миссии епископства. Игнатий Антиохийский, отправляясь на мученичество в Рим, наставлял своих собратьев: «без епископа ничего не делайте», «где епископ, там должен быть и народ», «что одобрит епископ, то Богу приятно». Ириней Лионский считал, что епископ гарантирует правильность веры. Если чего-то не знаешь или сомневаешься – иди к епископу: он не скажет тебе ничего нового, но точно передаст то, что сохранил сам. Епископ говорит не сам от себя, а только то, что услышал от своего учителя, который услышал это от своего и так далее вплоть до апостолов, слышавших это от Христа. Отсюда гарантия чистоты веры.

Но епископ не только хранил веру. Епископ передавал благодать, полученную апостолами от Господа, другим епископам и пресвитерам через особое таинство рукоположения – хиротонию. Хиротония наделяла служителей Церкви дарами Святого Духа, которые позволяли осуществлять церковные таинства, прежде всего, Евхаристию, и давали власть прощать или не прощать грехи: «Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин 20.23). Поэтому для Церкви всегда была так важна апостольская преемственность – прямая непрерывная цепочка передачи благодати через рукоположение новым епископам. Стоило этой цепочке прерваться, и благодать была бы утрачена, а значит, были бы невозможны никакие таинства, невозможна Евхаристия, невозможно поставление новых епископов и священников, невозможна сама Церковь.

Постепенно значение епископов настолько возросло, что их стали отождествлять с самой Церковью. В III в. святой Киприан писал: «Тебе надлежит знать, что епископ в Церкви, а Церковь в епископе, и кто не с епископом, тот вне Церкви». Он считал, что в Церкви не должно быть никого выше епископа, каждый из которых независим и самодостаточен, действует по своему усмотрению и отдает отчет одному Богу. Впрочем, епископ мог, по своей доброй воле, советоваться с паствой, и тот же Киприан говорил, что никогда ничего не предпринимал без совета со своей общиной.

Епископы постоянно общались и переписывались друг с другом, поддерживая связь внутри единой Церкви. С конца II века уже известны соборы, на которые съезжаются епископы, чтобы решать общие церковные дела, обычно в рамках какой-то одной области: Рим, Карфаген, Эфес, Антиохия. Когда праздновать Пасху? Как относиться к христианам-отступникам, которые раскаялись и хотят снова вернуться в Церковь? Можно ли христианам занимать государственные должности? Эти и подобные им вопросы обсуждались на местных соборах. Решения

их были не обязательными, а рекомендательными. Никто не мог принудить епископа выполнить решения собора, он поступал по своему усмотрению. Например, карфагенский собор постановил, что еретиков надо перекрещивать заново (то есть крещение, осуществленное еретиками даже с апостольской преемственностью, недействительно). Многие епископы с этим не согласились и продолжали принимать еретиков без перекрещивания.

Когда речь шла о нарушении основ веры – то есть епископ сам становился еретиком – собор мог его низложить и отлучить от Церкви и назначить другого. Однако если епископа поддерживала паства, у Церкви не было средств заставить его выполнить свое постановление. Часто возникали расколы внутри общин, когда одна часть признавала назначенного собором епископа, а другая стояла на стороне старого. Но епископ-раскольник со своими сторонниками в любом случае оказывались вне католической Церкви и превращались в секту.

Епископа избирали все члены христианской общины. К кандидатам предъявлялись строгие требования, но они были уже не так высоки, как к семи диаконам, избранном на апостольском соборе. Там говорилось о людях «изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости», достоинства же епископа были более практичные, земные. Апостол Павел писал, что епископом должен быть человек, «хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякой честностью; ибо кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пецись о Церкви Божией?» В другом письме он дополнял: епископ должен быть непорочен, муж одной жены, детей иметь верных. Все эти качества указывали не столько на ревностного христианина (это подразумевалось само собой), сколько на солидного, надежного человека, пользующегося хорошей репутацией в обществе. Упоминание дома и детей не случайно: обращение в христианство часто происходило семьями, вместе со всеми рабами и домашними, поэтому семейная ячейка нередко превращалась в ядро новой общины, а глава дома естественно становился главой этой общины, то есть епископом.

Католики и православные

Православным (или ортодоксальным, т. е. «правильно учащим») изначально считалось все христианство. Слово это начали употреблять примерно с IV века, когда хотели отделить правильное церковное вероучение от еретического. Понятие «католическая», то есть всеобщая или вселенская Церковь, впервые появилось у епископа Игнатия Антиохийского во II веке. Долгое время оно тоже относилось ко всему христианству в целом. Разделение на католиков и православных произошло только после раскола церквей в XI веке: к западной отошло условное определение «католическая», а к восточной – «православная», хотя каждая из них до сих пор считает себя и католической, и православной.

Пресвитеры, диаконы, диаконисы и вдовицы

Изначально в Церкви существовало строгое правило: один город – одна община – один епископ. Но когда христиан стало больше, это уравнение пришлось нарушить: общины образовались в мелких селениях и деревнях, в каждой из которых верующим также требовались люди, которые могли совершать Евхаристию – главное таинство христианства. Можно было, конечно, поставить епископов в каждую деревню: так и произошло в некоторых областях, например, в Африке, где появились хор-епископы, то есть деревенские епископы. Но в большинстве мест епископы остались только в главных городах, а мелкими церквями стали управлять пресвитеры.

Пресвитеры или, как их сейчас называют, священники и иереи, выделились из епископов. Игнатий Антиохийский в начале второго века уже отличал одних от других: «Следуйте епископу как Иисус Христос Отцу, а пресвитерству – как апостолам». Из этого сравнения видно,

что пресвитеры, или священники, – меньшая ступень в церковной иерархии. На практике это выражается в том, что у епископов и священников разная степень благодати: епископ может рукоположить священника, но епископа может рукоположить только другой епископ (или, точнее, «сонм», то есть собор епископов – как минимум трое). Евхаристию также может осуществлять только епископ или те, кому он доверит. Поэтому, если пресвитер причащает верующих в своей общине, он делает это только потому, что ему доверил епископ. Деление на епископов и священников сохранилось до наших дней, так же, как и третий главный чин церковной иерархии – диаконство.

Сан диакона – древнейший, он появился раньше епископов и пресвитеров. Диакон в переводе с греческого значит «служитель». Учреждение этой должности связано с началом разногласий в первой иерусалимской общине: жалобой эллинов на пренебрежение к вдовицам. «Тогда двенадцать Апостолов, созвав множество учеников, сказали: нехорошо нам, оставив слово Божие, пещись о столах. Итак, братия, выберите из среды себя семь человек изведанных, исполненных Святаго Духа и мудрости; их поставим на эту службу, а мы постоянно пребудем в молитве и служении слова. И угодно было это предложение всему собранию; и избрали Стефана, мужа, исполненного веры и Духа Святаго, и Филиппа, и Прохора, и Никанора, и Тимона, и Пармена, и Николая Антиохийца, обращенного из язычников; их поставили перед Апостолами, и сии, помолившись, возложили на них руки». («Деяния апостолов»).

С исчезновением апостолов диаконы стали помощниками епископов, продолжавшими, как и раньше, «пещись о столах», то есть заниматься хозяйственной деятельностью. Диаконом становился человек, как правило, молодой и энергичный, хорошо знавший свою паству и заботившийся о нуждах каждого собрата по вере. Большое значение придавалось тому, чтобы он не был пьяницей и корыстолюбцем, поскольку диаконы имели доступ к церковным деньгам и раздаче милостыни. Эту должность ставили в Церкви очень высоко. Диаконы ходили к узникам и больным, раздавали деньги и еду; они должны были не только помогать тем, кто приходил к ним с протянутой рукой, но и сами искать нуждающихся. Им предписывалось, как сказано в одном документе V века («Завещание»), «обследовать постоянные дворы, нет ли там калек и больных, не обнаружится ли какой-нибудь всеми брошенный больной». Диаконами могли быть и женщины – они назывались диаконисами и имели то преимущество, что могли свободно проникать туда, куда мужчинам путь был заказан, например, в женскую половину дома, к знатым христианкам, состоявшим в браке с язычниками.

Еще одна исчезнувшая ступень в христианской иерархии – вдовицы. Община особенно заботилась о самых неимущих членах – вдовах, потерявших своих мужей и не имевших никаких средств к существованию. Очевидно, из них выбирали старшую, которая следила за обеспечением всех остальных. Вдовицами становились пожилые женщины безупречной репутации, хорошие матери и жены, имевшие только одного мужа, известные своими добрыми делами, помогавшие странникам и беднякам и почитавшие апостолов («умывавшие ноги святым», как писал апостол Павел).

Где собирались христиане

В каждом городе еврейская община открывала синагогу – в переводе с греческого «собрание», – которая служила местом для общих молитв, религиозных проповедей и обучения детей. Настоящего богослужения в синагогах не проводилось, поскольку, по понятиям иудеев, жертвы Богу могли приноситься только в Иерусалимском храме, который к этому времени был уже разрушен. Правда, в Александрии был построен другой храм, точно такой же, как иерусалимский, но палестинские евреи не признавали ни этого храма, ни совершавшихся в нем богослужений.

Когда христиане окончательно разошлись с иудеями, синагоги оказались для них закрыты. У ранних последователей Христа не было особых зданий, храмов, алтаря – всего, что сейчас кажется неотделимым от церковной жизни. Первые общины собирались просто в частных домах богатых христиан. (Отсюда появился аргумент противников раздачи всего имущества – «раздай все, что имеешь», по словам Христа. Но у кого же тогда собираться, если все раздают свои дома? И кто будет кормить бедных, давать милостыню?). Обычно для этого выбиралась сама просторная комната – столовая. Если места не хватало, ломали стены и перегородки, превращая весь дом в огромный зал, или собирали деньги и брали в аренду какое-нибудь большое помещение. Иногда собрания происходили под открытым небом, чаще всего на кладбище или в саду, примыкавшем к дому.

Собрания происходили в субботу вечером, хотя воскресенье не было для первых христиан днем отдыха. В римской империи воскресенье не существовало, так же, как и счета по неделям: месяц делился не по семь, а по восемь дней (на ноны, иды и календы). Отдыхали только в нерабочие и праздничные дни, которых за год насчитывалось почти две сотни. Для христиан воскресенье было днем, следовавшим за субботой по иудейскому календарю: в этот день произошло воскресение Христа, и его праздновали как еженедельную Пасху. Позже император Константин Великий официально сделал языческий *dies solis*, «день солнца», посвященный богу Гелиосу, «днем Господа», то есть воскресным днем, а 25 декабря – праздник солнечного бога Митры – праздником Рождества Христова.

Церковь на заре христианства была закрытым обществом, доступным лишь для посвященных. В христианскую общину можно было попасть только по рекомендации одного из ее членов. Этот же человек обучал новичка началам веры, обрядам и правилам жизни христиан. Подготовительный период заканчивался крещением, которое описано в «Дидахе»: «Совершайте крещение следующим образом: обучив всему, что предшествует таинству, крестите во имя Отца и Сына и Святого Духа в проточной воде. Если нет холодной проточной родниковой воды, то крестите в теплой воде. Если же нет в достаточном количестве ни той, ни другой воды, трижды окропите водой голову во имя Отца и Сына и святого Духа». Крещение проводили на открытом воздухе или в специальных закрытых помещениях с купелями – баптистериях. В воду погружались полностью обнаженными, снимая с себя все украшения, женщины при этом распускали волосы. Во время обряда исполнялся особый гимн: «Проснись, о спящий, восстань из мертвых, да озарит тебя Христос, солнце воскресения, взошедшее до утренней звезды». Выйдя из воды, крестившийся облачался в белые одежды и надевал на голову венец; на лбу у него рисовали особый знак, символизировавший его соединение с народом Божиим.

Богослужения и молитвы

Ранний культ христиан был связан с солнцем, которое провожали в субботу вечером и встречали воскресным утром, считая солнечный свет символом Бога-Сына и Бога-Отца. В одном из христианских гимнов того времени говорится: «Мы на закате солнца любимся светом вечерним, воспеваем Отца и Сына и Святого Духа Божия». Солнце восходит на востоке, а восток считался местом, откуда исходит свет истины; там находились Иерусалим и райский сад, оттуда начинался новый день, который символически отождествлялся с будущим царством Божиим, Днем Господним. И сейчас одно из самых древних церковных песнопений «Слава в вышних Богу...» начинается с возгласа священника: «Слава Тебе, показавшему нам свет!»

Богослужение первых христиан было исполнено простоты и искренности, которые пленяют многих современных христиан. На рассвете они собирались где-нибудь в уединенном месте, чтобы встретить утро нового дня хвалой Господу. Вечером устраивали «вечери любви», агапе, на которых вкушали совместную трапезу и, в подражание апостолам на Тайной вечери, причащались телом и кровью Христа. Богослужения велись на греческом языке и совершались

сидя. Они начинались с приветствия епископа или пресвитера, затем чтец зачитывал отрывки из Евангелий, Ветхого Завета и посланий апостолов, неканонические теперь «Послание Климента» и «Пастырь» Ерма, послания римских пап и местных епископов вроде Сотера, Зефирина или Киприана. После чтения пелись псалмы, потом священник говорил проповедь и благословлял хлеб и вино; все верующие возносили благодарственные молитвы и причащались. К чаше с вином прикладывались по очереди, хлеб давали каждому в руки, некоторые уносили его с собой домой и ели там.

В домашней жизни христиане молились утром и перед сном, и еще три раза днем, как следовало по иудейскому обычаю – в третий, шестой и девятый час дня. Поскольку день начинался в шесть утра, по современному исчислению это было в 9.00, 12.00 и 15.00. Часы молитвы имели символическое значение: в 9 часов на апостолов в Пятидесятницу сошел Св. Дух («третий час» по Новому завету), в полдень апостол Петр имел видение о корзине с пищей, которое подвигло христиан к проповеди среди язычников, а в 15 часов («девятый час») умер на кресте Иисус Христос. Кроме того, христиане молились перед едой, перед мытьем в бане, во время приветствий и прощаний, перед началом дела или по окончании работы. Многие вставали среди ночи и возносили молитвы Богу. Св. Киприан считал, что каждый новый час дня нужно начинать молитвой. Климент Александрийский писал о христианине: «В то время, когда он занимается, говорит, отдыхает или читает, он молится». В сущности, молиться следовало непрерывно, сопровождая каждый свой шаг и каждое действие молитвой.

Поначалу для молитв и богослужений использовали ветхозаветные псалмы. Псалом 140-й служил вечерней молитвой, псалом 62-й – утренней. После появления Евангелий на собрания общин начали читать Евангелия и другие книги христианских авторов, например, «Пастырь» Ерма. Из чисто христианских молитв чаще всего звучали «Отче наш» («Богородице, Дева» появилась гораздо позже, в V или VI веке) и хвалебные песни, сочиненные кем-либо из благочестивых верующих. Молитвы мог составлять каждый, кто хотел: предполагалось, что искренняя вера и Св. Дух подскажут нужные слова.

Молились стоя или на коленях, подняв голову к небу, раскинув руки в виде креста, лицом к востоку (считалось, что с этой стороны приходит «духовный свет»), мужчины – обнажив головы, женщины – накиннув плат. Известный богослов Тертуллиан советовал не слишком запрокидывать голову, не размахивать руками и потише произносить молитву. Некоторые девушки приходили на молитву без платка, ссылаясь на то, что апостол Павел заповедал покрывать голову «женам», а они еще не замужем, но Тертуллиан разъяснял, что под «женами» подразумеваются все женщины вообще. Существовал старый обычай сбрасывать перед молитвой верхнюю одежду, который Тертуллиан осуждал, говоря, что так поступают язычники, а «христианский Бог слышит и тех, кто имеет на себе плащ». Недостаточным рвением считалось не умывать перед молитвами рук, сидеть или тем более лежать во время их чтения. Миссионер Феофил Инд, вернувшись из путешествия, был недоволен тем, что Евангелия стали слушать сидя.

Крестное знамение

В обыденной жизни христиан было легко узнать по их обыкновению на все накладывать крестное знамение. В первые века оно имело форму не четырехконечного креста, а латинской буквы Т: так выглядел *сигх commissa*, один из видов римских крестов, на которых распинали преступников. Христиане крестились не тремя пальцами, как сейчас, а одним большим – им изображали маленький крест на лбу. Позже появилось двоеперстие, обозначающее две природы Иисуса Христа, божественную и человеческую, а еще позже троеперстие – во имя Святой Троицы.

Христиане крестили не только все части тела, но и одежду, мебель, стены, книги, посуду и постель. Один римский муж, решивший избавиться от своей жены, догадался, что она тайная христианка, увидев, как она крестила перед сном кровать. Подвижник Ефрем Сирийский писал: «Без креста ничего не предпринимайте: ложитесь ли вы спать или встаете, работаете или отдыхаете, едите или пьете, путешествуете по суше или плаваете по морю, постоянно упражняйте все ваши члены этим живоносным крестом». Кресты ставили, рисовали, вешали повсюду в доме, их вышивали на одежде и носили на шее. В VII веке Трулльскому собору пришлось даже запретить помещать изображение креста на пол, чтобы никто не попирает его ногами.

За едой

Есть за обедом полагалось так, чтобы утолить голод, но не больше. Разнообразие в пище не приветствовалось, так же, как смех и вольные разговоры за столом. «Наши разговоры не только целомудренны, но и трезвенны, – писал один из церковных авторов того времени Минувший Феликс, – ибо мы не позволяем никакой болтовни, веселость умеряем важностью и трезвыми речами». Обжорство, обилие вина, шумная музыка считались неприличными и неблагочестивыми, допускались только «скромные и целомудренные» мелодии во славу Господа.

Примером правильного поведения христиан за столом и во многих других случаях служит книга «Педагог», написанная александрийским пресвитером Климентом. Предписания Климента для вечерних трапез напоминают правила хорошего тона: не пачкать едой рук, сохранять чистой бороду, поменьше разговаривать, особенно с полным ртом, к блюдам прикасаться сдержанно и благопристойно, не пить, пока не прожуете пищу. Он предлагает и меню, приличествующее на христианских трапезах: «Можно употреблять лук, маслины, овощи, молоко, сыр, и, если угодно, мясо вареное и жареное. Из яств самые удобные для употребления суть те, которые приготавливаются без помощи огня, потому что с ними менее хлопот; потом те, которые не обременительны для желудка и дешевы». Вино осуждалось, как разжигающее похоть, и употреблялось только как лекарство. Но если уж пьешь, то соблюдай приличия и достоинство: «Не нужно хвататься за чашку с чрезмерной жадностью, не нужно неприлично водить глазами перед тем, как пить, не нужно предлагаемое для питья поглощать непристойно с невоздержанностью, чтобы не замочить бороды, не залить одежды, что случается, когда питье вливается залпом».

Женщины-христианки, на взгляд Климента, вели себя на трапезах слишком кокетливо: нарочно пили из узких бокалов, чтобы не широко открывать рот, и в то же время обнажали шею, словно хотели показать мужчинам хотя бы то, что можно. Юношей и незамужних девушек, по его мнению, лучше вообще не пускать на совместные трапезы, чтобы не разжигать страсти. За едой допустима скромная и целомудренная музыка, но не шумные песни и пляски; веселье, шутки и остроты должны быть изгнаны, как неприличные для христиан. Позже Лаодикийским и Седьмым Вселенским соборами христианам запрещалось «скакать и плясать» на свадьбах, присутствовать при мимических представлениях (часто непристойных) и исполнении «сатанинских» песен.

Одежда и внешний вид

Ранние христиане осуждали как красивую одежду, так и украшения, привлекавшие противоположный пол. «Девы ни для кого ни должны украшаться, – писал Климент Александрийский, – ни должны нравиться никому, кроме их Господа. Дева, привлекающая взоры юношей и возбуждающая в них страсти своими нарядами, не может быть целомудренной и скромной в душе». Правда, замужним женщинам полагалось некоторое послабление: «Женам, живущим в брачной обстановке, иногда можно и снисхождение оказывать и позволять наряжаться с целью

нравиться мужу. Но пределом их желаний при этом должно оставаться именно желание нравиться только своему мужу».

Суровый Тертуллиан полагал, что женщинам вообще подобает носить скорей траур, «ибо через вашу праматерь Еву грех вошел в род человеческий». Климент, наоборот, предпочитал белый цвет: «Как дым свидетельствует об огне, хороший цвет лица и пульс – о здоровье: подобно этому белизна одежд свидетельствует о состоянии нравов между нами». По мнению александрийского богослова, «женщины должны одеваться в одежды простые, но приличные; конечно, они могут быть из более мягкого материала, чем мужские, но все же не такие, в какие одеваются женщины, потерявшие всякий стыд и распустившиеся в изнеженности».

В заботе о женской нравственности Климент доходил почти до восточной паранджи. «От жены в особенности желательно, чтобы она выходила из дома совершенно закрывшись. Это сообщает ей вид степенности, но и для высматривателей она остается невидимой, так что никакого преткновения из сего не выйдет ни для нее самой, ибо ее глаза нравственной стыдливостью и покрывалом будут прикрыты, но и никакому постороннему мужчине собой она греха не навяжет». С другой стороны, мужчинам с женщинами лучше совсем не встречаться, даже если они полностью закрыты. «Должно избегать присутствия в обществе женщин и старательно уклоняться от встречи с ними; для внесения в свою душу греха вовсе не необходимо прикосновение; может быть греховным уже и простой взгляд».

Климент решительно восставал против ювелирных украшений. Допускалось носить только золотое кольцо на пальце для наложения печатей в доме – знак власти его хозяйки. Немаловажно было и то, какие изображения наносились на печать. «Для печати же мы должны пользоваться изображением голубя или рыбы, или корабля с надутыми парусами, или же музыкальной лиры, какая изображена была на перстне Поликрата, или же корабельного якоря, какой на своем перстне приказал вырезать Селевк. Если кто рыбак, то перстень должен тому напоминать об апостолах или же о детях, воспринятых от вод крещения. Идолских же изображений на своих перстнях мы не должны гравировать; не должно и с каким-то почтением относиться к таким перстням; и перстней с изображением меча или лука не должны мы носить: мы, ведь, состоим друзьями мира; не должны мы иметь на своих перстнях и изображений различного рода кубков: мы ведь люди воздержанные». Новая вера, очевидно, не мешала некоторым христианам придерживаться непристойных обычаев язычества. «Многие носят перстни с изображением на них в нагом виде своих возлюбленных или из мужчин, или из женщин, как будто для невольного напоминания себе о своих любовных удовольствиях, чтобы не забывать о них, но постоянно вызывать их в своем воспоминании: это разнузданность».

Прически

Тот же дотошный Климент подробно и обстоятельно писал, какими должны быть прически, как женские, так и мужские. «Волосы на голове мужчинам следует носить коротко остриженными, за исключением случая, если они были бы курчавыми; на подбородке же должна быть отпускаема борода. Будучи причесаны, волосы не должны слишком спускаться с головы на манер женских локонов; для мужчин достаточно бороды. А если кто бороду подстригает, то не следует, по крайней мере, совершенно ее до гладкости состригать; мужчине сообщается этим вид отвратительный, и состригание бороды даже до кожи собой напоминает выщипывание и выглаживание». Автор «Педагога» объяснял, что длинные волосы неудобны тем, что мешают зрению. «А на верхней губе волосы нужно подрезать, чтобы при еде не пачкались; но не следует их все остригать, – это было бы некрасиво, – а только немного ножницами». Зато к бороде Климент относился с уважением: «она сообщает лицу достопочтенность и некоторого рода отеческую авторитетность».

Женские прически тоже не остались без внимания. Климент был сторонником естественной, природной красоты. Он считал, что волосы у женщины должны быть длинными, но без лишних украшений, потому что они красивы уже сами по себе: достаточно скромно заколоть косу на затылке какой-нибудь недорогой булавкой. «Завиванием же волос в пукли на манер, как это делается у гетер, и распусканием их по плечам локонами и плетками лицо бывает безобразно; для составления этих искусственных косичек срезаются и выщипываются волосы; из страха прическу испортить такие женщины не смеют дотронуться до своей головы; из-за заботы как бы, забывшись, не сбить своей прически, они не осмеливаются даже спать спокойно». Накладные волосы и парики вызвали у него возражения не только с эстетической, но и богословской точки зрения: «Накладывание чужих волос на голову совершенно должно быть оставлено; украшать свою голову волосами другого, накладывать на нее мертвые косы поистине нечестиво; потому что на кого же пресвитер тогда возложит руку; кого благословит он? Не украшенную жену, а чужие волосы и из-за них другую голову».

Косметические ухищрения, считал епископ, вроде подкрашивания седых волос, напояживания и т. п., только портят женщину. Сама лучшая красота – это цвет здоровья. «И лиц своих женщины не должны пачкать вводящим в обман средствами обольстительного искусства».

Походка и поведение

Женщин,двигающихся слишком женственно и мягко или, наоборот, «виляющих хвостом», епископ Климент сравнивал с гетерами, проще говоря – с шлюхами. Замужним он ставил в вину «маслянистые взоры» и подмигивание, считая это прелюдией с супружеской измене, «перестрелкой желаниями». Очень живо и с большой иронией он описывал кокетливых женщин, которые «постоянно жуют мастику, прохаживаются взад и вперед, улыбаются проходящим; другие придают себе интересность тем, что подолгу возятся, как если б у них пальцев не было, с зашлифовыванием своих локонов булавкой для волос, прекрасно сработанной или из черепахи, или из слоновой кости, или другого какого трупного останка. Другие, опять-таки, стараются иным образом понравиться публике, разрисовывают себя различными красками и пачкают себе лицо, как если бы у них на нем цветы какие росли».

Не меньше доставалось и напыщенным мужчинам. «Не следует выступать на путях павлином; не следует с откинутым назад затылком осматривать встречающихся, если бы кто-либо из них обратил на него свое внимание; это неистовство – самодовольно расхаживать по улицам как бы по сцене, так, что люди на него пальцами указывают». Судя по его описанию мужских занятий, за прошедшие тысячелетия они мало изменились. «Мужчины не должны по цирюльням, кабакам и трактирам слоняться, пустословя с ничтожными личностями, западни измышляя женщинам и для возбуждения смеха тысячи непристойных вещей злоречиво о ближних рассказывая. И игра шестисторонними кубиками нам недозволительна, а также и игральными костями, каковым играм многие столь усердно предаются ради корысти».

О браке и брачных отношениях

Церковь с самого начала призывала к сексуальной умеренности, в том числе и в браке. В отношениях между мужем и женой не должно было проявляться никакого сладострастия. Уже первые апологеты веры, Иустин и Аристид, утверждали, что брак допустим только для рождения детей. Их поддерживал Климент: «Бог хочет, чтобы род человеческий продолжался, но Он не говорит: будьте похотливы». Ему вторил Тертуллиан: «Христианин женится не ради плотской похоти». Само по себе плотское соитие и связанное с ним удовольствие считалось нечистым и греховным, если не вело к благочестивой цели.

Климент Александрийский строго регламентировал супружескую жизнь и предписывал время и обстоятельства, в которых допустимо брачное сожитие. «Не следует откликаться на таинственный зов природы в течение дня: например, нельзя совокупляться по возвращении из церкви или с рынка; нельзя на заре, когда поют петухи, в час молитвы, чтения или полезных дел, исполняемых в течение дня; нельзя вечером после ужина и благодарственной молитвы за полученные блага – в этот час подобает покой». Получалось, что на «таинственный зов природы» совсем не оставалось подходящего времени. В брачное сношение следовало вступать нечасто: чем оно реже, тем желаннее и приятнее. Целомудрие было необходимо соблюдать и ночью, в темноте. «Бесстыдные слова, гнусные фигуры, любодейные поцелуи» недостойны христианина. Запрещалось соитие в первую брачную ночь – из благоговения к полученному накануне благословию от священника.

Формально брачный союз христиан ничем не отличался от брака остальных жителей империи. Церемония венчания появилась в Церкви только в VIII–IX веке. До тех пор супруги-христиане довольствовались официальным гражданским браком, дополнительно получая согласие и благословение местного епископа. Однако в некоторых случаях Церковь допускала брак, не одобренный государством. Так, в III веке папа Калликст разрешил римским патрицианкам вступать в тайный союз с простолюдинами и рабами. «Незамужним женщинам, – писал его современник (и соперник) Ипполит, – достигшим зрелых лет и восплавленным любовью к человеку, не достойному их по своему социальному положению, но не желавшим при этом жертвовать своим собственным положением в обществе, он позволил как нечто законное соединяться с человеком, рабом или свободным, коего они выберут себе в сожители, и считать его супругом, не вступая в законный брак». В древних римских катакомбах осталась надпись, сделанная таким незаконным мужем на надгробии жены-патрицианки: «Флавии Сперанде, святейшей жене, несравненной матери всех, которая прожила со мной 28 лет и 8 месяцев без какой бы то ни было досады, Онесифор, муж светлейшей матроны, достойно заслужившей, сделал».

Евангелия

Климент Александрийский утверждал, что первое Евангелие написал Марк, ученик апостола Петра. Поскольку Петр учил устно, слушатели попросили Марка, обладавшего хорошей памятью, записать его проповеди, что он и сделал. Петр, узнав об этом, не одобрил, но и не порицал Марка. Евангелие от Марка – самое короткое из четырех, оно написано очень живым и динамичным, хотя и грубоватым языком: Иисус в нем больше действует, чем говорит, а описания Его чудес выглядят особенно выпуклыми и наглядными. Считается, что Марк писал свое Евангелие для римлян, то есть для язычников, не имевших никакого представления об иудейской. Позже именно его чаще всего использовали миссионеры для проповеди христианства среди несведущих и неподготовленных людей.

Другой раннехристианский авторитет, Иринеи Лионский, считал, что первым Евангелие написал Матфей. Матфей проповедовал евреям, но решил идти к другим народам и, уходя, оставил вместо себя писание на еврейском языке. Это произошло в то время, когда еще были живы Петр и Павел, проповедовавшие в Риме. Матфей написал свою книгу для иудеев и в иудейском духе, поэтому в нем очень много цитат из Ветхого Завета, а сам его тон размеренный и слегка витиеватый, в раввинском стиле: это как бы настольная книга фарисея, ставшего христианином и желавшего проповедовать новую веру соотечественникам.

Лука, ученик апостола Павла, составил свой вариант Евангелий, сам объяснив причину: поскольку многие «торопливо и необдуманно» взялись за изложение событий, он решил написать точную и правдивую историю на основе своих бесед с Павлом и другими апостолами. Книга Луки написана прекрасным языком, достойным греческой классической литературы, ее

не стыдно поставить рядом с Плутархом или Фукидидом, с трудами которого Лука был хорошо знаком. Это работа умного и интеллигентного грека, наиболее привлекательная для образованных людей, обладающих хорошим вкусом и ценящих литературный слог.

Иоанн создавал свое Евангелие последним, много лет спустя, уже зная три других Евангелия. Поэтому он их дополняет и расширяет, сообщая, например, о самом начале проповеди Иисуса – до ареста Иоанна Крестителя – и совершенных Им в то время чудесах. Написанное в полурхаическим, полумедитативном стиле, Евангелие от Иоанна считается наиболее глубоким и духовным, трактуя учение Христа в философском и богословском смысле, близким по духу греческой и восточной мысли в лице гностиков и неоплатоников.

То, что четыре Евангелия описывали одни и те же события, нередко повторяя друг друга, наталкивало многих на мысль о создании некоего общего труда, объединявшего все свидетельства об Иисусе в цельное и последовательное повествование. Такие попытки время от времени предпринимались. Так, Татиан, ученик Иустина Философа, позже впавший в энкратическую ересь, составил свод из всех Евангелий под названием «Евангелие от четырех». При этом он излагал текст евангелистов своими словами «для исправления стиля». Ориген посвятил много времени сравнению разных переводов книг Нового завета, но его главной задачей было не объединение Евангелий, а их толкование, заложившее основание особой церковной науки – экзегетики.

Чудеса

Чудеса в первых общинах были если не обычным, то довольно частым делом. Иерусалимский епископ Нарцисс, узнав, что в храме не хватает масла, превратил в масло воду, и братья потом долго хранили его у себя как святыню. Апостол Иуст Варнава выпил смертельный яд и остался невредим. Иринея Лионский сообщал о воскрешении мертвых, происшедших по молитве братьев-христиан, как о случаях нередких и почти регулярных: «Когда среди братьев возникала нужда, то вся поместная Церковь пребывала в посте и усиленной молитве, и душа умершего возвращалась». Свидетельства о воскрешениях встречались в то время нередко: апостол Иоанн «силой Божией воскресил в Эфесе умершего», Петр вернул к жизни девицу Тавифу, апостолы Иасон и Сосипатр – царя Керикиры, а Павел – юношу Евтиха, упавшего с третьего этажа.

Иринея считал, что в чудесах христиан не было ничего удивительного: естественно, что, получив благодать от Бога, они использовали Его дары. «Одни изгоняют демонов действительно и надежно, и часто, очистившись от злых духов, люди становятся верующими членами Церкви; другие предвидят будущее, имеют видения и пророчествуют; иные лечат больных и, возлагая на них руки, возвращают им здоровье; даже, как мы говорили, они воскрешали умерших, и те долго жили с ними». Все это было предсказано еще Самим Иисусом: «Будут братья змей; и если что смертоносное выпьют, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы».

Кесареву кесарево

Первые общины христиан состояли из людей, почти не участвовавших в жизни государства. У них не было собственности, они не занимались никаким делом и ремеслом, проводили время только в молитвах и общении с собратьями. Но это положение быстро менялось по мере того, как христианство сознавало себя частью общества и вращалось в повседневную жизнь империи. Несмотря на то, что христиане считали себя особым «небесным» народом, не имевшим пристанища на земле, внешне они не старались противопоставлять себя государству – наоборот, вели себя подчеркнуто дружелюбно. Одно из требований к епископам заключалось

в том, что они должны иметь хорошие рекомендации от «внешних», то есть от язычников. То же самое относилось не только к епископам, но и ко всей Церкви: новой религии следовало быть на хорошем счету у римской власти. Это был один из главных лейтмотивов первых христианских апологий: мы одни из вас, мы соблюдаем законы, платим налоги, молимся за цезарей и приносим пользу государству. Христианство хотело не ссориться с властью, а победить мир убеждением, личным примером и любовью, живя как мирные и добрые граждане империи. В этом был огромный положительный заряд новой веры: никакой враждебности, никаких проклятий на головы язычников, полная лояльность к правителям и одобрение римского владычества и рах гомана.

Но в этом заключалась и опасность обмирщения. Живя в миру, раннее христианство не всегда отчетливо видело грань между церковным и мирским. Ясного представления о том, что должна представлять собой христианская жизнь, не существовало. Христианство как бы еще не знало, что можно, а что нельзя: в Евангелиях и проповедях апостолов не было инструкций на все случаи жизни, там давались только общие, основополагающие принципы, из которых постепенно выводились конкретные правила. А жить в обществе и не поддаваться его соблазнам было очень нелегко. Уже через сто лет после создания Церкви Климент Александрийский, строгий поборник христианской нравственности, упрекал своих собратьев в суетности и фальшивом благочестии: «По-видимому, с благословением выслушав слово Божие, они оставляют его там, где выслушали, а вне церковного собрания, как бы умом рехнувшись, в обществе нечестивцев себя не помнят от удовольствия; внимая игре арфистов и арфисток, из себя они выходят при выслушивании их любовного чириканья, приходят в исступление от пения под игру на флейте, хлопают в ладоши, выпивают, позволяя себя осыпать и пакостить всякого рода и другим сором и мусором, наметенным, натащенным и накиданным течением и веянием времени».

В общественной жизни многих христиан сплошь и рядом не замечались или не осознавались те заповеди Христа, которые, казалось бы, должны были составлять суть их жизни. В представлении молодого христианства частные и государственные добродетели существовали как бы параллельно: можно было быть христианином в первых, оставаясь язычником во вторых. Там, где речь заходила об интересах государства, личные правила и заповеди уходили на второй план; ради пользы общества христианин мог наживаться на торговле, судить и даже убивать. Если в Евангелиях говорилось, что никто не может судить другого человека, кроме Самого Господа, то в жизни христианин мог осуществлять земной и светский суд на основании государственного права. В Евангелии было сказано не заботиться о завтрашнем дне и уподобляться птицам и цветам, которые не сеют и не прядут; но в жизни верующий работал, служил, содержал семью и думал о прибылях так же, как язычник.

Торговля среди христиан процветала не меньше, чем у почитателей Сераписа или Юпитера. Попытка Климента Александрийского лишить христиан выгоды от купли-продажи («Кто что-либо покупает или продает, пусть не назначает тому цены двоякой, одну – для продажи, другую – покупную. Пусть называет он только одну истинную: через это останется он верным истине и хотя не получит прибыли, зато богат окажется справедливостью») выглядела наивной и нелепой – зачем тогда вообще торговать? Это прекрасно понимали Иринеи Лионский и Тертуллиан, которые одобряли торговлю при условии, что торгующий христианин не будет проявлять излишней алчности. «Даже теперь, став верующими, – писал Иринеи Лионский, – мы продолжаем приобретать. Но кто же продает, не желая получить прибыль от покупателя? И кто покупает без намерения что-либо получить от продавца? И какой промышленник занимается своим ремеслом не для того, чтобы получить выгоду?» В книге «Пастырь» Ерм осуждал торговцев-христиан, жадность которых, по его словам, удивляла даже язычников, но не отрицал купечество как таковое. То же самое относилось и к ростовщичеству. Эльвирский собор начала IV в. признал право вести торговые операции даже за епископами: единственное ограничение заключалось в том, что сам епископ не должен был покидать своей епархии, если же

он хочет торговать в других областях, то «пусть пошлет сына, вольноотпущенника, наемного агента». Христианский максимализм – «оставь все и следуй за Мной» – заменялся языческим идеалом умеренности: честно судить, честно торговать, честно давать деньги в рост, честно воевать и управлять провинцией, – вот все, что требовалось от христианина в частных делах и на государственной службе.

Армия

Особняком стоял вопрос о службе в армии, которую большая часть христиан считала вполне приемлемой и совместимой с духом Нового Завета. Обычно этот вопрос вообще не поднимался: он решался по умолчанию, как нечто само собой понятное и разумеющееся, словно ратное дело было таким же законным и почтенным ремеслом, как и всякое другое. Если о нем все-таки заговаривали, то заявленный в Евангелии нравственный императив, призывающий удаляться от всякого зла («не противьтесь злу силою»), дополнялся соображениями здравого смысла, согласно которым необходимо выбирать наименьшее из зол, применяя при случае и насилие, если воздержание от последнего само по себе является злом. При этом естественным образом появлялось понятие врага, противника, но уже не в качестве духовной сущности, требовавшей духовного же сопротивления и отпора, а в виде материального злоумышленника, посягающего на твоих ближних, имущество, дом или страну. Еще Иоанн Креститель на вопрос воинов, что им нужно делать, чтобы покаяться и очиститься от греха, отвечал: никого не притеснять, не клеветать и довольствоваться своим жалованием (то есть не грабить население), – как будто убийство на войне не входило в перечень рассматриваемых грехов.

В то же время в первые века христианства раздавалось немало голосов противников военной службы. В одном из ранних христианских сочинений, написанном примерно в начале III века, высказывалось осуждение верующим, желающим стать солдатами. Мученик Максимиллиан, казненный за отказ служить в армии, объяснял свой поступок требованием веры: «Мне нельзя находиться на военной службе, потому что я христианин. Не могу быть воином, не могу творить зла, я христианин». Ригорист Тертуллиан, которого излишний аскетизм довел до еретичества, заявлял: «Разоружив Петра, Господь разоружил всех солдат». Св. Ипполит Римский грозил: «Ежели неопит или верный согласился стать солдатом, да будет он отвержен: он презрел Бога». А Ориген обещал: «Копья, коими мы некогда сражались, мы перековали на косы; мы не поднимем больше меч ни на один народ... ибо Христос сделал нас сынами мира».

Но большинство ранних авторов одобряло и поощряло службу в армии. Климент Александрийский считал, что солдаты-христиане должны оставаться в войсках и выполнять все приказы командиров, принося присягу государству. Иустин хвалил римских солдат, доблестно защищавших границы и благосостояние страны от врагов империи. Папа Климент сравнивал Церковь с армией, где дисциплинированные солдаты подчиняются центурионам. Дезертирство христиан из армии осуждалось Церковью, как наносящее ущерб отечеству: галльские епископы, собравшиеся в Арле в 315 году, запретили христианам дезертировать из армии под страхом отлучения. При императоре Константине Великом, когда Церковь стала государственной, из мучеников, – то есть списков мучеников, пострадавших за веру, – были вычеркнуты имена тех, кто погиб, отказавшись служить в армии по религиозным соображениям. Позже византийские императоры уже прямо требовали, чтобы всех погибших на войне с неверными объявляли мучениками, хотя Церковь с этим не соглашалась.

Покаяние

Не прошло и трех веков, как христианство, прежде изолированное и настроенное против государства, плотно вросло в языческий мир. Дошло до того, что некоторые христиане сами

стали участвовать в языческих культах в качестве жрецов. К началу IV века христиан, занимавших городские должности и участвовавших в языческих церемониях, было уже так много, что собору епископов, собравшемуся в 305 году в Эльвире, пришлось высказать свое отношение к этим людям. Собор постановил, что тем, кто приносил жертвы и устраивал кровавые игрища, нельзя состоять в христианской общине до конца дней; тем же, кто устраивал только праздничные игры, доступ разрешался, но лишь после соответствующего покаяния.

Вопрос о покаянии в это время стал особенно острым. Обретя в крещении новую жизнь и очистившись от всех грехов, христиане продолжали грешить и преступать заповеди Божьи. Что же делать с оступившимся братьями? Монтанисты, представлявшие в христианстве строгий аскетизм, настаивали на том, что каяться можно только один раз. Отпавший от Христа может быть еще раз прощен и принят в Церковь, но если он падет снова, то должен быть извергнут. Ерм, автор «Пастыря», допускал, что христианин после крещения может каяться больше одного раза, но все-таки не слишком часто: иначе покаяние превратится в формальность. На какое вразумление грешника можно рассчитывать, если он будет уверен, что получит прощение, сколько бы раз ни согрешил? Но постепенно в Церкви восторжествовала более мягкая позиция, которой она придерживается и теперь. Церковь – это общество грешников, а не святых; каждый христианин может упасть, но должен подниматься и идти дальше. В том же духе решил проблему римский папа Каллист: он первым предложил отпускать после покаяния даже самые тяжкие грехи. Церковь теряла при этом в святости, зато выигрывала в количестве приверженцев и широте распространения. Излишняя строгость к грешникам грозила превратить ее в замкнутую секту.

В конце концов, Церковь приняла мирское общество и полностью примирилась с государством. Но отношение Рима к христианству оставалось резко отрицательным, и для этого у него были весьма важные причины.

Книга II. Кровь мучеников – семена Церкви

Глава первая. Империя против Церкви

Недозволенная религия

Пожалуй, ни в одном другом государстве мира не существовало такого множества разных религий, как в Древнем Риме. Покоряя новые земли и страны, римляне присоединяли к своей империи не только населявшие их народы, но и почитавшихся ими богов. Благоразумный Рим вел очень мягкую религиозную политику и никогда не пытался навязать побежденным свою веру: он предпочитал «переманивать» на свою сторону чужих божеств, приспособляя их под собственные вкусы. Облачившись в тоги и туники, варварские боги постепенно облагораживались и эллинизировались, превращаясь в часть римского пантеона. После такой метаморфозы империя проявляла широту взглядов и предоставляла своим подданным выбирать то вероисповедание, которое им нравилось, будь то культ Исиды, Кибелы или Митры.

Но религиозная «всеядность» римлян имела свои пределы. Следуя государственным соображениям, они строго различали религии дозволенные и недозволенные – *religio licita* и *religio illicita*. Первые допускались и принимались как одобренные властью, вторые безжалостно преследовались и искоренялись всей мощью государства. При этом не имело значения, каких именно богов почитали запрещенные союзы: римских или каких-нибудь других. Когда однажды в Риме обнаружили тайное общество почитателей греко-римского бога вина Вакха, все 7000 членов этого общества были казнены.

Христианам в этом смысле не повезло: как только христианство стали отличать от иудаизма, римляне признали его недозволенной религией. На первый взгляд, это кажется не совсем последовательным: если в Риме преследовали христиан, то почему терпели иудеев? Ведь иудейскую веру нельзя было ассимилировать и вообще как-то примирить с другими языческими культурами: как и христианство, оно отрицало язычество как таковое. Дело было в том, что у римлян существовало два важных правила, по которым определялось, какую религию можно считать дозволенной и законной: религия должна была быть, во-первых, древней и, во-вторых, национальной. Такой подход имел чисто практический смысл: то, что религия, будучи древней, оставалась узко национальной, гарантировало то, что она и дальше не выйдет за рамки одной нации. Это предохраняло государство от разрастания и экспансии новой веры. Поэтому иудейство дозволялось при условии, что евреи не станут распространять свою веру среди язычников.

Христианство представляло собой полную противоположность требованиям власти – оно было религией молодой, интернациональной и активно вербовавшей себе новых сторонников. Самого по себе этого было достаточно, чтобы запретить ее в Риме. Но расхождения между христианами и язычниками оказались гораздо глубже и серьезней.

Начать с того, язычники и христиане по-разному относились к религии вообще. Нотки сомнения часто звучали в античном мире, когда речь заходила о религии. Вот пример одной древнегреческой эпитафии о загробном мире: «Харидант, что там, скажи, под землей? – Очень темно тут. – А есть ли пути, выводящие к небу? – Нет, это ложь. – А Плутон? – Сказка. – О, горе же нам!». Похоже, эллины не очень-то верили в собственные мифы. К тому же боги философов и боги общества были совершенно непохожими: если народ предпочитал традиционную веру и обряды предков, то философы искали источник истины и строили умозрительные концепции. Это приводило к частым столкновениям и конфликтам, один из которых стоил жизни великому Сократу: афиняне казнили мудреца за введение «новых богов».

Римлян времен империи трудно было назвать «верующими» в христианском смысле слова. Искренне благочестие ушло из Рима еще во времена республики, сохранившись только как национальная традиция и элемент государственной структуры. Скептически настроенные римляне и греки стояли примерно в таком же отношении к горячо верующим христианам, в каком современные европейцы стоят к религиозно настроенным мусульманам. Невозможно представить, чтобы кто-то из римлян пошел на костер ради Венеры или отказался отречься от Меркурия под страхом смерти, хотя многие из них были готовы умереть за родину или ради личной чести. К I–II вв. официальная религия Рима превратилась в официально-декоративный фасад, в котором главное значение имела только лояльность государству и императору. Христиан заставляли поклоняться не Юпитеру и Юноне (на самом деле, чтить римских богов имели право только римские граждане, которых было не так уж много), а особому божеству, называемому «счастьем императора». Это было проявлением верноподданничества, а не религиозности. Религиозный фанатизм христиан казался римлянам безумным, непонятным, они видели в нем какое-то злобное и противоестественное ожесточение. Почему бы не принести жертву «фортунам императора», не отказываясь при этом от собственного бога? С точки зрения римлян, такое упорство могли проявлять только заведомые враги общества и государства, люди, намеренно ставившие себя вне существующей власти и человеческих законов. При этом римская империя видела себя гуманной и миролюбивой, объединяющей и защищающей людей в прекрасном римском мире, где торжествуют закон, норма и порядок, а христиан – темными и разрушительными элементами, покушающимися на его устои.

Сталкиваясь с первыми христианами, греко-римляне то ужасались, то зажимали нос. Христианство ассоциировалось с чем-то грязным, порочным, извращенным, замкнутым в себе и прячущимся от солнечного света, вроде нынешней тоталитарной секты. В нем видели кучку диких и мрачных изуверов, которые поклонятся ослиной голове, пьют кровь младенцев и предаются массовому совокуплению. Римское общество со всей своей культурой, философией, искусством, государственным порядком и унаследованной от предков верой воплощало в себе благочестие и добро, а христианство – его отвратительный антипод, вызывавший чувство омерзения. Именно так писал о христианстве знаменитый историк Тацит: «Это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев». О самих христианах он отзывался как о людях, всеми «ненавидимых за их мерзости».

Подонки общества

В каких же «мерзостях» обвиняли христиан? В «Октавии», апологии защитника христианства Минуция Феликса, язычник Цецилий дает краткое описание преступлений и пороков новой секты. Вот в чем они заключались по мнению типичного римлянина: «Эти люди узнают друг друга по особенным тайным знакам и питают друг к другу любовь, не будучи даже между собою знакомы; везде между ними образуется какая-то как бы любовная связь, они называют друг друга без разбора братьями и сестрами для того, чтоб обыкновенное любоддеяние чрез посредство священного имени сделать кровосмешением». «То, что говорят об обряде принятия новых членов в их общество, известно всем и не менее ужасно. Говорят, что посвящаемому в их общество предлагается младенец, который, чтоб обмануть неосторожных, покрыть мукою: и тот обманутый видом муки, по приглашению сделать будто невинные удары, наносит глубокие раны, которые умерщвляют младенца, и тогда, – о, нечестие! – присутствующие с жадностью пьют его кровь и разделяют между собою его члены». «В день солнца они собираются для общей вечери со всеми детьми, сестрами, матерями, без различия пола и возраста. Когда после различных яств пир разгорится и вино воспламенит в них жар любострастия, то собаке, привязанной к подсвечнику, бросают кусок мяса на расстоянии большем, чем длина веревки,

которую она привязана: собака, рванувшись и сделав прыжок, роняет и гасит светильник; под прикрытием темноты они сплетаются в страстных объятьях без всякого разбора».

Не менее странной и отвратительной римлянам казалась вера христиан в воскресение мертвых и близкий конец света. Что это за глупость – небу и звездам предвещать разрушение, а себе, умершим и разложившимся, вечное существование? Христианам ставилось в вину даже то, что Бог не защищал их во время гонений: «Он не хочет или не может помочь вам; значит, Он слаб или несправедлив». Помимо всех ужасов и преступлений христиане представлялись язычникам угрюмыми и мрачными существами, а их религия – унылой и безрадостной. «Вы не знаете развлечений, не участвуете в праздниках, не радуетесь жизни, не вкушаете ее удовольствий. Несчастливы, вы и здесь не живете, и там не воскреснете».

Христиан презирали и ненавидели все – и простые люди, и просвещенные интеллектуалы, и представители власти. Народ смотрел на христиан как на богохульников и нечестивцев, не поклонявшихся богам и не имевших храмов. Своими гнусными поступками они вызывали ненависть богов и навлекали на землю всяческие бедствия – засуху, наводнения и т. п. Возможно, у язычников не было горячей веры, зато суевериями они не уступали никому другому, а христиане в их глазах заключали в себе все самое дурное и опасное, что притягивало силы зла и могло обрушить их на добропорядочных граждан.

Образованные язычники с брезгливым презрением смотрели на экзотическое и чуждое учение, родившееся в среде неприятных и вздорных иудеев, полное сказочных чудес и пригодное только для глупой черни. Христианство называли религией рабов и женщин, популярной среди разного сброда и отбросов общества. «Жалкая секта, которое набирает в свое нечестивое общество представителей из самой грязи народной, – писал римлянин Цельс, – из легковерных женщин, заблуждающихся по легкомыслию своего пола». Общину христиан, по его мнению, составляли разные шерстяники, сапожники, кожевенники, которые проповедовали свое учение среди женщин и детей. Для римлян это было всего лишь сборище грязных нищих, поклонявшихся не то бунтовщику, не то бандиту, позорно казненному римским правосудием. Поклоняясь кресту, орудию казни, они почитали то, чего заслуживали сами.

Римских интеллигентов возмущало, что христиане не ценили римской культуры и высмеивали статуи богов. Статуи, конечно, не боги, но зачем разрушать произведения искусства? Христиане грозили концом света и предрекали Риму всякие ужасы. Они были равнодушны к гражданской и политической жизни общества, уклонялись от службы, не участвовали ни в какой политической деятельности, не любили и не ценили римской культуры. Они были настолько непонятны просвещенным римлянам, что их называли *genus tertium*, третий род, то есть нечто почти нечеловеческое.

Недоразумения усугублялись тем, что на взгляд язычников все христиане, ортодоксальные и сектанты, были на одно лицо. Многие ужасы, в которых обвиняли христиан вообще, действительно имели место среди сектантов. Церкви приходилось отвечать за причуды и крайности всех расколов и сект, которые отождествлялись с христианством. Цельс имел в виду монтанистов, когда писал: «Многие люди без роду и племени начинают по какому угодно поводу, в храмах и вне храмов, кривляться, как будто охваченные пророческим неистовством; другие, нищенствуя, бродят по городам и лагерным стоянкам, устраивая там такие же представления. Любому из них нет ничего проще, ничего привычнее, как заявить: «Я – Бог, я – Святой Дух». В то время действительно многие объявляли себя пророками и предсказывали самые фантастические вещи, которым внимали доверчивые слушатели. Один такой пророк увел в пустыню толпу своих приверженцев вместе с женами и детьми – якобы на встречу со Христом, – после чего они заблудились в горах и едва не были перебиты войсками, принявшими их за бандитов. Епископ одного из черноморских городов стал иметь видения, объявил, что через год наступит конец света, и уговорил свою паству распродать все свое имущество. Гностик Марк объявлял пророчицами красивых и богатых женщин, уверяя, что они могут говорить что угодно

и это, даже помимо их воли, будет пророчеством от Бога; с помощью таких речей он прокрадывался в богатые дома и часто соблазнял своих учениц, так что им приходилось, по ироническому выражению Иринея Лионского, «скрываться с плодом, обретенными ими в результате общения с гнозисом». Николаиты проповедовали свободу плоти и общность жен, а сторонники Маркиона и Сатурнина, наоборот, придерживались крайнего аскетизма и пугали римских обывателей фанатичным отказом от брака и еды и призывами к мученической смерти. Именно такими людьми – странными, двусмысленными, экзальтированными и ненадежными, – христиане выглядели в глазах римлян.

Апологеты

Церковь пыталась защищаться единственным доступным ей средством – словом. Первые христианские писатели, апологеты (по-гречески апология значит «защита»), появились во II веке, когда среди приверженцев нового учения оказались образованные люди. Они заговорили с римлянами по-римски, в той же манере и тем же языком, основанном не на мистических откровениях, а на логике и здравом смысле. Вооружившись знаниями и красноречием, апологеты старались победить предубеждение язычников и показать, каково христианство на самом деле.

Первым из известных нам апологетов был Иустин, прозванный Философом. Прежде, чем обратиться к новой вере, Иустин долго учился у представителей разных философских школ: стоиков, перипатетиков, платоников. Однажды, блуждая в пустыне, он встретил некоего старца, сказавшего ему, что душа может познать Бога только в христианстве, которое является логическим завершением всякой философии. Иустин последовал этому совету и уверовал во Христа, хотя и внешне, и в душе остался философом, который рассматривал все прежние философские системы как частицы новообретенной истины. Он говорил, что философы являются христианами, сами того не зная. Достоинство христианства по сравнению с философией Иустин видел прежде всего в том, что за свою веру христиане были готовы пожертвовать жизнью. «Никто не верил Сократу, пока он не умер за то, чему учил, – писал он, – ради же Христа презрели страх и саму смерть как просвещенные, так и невежды». Слова у Иустина не разошлись с делом – он сам засвидетельствовал их мученической смертью.

Иустин Философ заложил основы христианской апологетики, очертив основной круг тем и выдвинув аргументы, которые часто использовали в полемике с язычниками его последователи: Тагиан, Афиногор Афинянин, Ерм, Тертуллиан, Минуций Феликс, Мелитон Сардский и др. Все они писали примерно на одни и те же темы и выдвигали одинаковые доводы, поэтому порой может показаться, что защитой христианской веры занимался один и тот же человек.

На первом месте в спорах с христианами обычно стояло обвинение христиан в безбожии. Отвечая на этот упрек, апологеты указывали на то, что христиане верят в Бога и притом – в истинного Бога. Само соразмерное и гармоничное устройство мира не только указывает на существование Создателя, но и говорит том, что богов не много, а Бог один. То же самое мы видим в мире природы: один царь есть у пчел, один вожатый у овец, один предводитель у стада; в государстве власть тоже должна принадлежать одному правителю, только тогда оно будет устойчивым. В конце концов, и языческие философы считали, что Бог един: так учили Фалес, Анаксимен, Анаксагор, Пифагор, Эврипид, Платон, Аристотель. Почему же христиан, верящих в единственного Бога, называют безбожниками?

На самом деле, продолжали апологеты, только христиане верят в настоящего Бога. Тертуллиан писал: «Мы перестали почитать ваших богов с тех пор, как узнали, что их нет». Языческие боги не вечны: они когда-то родились и когда-нибудь умрут. Даже их почитатели признают, что они созданы из плоти и имеют страсти. Боги язычников – не настоящие, это бывшие люди, которых потом обожествили. Но самым важным аргументом против языческих богов

была их безнравственность. «Развратны не мы – развратны вы и ваши боги», – с насмешкой говорил Тертуллиан. Да, христиане не строят храмы и не приносят жертвы, но не потому, что они безбожники, а потому что Богу не нужно ничто земное. Это греки и римляне поклоняются статуям и идолам, то есть материи, а Бог есть дух.

Писателям, упрекавшим христиан в безнравственности, апологеты возражали, что как раз они и отличаются глубокой нравственностью, какая не снилась римлянам. У язычников царят разврат и кровосмешение, а христиане либо вступают в брак, чтобы иметь детей, либо хранят целомудрие. Среди них есть старики, которые всю жизнь прожили девственниками. Что касается оргий, которые они якобы устраивают по ночам, то это выдумки и ложь, основанные на слухах. Иустин описывал, как на самом деле проходят христианские богослужения: все собирается по воскресеньям (потому что в этот день Бог сотворил мир и воскрес Иисус), на собрании читают пророков и апостолов, слушают проповедь, причащаются, дают кто что может предстоятелю, чтобы он распределял данное среди бедных. В христианской общине каждый заботится о другом, потому что все считают друг друга братьями. «Все у нас общее, – провозглашал Тертуллиан, – кроме жен». В этих словах заключался намек на учение Платона, который в своем идеальном государстве призывал к общности жен.

В ответ на частые обвинения в новизне учения апологеты заявляли, что христианство, – не новая вера. Наоборот, это самая древняя религия, возникшая даже раньше, чем язычество. Все, кто получил просвещение от Логоса, то есть Бога-Слова, были христианами. Среди греков это Сократ и Гераклит, среди иудеев – Авраам и Илия. Верующих в Христа пытаются судить за то же, что и Сократа – попытку отвергнуть старых богов, которые на самом деле демоны. Христиане недалеко и от Платона, который тоже считал, что души будут судимы после смерти.

Поскольку многие положения христианства казались римлянам нелепыми, апологеты старались как можно понятней их разжевать и разъяснить. «Как можно верить в распятого преступника, ставя его на второе место после Бога? – удивлялись язычники. – Или теперь нужно считать богом каждого, кто творит чудеса с помощью магии?» Иустин парировал: Христос Бог не потому, что творил чудеса, а, потому, что божественно Его учение. Отдавать все, что имеешь, молиться за врагов, соблюдать целомудрие, всех любить и всем помогать – кто, кроме Бога, мог возвестить людям такие истины? Кроме того, рождение Иисуса предсказали пророки – мудрые люди, многие предсказания которых сбылись, а другие еще сбудутся. Это тоже доказательство божественности Иисуса.

Римляне спрашивали: разве у Бога может быть Сын? Конечно, отвечали апологеты, ведь и у Зевса есть сыновья, и им тоже приходилось страдать – например, Гераклу. Почему Христа называют Словом? Но и Гермеса тоже называют Словом, то есть вестником богов. Кто в здравом уме поверит, что мертвые воскреснут и встанут из земли вместе с плотью? Но материя не изначальна, объяснял Афиногор, а сотворена Богом, поэтому в воскресении нет ничего удивительного: если Он меня сотворил, то сможет и воскресить. Почему всесильный Бог не помогает своим почитателям и не защищает их от казней и пыток? Потому что это «прекрасное зрелище для Бога, когда христианин борется с скорбью, когда он твердо стоит против угроз, пыток и казней, когда он смеется над страхом смерти и не боится палача!» Христиане терпят бедствия и страдания как воины, совершающие подвиги: «У нас не только мужчины, но даже отроки и женщины, вооружившись терпением в страданиях, презирают ваши кресты, пытки, зверей и все ужасы казней».

Одним из самых тяжелых и серьезных обвинений язычников была бесполезность и вредность христиан для государства. Апологеты опровергали этот тезис особенно энергично. «Мы живем вместе с вами, – возмущенно писал Тертуллиан, – пользуемся той же пищей, одеждой, у нас тот же внешний образ жизни, те же жизненные потребности. Живя с вами, мы не обходимся без форума, без рынка, без бань, без гостиниц, мастерских, ярмарок. Вместе с вами и подобно вам мы плаваем, отправляем военную службу, обрабатываем землю, торгуем. Я не

понимаю, каким же образом мы можем оказаться бесполезными членами общества, в котором мы живем?» Наоборот, как раз с появлением христиан государство может рассчитывать на процветание и благоденствие. Христиане не совершают зла и преступлений, потому что боятся воздаяния от Господа. Они ждут царствия, но не земного, а царствования с Богом; иначе они не шли бы на смерть ради имени Христа, а постарались бы добиться своего уже в этом мире. «Не будучи одержимы пристрастием ни к славе, ни к почестям, мы не имеем нужды ни в скопищах, ни в заговорах; вселенная – вот наше государство».

То, что язычники клянутся в верности императору и приносят жертвы его гению, еще ничего не значит: ведь это не мешает им устраивать заговоры и убивать властителей, которых он лицемерно почитают. Христиане же никому не желают зла и всех любят, поэтому они искренне молятся за императора. Для христиан все люди братья, и язычники – тоже братья, хотя и плохие. Мы не признаем императора Богом, объяснял Иустин, но считаем его правителем людей и молимся за него и за благоденствие страны. К тому же, у христиан есть важная причина молиться за здоровье императора: существование римской империи отдалает кончину всего мира и страшные бедствия, а «мы не хотим видеть ужасы конца света, поэтому желаем долговечности империи». Единственное, в чем нас обвиняют справедливо, едко заключал Тертуллиан, это в том, что доходы ваших храмов падают. Что ж, извините, что у нас не хватает средств помогать и людям, и богам! Впрочем, мы даем всем, кто просит: если Юпитер протянет руку, подадим и ему.

Критика язычества

От защиты апологеты переходили к нападению. Пусть язычники объяснят, почему они уверены в божественности своей религии? Потому что она древняя? Но ссылка на древность не всегда справедлива. Мелитон Сардийский указывал, что не все древнее является правильным: надо наследовать только хорошее, а дурное оставлять. Ведь никто не захочет наследовать от предков бедность, а от увечных родителей – слепоту или хромоту. Предсказания и чудеса? Язычники верят в предсказания своих богов, но далеко не все они сбываются. Римляне проиграли в битве при Каннах, хотя гадания по цыплятам предвещали победу. Цезарь, наоборот, победил в Африке, хотя гадания запрещали ему отправляться на войну раньше зимы. Что касается чудес, которые якобы делали язычески боги, то на самом деле их совершали демоны, то есть злые духи, чтобы ввести людей в заблуждение. Тертуллиан предлагал поставить наглядный опыт: призвать в суд какого-нибудь христианина и позволить ему изгнать из одержимого человека беса, а потом принудить его (то есть беса) публично признаться в том, что он и ему подобные обманывают язычников, действуя от имени богов.

Язычники хвалились своей культурой, образованием, философией, поэзией. В ответ Татиан изобразил поэтов и философов жалкими, развратными, непоследовательными и противоречащими себе. Аристипп – гуляка и распутник, Аристотель – льстец, ублажавший царя Александра, Сапфо – бесстыдница, воспевавшая в стихах свое бесстыдство. Ерм высмеивал противоречия философов и разнообразие их взглядов на мир и человека: «То я бессмертен, и радуюсь; то смертен и плачу; то разлагают меня на атомы; я становлюсь водою, становлюсь воздухом, становлюсь огнем». Если мудрецы язычников не могут договориться между собой, как им судить о том, что правда, а что ложь?

Требования апологетов к правителям и государству были достаточно умеренны и разумны. Они не призывали императоров креститься или крестить всю империю, а скромно просили дать им равные права с другими философскими школами. Христиане настаивали, что хотят от государства того же, что хотят сами римляне, – справедливости. Судите нас по истине и справедливости, обращался Иустин к императору Антонину Пию, а не по предвзятому мнению и традициям предков. Тертуллиан, получивший юридическое образование и построивший

свою «Апологию» с поистине адвокатским мастерством, обвинял язычников в том, что они преследуют христиан, ничего о них не зная, а «на свете нет ничего более несправедливого, чем ненависть к тому, чего не знаешь». Говорят, например: Кай хороший человек, но христианин, – не понимая, что, может быть, как раз потому он и хороший, что христианин. Христиан обвиняют, что они убивают и едят детей, предаются разврату, но при этом опираются только на слухи: «Вы толкуете об этом давно, но ни разу не подумали разузнать правду». Христианство запрещено законом, но кто мешает исправить плохой закон?

Писатели-апологеты приложили немало усилий, чтобы обелить свою религию в глазах Рима. Но своей цели они добились лишь отчасти. После их работ на христианство стали смотреть более серьезно: если раньше его просто не замечали, то теперь с ним начали спорить. Последователей Христа уже не обвиняли голословно в безнравственности и омерзительных обрядах. Если в начале второго века Плиний Младший считал новую религию просто уродливым суеверием, то на его исходе Цельс вел ученую полемику с христианскими сочинениями, стараясь доказать их несостоятельность. Спустя еще сто лет неоплатоник Порфирий довольно сдержанно, хотя и не очень убедительно подмечал противоречия в Священном Писании и пытался отделить учение Самого Христа от учения его апостолов. Он считал, что Иисус вполне приемлем для язычников, как национальный лидер, впоследствии обожествленный, и предлагал устроить что-то вроде компромисса с христианством.

Постепенно отношение и простых, и культурных римлян к христианству изменилось к лучшему. Но апелляции апологетов к императорам и попытки изменить нелегальный статус своей веры ни к чему не привели. Государство не изменило своим принципам и продолжало настойчиво преследовать *religio illicita*.

Читайте в ПРИЛОЖЕНИИ: Аполлоний Тианский, маг и чудотворец

Гонения

У правителей были свои причины не любить христиан. Любое государство по своей природе консервативно и стремится к самосохранению. Оно каменеет и дряхлеет в старых формах, всякое новшество для него – зло. В римском праве само обвинение против тех, кто готовил государственный переворот, звучало как «введение новых вещей». Философ Сенека говорил, что мудрый человек соблюдает обряды не потому, что они угодны Богу, а потому, что этого требует закон. Цельс писал, что новая религия плоха уже тем, что она новая, а не старая.

Для римлян христианство было непонятно не только своей внутренней сутью – в которую они сначала особо не вдавались, – но и внешним характером. Прозелитизм христиан, их стремление всех обратить в свою веру был римлянам чужд. Они не только не старались распространить свою религию на другие народы, а, наоборот, ревниво оберегали ее от чужаков. Религиозные взгляды вообще считались делом местным и национальным. Другие народы могли свободно почитать своих богов, какими бы они ни были. Да и отношение римлян к своим собственным богам не отличалось особым рвением. Существовала римская поговорка *Injuria deorum diis cura*: «За оскорбление богов пусть мстят сами боги». Римляне только смеялись, когда апологеты христианства вроде Тертулиана говорили, что, заставляя христиан против воли приносить жертвы, они оскорбляют собственных богов. Если римляне и защищали своих богов, то только тем, что не позволяли проповедовать в Риме чужую веру.

Но официально христиан чаще всего обвиняли именно в безбожии – *sacrilegium*, то есть в отказе почитать признанных законом богов. Христиане возражали, что они чтут своего Бога, но для Рима важно было не то, во что они верят, а то, соблюдают ли они установленные властями правила. Формально оправдаться от обвинения в безбожии можно было не религиозной дискуссией, а простым фактом принесения жертвы богам или клятвой именем богов. Подоб-

ные обвинения в античном мире не были чем-то необычным и не раз выдвигались против самих язычников. В безбожии обвиняли, например, Пифагора, потому что тот был вегетарианцем и не хотел приносить в жертву традиционного быка. Философу пришлось прибегнуть к хитрости, подменив его быком из теста.

Свидетели

На римские гонения Церковь ответила явлением мученичества. Мученик, по-гречески *μάρτυς*, значит «свидетель», то же, что арабское «шахид». В отличие от мусульманства, в «шахидстве» христиан не было никакой агрессивности: быть свидетелем для христиан означало только не отречься от Христа, несмотря на пытки, страдания и смерть. За все время преследований со стороны Рима не было ни одного случая, когда христиане попытались бы сопротивляться силой. Они не устраивали восстаний, не защищали свои дома и семьи с оружием в руках, не вредили исподтишка властям, не пытались мстить за своих родных и близких. Нас уничтожают и пытаются, писал Тертуллиан, так неужели мы не могли бы хотя бы поджечь ваши дома? «Но не дай Бог, чтобы божественная религия употребила когда-нибудь человеческие средства к отмщению за себя».

Христиан часто обвиняли в фанатизме, но если мы посмотрим на то, как умирали мученики, то не обнаружим ничего похожего на фанатизм. В этих людях видны скорее достоинство, спокойствие, даже рассудительность. Излишнее рвение к мученичеству осуждалось Церковью. Во время гонений в Смирне среди верующих нашелся всего один отступник – некий Квинт из Фригии. Поначалу он с таким рвением стремился к мученичеству, что добровольно отдал себя в руки палачей, но когда дело дошло до «львиных пастей», смутился, согласился отречься от Христа и поклонился идолам. Церковь Смирны осудила его не только за вероотступничество, но и за излишнюю горячность, которая не подтверждалась Евангелием и противоречила поведению самого Христа. Христианин не должен сам спешить на казнь – он должен засвидетельствовать свою веру, если его о ней спрашивают.

Впрочем, нередко пример других мучеников был настолько заразителен, что верующий не мог перед ним устоять и сам обрекал себя на казнь. Вот характерная сценка из жизни римского общества того времени. Жена требует развода, потому что ее муж предается беспробудному разврату. В ответ муж обвиняет ее в том, что она христианка, а заодно доносит и на ее учителя по имени Птолемей. Птолемя вызывают в суд, и префект про имени Урбик спрашивает: «Ты христианин?» «Да». «Казнить». Стоящий рядом Луций возмущается: нельзя же осуждать на смерть человека только что за то, что он христианин! Урбик спрашивает: «А ты христианин?» «Да». «Казнить». Тут подходит кто-то третий, безымянный, и уже сам говорит, что он тоже христианин. Его присоединяют к двум первым и казнят.

В самих мучениях, которые сейчас потрясают своей жестокостью, для римлян не было ничего необычного. Так тогда пытали всех преступников и подозреваемых. Показания рабов, даже ни в чем не виновных, принимались только после пытки, чтобы «развязать язык». Римлян не восхищала стойкость мучеников и не убеждало их мужество. В то время процветала вера в сверхъестественные силы, в колдовство. Они считали, что мученики – это искусные маги, которые натираются какими-то мазями, избавляющими их от страданий. Во избежание таких магических фокусов христиан перед казнью обливали мочой. Христиан вообще подозревали в магии и наказывали именно так, как было принято наказывать магов: их распинали на кресте, сжигали или отдавали на съедение зверям.

Для самих христиан мученичество не всегда было стопроцентным доказательством веры. Скончавшийся в муках еретик оставался еретиком, даже если исповедовал Христа. «Есть много мучеников и в других ересях, – писал Аполлинарий Иерпольский, – но мы по этой причине не придем с ними в согласие и не сочтем их обладателями истины». Если перед каз-

нию православные мученики оказывались в одной камере с мучениками-еретиками, то должны были держаться обособленно и умирать, не вступая с ними в общение. Впрочем, вряд ли такое разделение всегда соблюдалось на деле. В Лионе среди заключенных-христиан был монтанист Алкивиад, отличавшийся суровым аскетизмом: на свободе он питался только водой и хлебом и продолжал придерживаться этого правила и в тюрьме. Никакого отчуждения и вражды с другими исповедниками у него не было: православный Аггал упрекнул его только в том, что он соблазняет других, отвергая пищу, созданную Богом. Алкивиад внял этим словам и стал есть все подряд, не разбирая.

Глава вторая. Мученики и императоры

Начало гонений

Римская империя была для христианской веры одновременно и благом, и злом. Несмотря на негативное отношение Рима к христианству, оно никогда не подвергалось тотальному уничтожению: римское общество было слишком гуманным и законолюбивым, чтобы вырвать с корнем даже незаконную религию. Гонения в первые века не были повсеместными, они вспыхивали в отдельных провинциях и во многом зависели от личности местного правителя. Среди проконсулов и легатов бывали и такие, кто терпимо относился к христианам, не привлекал их к суду и даже подсказывал, что нужно отвечать, если против кого-то из них все-таки выдвигали обвинение. В первое время государство сыграло скорее положительную роль, не дав народу расправиться с христианством: оно сдерживало народное буйство, действуя по правилам и законам. Гонения на христиан часто начинались стихийно, с уличных расправ, после чего останавливались начальством и переходили в юридически правильную форму. Эта форма и предполагала те пытки и истязания, которыми полны мученические акты.

Отношение государства к мученикам напрямую зависело от личных качеств императора. Чем лучше были императоры, тем хуже жилось при них христианам. Хорошие правители ревностно занимались государством и обращали много внимания на христиан. А христианство объективно воспринималось как вещь для государства вредная. Христиан, со своей стороны, волновало только то, как император относился к христианству: если хорошо, значит, и император был хорош, а его личные и общественные пороки – разврат, бессмысленные жестокости и казни, расточение казны – как бы не существовали. Как писал русский историк Церкви Василий Болотов, «христиане были заинтересованы в том, чтобы римский престол занимали люди недостойные».

Рим долгое время не замечал христиан. Сначала христианство выступило, по выражению Тертуллиана, под покровом дозволенной религии, то есть иудейства. Христиан принимали за одну из иудейских сект и распространяли на них те же привилегии или те же гонения, что и на евреев. В первый раз христиане пострадали при императоре Клавдии по ошибке, потому что их перепутали с иудеями. Клавдий, друг иудейского царя Ирода Агриппы, не хотел еврейских бунтов в городе и запретил иудеям религиозные собрания, что вынудило их покинуть Рим. Заодно пришлось уехать и христианам. В Деяниях апостолов, относящихся к более позднему времени, ясно показано, что римское начальство не могло отличить иудейства от христианства и видело в их столкновении только какие-то частные религиозные разногласия, до которых им не было никакого дела.

Первое настоящее гонение на христиан произошло при императоре Нероне. В июле 64 года в Риме вспыхнул страшный пожар, едва не уничтоживший весь город. Пламя бушевало десять дней, из 14 районов города десять выгорели дотла. Самого Нерона в это время не было в городе, он вернулся только в разгар пожара, когда уже горел его Золотой дворец. Но у императора-актера была настолько плохая репутация, что его обвинили в преднамеренном поджоге Рима: будто бы для того, чтобы, вдохновившись этим зрелищем, лучше воспевать пожар Трои. «Чтобы заглушить эту молву, – писал Тацит, – Нерон выставил виновниками людей, которых народ и без того ненавидел за их пороки и называл христианами». Еврейские кварталы не сгорели, и это дало повод обвинить в поджоге евреев. Однако христиан к тому времени уже стали выделять среди иудеев. Пожар при Нероне послужил хорошим поводом, чтобы узнать их получше. В наказание за поджог Рима власти стали жечь христиан: зашив в пропитанные

смолой шкуры, их вешали на столбах в императорских садах и поджигали, чтобы они в виде факелов освещали народные гуляния.

После Нерона христианство исчезло из истории еще на 30 с лишним лет. Христиане старались держаться в тени. Они проповедовали скрытно, без шума, не афишируя себя, внедряясь в римские дома через женщин, рабов, прислугу и в конце концов доходя до жен хозяев, а иногда и до самих хозяев. Это была домашняя, незаметная глазу интервенция, происходившая где-то на задворках римского быта: в каморках, на кухне, в женской половине. Хозяин, ни о чем не подозревая, в один прекрасный день с удивлением обнаруживал, что со всех сторон окружен христианами, что его любимый раб – христианин, и его жена – тоже христианка. В 95 году христианкой была уже Домитилла, родственница императора Домициана и мать наследника престола. Сам Домициан отличался болезненной подозрительностью и видел заговорщиков во всех, включая евреев. Христиан он гнал не потому, что они были христиане, а потому, что боялся иудеев: он опасался, что потомки царя Давида, жившие в Риме, могут покушаться на иудейский престол, и хотел их арестовать. Правда, на этот раз царственные евреи сумели оправдаться, показав ему свои мозолистые руки, – это были землепашцы, зарабатывавшие на жизнь тяжелым трудом и никогда не думавшие о престоле.

Траян

При императоре Траяне христианство окончательно вышло на историческую сцену. Марк Ульпий Траян считался лучшим из античных императоров. Это был выдающийся администратор, воин и полководец, воплощение римских добродетелей. Напутствуя новых цезарей, римляне говорили: «Будь счастливее Августа и добрее Траяна!» Репутация Траяна была так высока, что спустя несколько веков римский папа Григорий Великий, по католической легенде, спас его от вечных мук своими слезными мольбами Богу. Но именно этот император положил начало сознательному и последовательному гонению на христиан.

Отношение к христианам того времени проявилось в переписке Траяна, достойного правителя, и Плиния Младшего, римского интеллектуала и блестящего писателя. Плиний, личный друг Траяна и наместник провинции Вифиния, обратился к императору с вопросом, что делать с христианами, которые в подвластных ему землях с быстротой заразы распространились по городам и деревням. Прощать ли раскаявшихся христиан, то есть тех, кто отрекся от Христа, или считать их раскаяние бесполезным? Наказывать только за конкретные преступления или за «само имя», даже если преступлений не было? Допрашивая христиан, Плиний выяснил, что «вся их вина или заблуждение состояли в том, что они в установленный день собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не совершать преступления, но воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной». Так Плиний узнал (или, наоборот, не узнал), в чем заключается суть христианства, и счел его лишь глупым суеверием. Точно такой же вывод и до, и после него делали многие римляне, познакомившиеся с учением христиан.

Ответ Траяна был таков: «Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т. е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не должно приобщать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени».

Получалось, что Траян предписывал преследовать христиан за само имя, а не за связанные с ним преступления. Христиан следовало не разыскивать, но наказывать, если они обна-

ружатся. А как они могли обнаружиться? Только по чьему-то гласному (то есть не анонимному) доносу. В Риме не было государственных прокуроров, и для возбуждения процесса всегда требовалась частная инициатива. Но дело это было неблагодарное, поскольку римляне с презрением относились к доносам, даже гласным. К тому же, несправедливое обвинение было рискованно: если на суде выяснялось, что подсудимый был оклеветан обвинителем, то доносчика подвергали такому же наказанию, какое грозило обвиняемому, вплоть до смертной казни.

Новый порядок, установленный Траяном, означал, что никаких обвинений и преступлений уже не требовалось: достаточно было просто объявить себя христианином, чтобы подвергнуться пыткам и мучительной смерти. За «нечестие», в котором обвинялись христиане, предусматривалось два вида казни: сожжение на костре и *damnatio ad bestias*, предание зверям. В эпоху империи римляне традиционно совмещали праздники и казни, превращая исполнение смертного приговора в живописные игры на арене. При том же Траяне в 106 году празднества в честь победы над даками длились целых 123 дня, и в них погибло не меньше 10 тысяч человек. Участниками игр часто бывали осужденные, которых привозили из провинций и использовали как приманку для хищников, раздиравших их на глазах у толпы. В пасти зверей погиб один из первых известных нам христианских мучеников – епископ Игнатий Антиохийский, прозванный Богоносцем.

Игнатий Богоносец

Примерно в 70 году Р. Х. апостолы Петр и Павел поставили в епископы Антиохии сирийского грека с римским именем Игнатий (от латинского *ignis*, «огонь»). Церковные писатели называли его учеником Иоанна Богослова, а из слов Иоанна Златоуста можно сделать вывод, что он с детства жил в общине первых христиан и воспитывался самими апостолами, слушая их рассказы о Христе. Позже возникла легенда, что Игнатий Богоносец и был тем самым отроком, которого Христос ставил в пример своим ученикам, говоря, что «таковые есть первые в Царствии небесном» (Матф. 18:2). Отсюда якобы и пошло его прозвище – Богоносец, Феофорос, «носимый Богом», т. е. буквально носимый Иисусом на руках.

О его епископстве, длившемся почти сорок лет, известно только, что Игнатий был «мудрый кормчий», который «с большой осторожностью вел свой корабль среди бурь». Считается, что Игнатий первым ввел в своей церкви антифонное пение: ему было видение, что именно так поют ангелы на небесах, поочередно славя Святую Троицу. На историческую арену мученик-епископ вышел почти через сорок лет, в 107 году, когда император Траян, отправившись на войну с армянами и персами, по дороге прибыл в Антиохию. По преданию, Игнатий сам явился к цезарю, чтобы уговорить его изменить отношение к христианам или мученичеством засвидетельствовать свою любовь к Господу. Он считал, что христиан должен пострадать и умереть, как Христос, чтобы соединиться с Христом.

Беседа Игнатия с императором была записана учениками Игнатия и сохранилась. Узнав, что перед ним христианский епископ, Траян спросил, не злой ли он демон, который нарушает законы государства и побуждает к этому других, ввергая их в погибель. В этом вопросе слышался упрек хорошего властителя плохому гражданину, сеявшему смуту в собственной стране. Траян пришел к власти после многих лет гражданской войны, едва не погубившей государство, и выше всего ценил закон и порядок, который Игнатий так непатриотично нарушал. Но Игнатий перевел разговор на религиозную тему: в вопросе императора он услышал прежде всего слово «демон» и возразил, что если он и зол, то как раз против демонов, которые «бегут от рабов Божьих». На вопрос, почему его зовут Богоносцем, епископ объяснил, что носит в сердце Бога. «Но и мы имеем в душе богов, которые нас защищают», – возразил Траян. «Это не боги, а демоны. Бог же один – Иисус Христос, сын Божий, в царство Которого я стремлюсь». «Не то ли это Христос, что был распят при Понтии Пилате?» «Да, Тот, и вместе с ним распяты были

мои грехи и ненависть демонов». Беседа со святым старцем ни в чем не убедила императора, и после разговора он постановил: «Повелеваем Игнатия, который говорит, что носит в себе Распятого, отвести в оковах в Рим под воинской стражей и предать на съедение зверям для забавы народа». Игнатий, выслушав приговор, выразил радость и возблагодарил Господа за то, что Тот удостоил его такой же участи, что и апостола Павла.

В Рим Игнатия отправили с охраной из десяти солдат, о которых Игнатий отзывался как о «леопардах», настолько они были суровы и жестоки («Я уже борюсь со зверями», – писал он в одном их писем). Несмотря на трудность и продолжительность пути, никакого особого транспорта государственным преступникам не полагалось: самостоятельно добравшись пешком от Антиохии до Селевкии, узник и его конвоиры сели на попутный корабль и «после многих страданий» прибыли в Смирну. Здесь Игнатий написал часть своих знаменитых посланий, одно из которых было направлено с друзьями в Рим. Это последнее имеет точную дату – оно помечено девятым днем перед сентябрьскими календами, т. е. 24 августа 107 года. Обращаясь к римлянам, Игнатий умолял не делать ничего, чтобы избавить или отдалить его от мученичества. Он сравнивал себя с пшеницей, которую надо измелить зубами зверей, чтобы получился хлеб. Пусть внутренности зверей станут его могилой и не оставят ничего от его тела, чтобы и после смерти ему не быть никому в тягость. Он выражал надежду, что звери окажутся достаточно свирепыми, чтобы наброситься на него и растерзать, – а то бывали случаи, когда они от сытости или лени отказывались пожирать жертву. Если так случится, он сам заманит их к себе и заставит его съесть. «О, только бы не лишиться мне своих зверей!» Он упрашивал не отговаривать его и не спасать своей неуместной любовью, потому что сам знает, что для него лучше; и если даже он сам потом будет просить об ином, они должны его не слушать, а верить тому, что написано в этом письме. Он говорил, что жизнь для него смерть, а смерть – жизнь, и что только теперь он становится учеником Христовым, рождаясь в Его жизнь через мучение. «Не хочу больше жить жизнью человеков». Тот, кто сам имеет в себе Христа, поймет его и не будет мешать тому, чем он теперь занят. «Пусть будет огонь и крест, и пусть на меня набросятся звери, пусть мне выдергивают кости, отрезают конечности, уничтожат все мое, тело, пусть я испытаю дьявольскую муку, пусть все это произойдет со мной, – лишь бы достигнуть мне Иисуса Христа».

Вместо того, чтобы быстро доплыть морским путем в Рим, солдаты выбрали гораздо более длинный путь: в македонские Филиппы, пешком через Македонию и Эпир, затем из порта Эпидамна снова на корабль и морем в Италию. Христианского епископа всенародно везли на мученичество: такое событие не могло остаться незамеченным. На протяжении всего его маршрута к нему собирались делегации местных церквей, чтобы поприветствовать и почтить будущего мученика. Его крестный путь превратился в триумфальное шествие: Иоанн Златоуст писал, что он шел с востока на запад «как некое солнце». Одним из немногих полезных качеств «леопардов» оказалось сребролюбие: благодаря деньгам, заплаченным христианами, Игнатий пользовался относительной свободой. Находясь в узилище, он мог общаться с братьями по вере, в его темнице даже устраивали вечера любви.

Ближе к концу его путешествия как бы ускоряется: дует попутный ветер, солдаты торопятся в Рим, корабль проносит мимо Путеол, где когда-то высадился Павел, и сам Игнатий стремится к развязке этого долгого путешествия на казнь. Наконец, они причалили в Порто, близ Рима, откуда быстро донеслась весть, что уже привезли какого-то христианского епископа на съедение зверям. Солдатам надо было торопиться, время поджимало: почти заканчивались праздники Сатурналий, и игры должны были скоро завершиться. Местные христиане, вышедшие приветствовать будущего мученика, еще надеялись отговорить толпу от кровавой забавы, но Игнатий уговорил их этого не делать. Вместе с ними он преклонил колени и обратился к Богу с молитвой прекратить гонения на христиан и сохранить любовь между братьями по вере. После этого Игнатия повели на ристалище в Рим.

В амфитеатре собралось уже множество народа: это был особенно торжественный день празднеств, условно называвшийся «тринадцатым». Игнатия втокнули в клетку со зверями. То, чего он опасался, не произошло: львы охотно и быстро набросились на него и мгновенно съели. Это случилось 20 декабря 107 года или, по римскому летоисчислению, в тринадцатый день перед январскими календами. После казни спутники Игнатия и местные христиане провели ночь в молитвах и слезах, а когда они заснули, некоторым из них во сне явился Игнатий, весь покрытый потом, словно по окончании тяжелого труда. После мученической смерти от его тела осталось только несколько костей, которые были собраны христианами, бережно завернуты в льняное полотно и отвезены в Антиохию. Останки Игнатия были погребены в Антиохии на городском кладбище, за дафнийскими воротами. Позже, в VIII веке, когда Антиохию захватили персы, мощи святого Игнатия успели вывезти и перенесли их в Климентовскую церковь в Риме, где они покоятся и до сих пор.

Послания Игнатия

В своих посланиях Игнатий ревностно обличал современных ему еретиков – иудействующих и докетов, призывая христиан ради сохранения единомыслия объединяться вокруг епископов. Однако он призывал молиться и за неверующих и заблудших, поскольку они еще могут покаяться. Игнатий старался меньше говорить о божественных тайнах («Многое разумею я о Боге, но смиряю себя, чтобы не погибнуть от тщеславия») и считал, что можно исповедовать Христа не через слово, а через молчание: «Лучше молчать и быть, чем говорить и не быть». Призывая к твердости и мужеству («Стой твердо, как наковальня, по которой бьют»), он сравнивал христианина с вооруженным воином, для которого крещение – это щит, вера – шлем, любовь – копье, а терпение – полное вооружение.

Поликарп

После смерти Траяна новые императоры династии Антонинов продолжали его линию. Адриан внес в рескрипт Траяна важную поправку: христиан можно было наказывать только за конкретные преступления, а не за само вероисповедание. Вот что он написал в письме к Минуцию Фундану: «Если жители провинции открыто желают вести дело против христиан и в состоянии будут на суде уличить их, то я им этого не запрещаю; только крики и вопли не дозволяются. Во всяком случае, если кто пожелает обвинить их, то нужно справедливо расследовать возводимые на них обвинения. Таким образом, если кто обвинит вышеупомянутых людей и докажет, что они делают что-нибудь противозаконное, то ты наложишь наказание, смотря по силе преступления. Но, если кто обвинит кого-нибудь из них и окажется клеветником, клянись Геркулесом, ты должен наказать его за такое негодное дело». Под «криками и воплями» император подразумевал римский закон, согласно которому никого нельзя было осуждать в отсутствие конкретного обвинителя, по одним только крикам из толпы. О том, что это правило соблюдалось не всегда, свидетельствует судьба еще одного раннего христианского мученика – Поликарпа Смирнского.

В юности Поликарп жил в Эфесе и учился у апостола Иоанна Богослова, который в 110 году поставил его в епископы Смирны. Как пастырь он имел огромный авторитет и считался христианским вождем «всей Азии», а как человек обладал огромным личным обаянием. По рассказу агиографа, даже римские солдаты, пришедшие арестовать Поликарпа, оробели и поклонились к нему большим почтением. За год до своей смерти Поликарп посетил Рим, чтобы обличить гностическую ересь и обсудить с римской папой Аникитой вопрос, в какой день следует праздновать Пасху: 14 ниссана, когда состоялась Тайная вечеря, или на три дня позже, в воскресенье, когда произошло Воскресение Христа. Оба церковных предстоятеля ссылались

на предание, доставшееся им от предшественников, и не хотели уступать друг другу, но это не помешало им сохранить между собой общение и мир.

После возвращения Поликарпа в Смирну в городе начались сильные гонения на христиан. Святых подвергали невероятным истязаниям: одних секли бичами с такой силой, что в разрезанной плоти открывались внутренние жилы, других растягивали на усеянных шипами раковинах, называемых «лезвиями», третьих бросали на съедение зверям. Страдания мучеников были настолько ужасны, что даже смотревшие на них язычники плакали от жалости, но сами истязаемые не издавали ни стоны: невозмутимые и спокойные, как бы совсем потерявшие чувствительность, они переносили пытки с нечеловеческим терпением. Поразительную стойкость этих людей авторы послания объясняли тем, что их души в это время находились вне тела, и пока их плоть испытывала невыносимые муки, сами они мирно беседовали с Господом, который ради укрепления их духа показывал им адское пламя и небесные блаженства, «так что были они уже не люди, но ангелы».

На казнях присутствовал лично проконсул Азии Стаций Квадрат, который то ли по чело- веколюбию, то ли по долгу службы уговаривал христиан отречься от Иисуса. Иногда эти старания имели обратный эффект: один из христиан по имени Германик, раздраженный уговорами Стация, сам бросился к зверям, раздражил их и заставил себя съесть.

Когда расправа закончилась, разгоряченная публика потребовала новых жертв, и тут вспомнили о Поликарпе, предводителе местных христиан. Услышав, что его разыскивают, христиане упростили Поликарпа скрыться в одну из соседних деревень, где он прятался несколько дней, проводя время в молитве. Незадолго до ареста, увидев во сне свое ложе, объятые огнем, епископ догадался, что скоро его сожгут живьем. Его выдал мальчик-раб, живший по соседству; когда солдаты ворвались в дом, Поликарп спокойно вышел к ним, предложил гостям выпить и поесть и попросил предоставить ему один час на молитву. Получив это разрешение, он молился непрерывно в течение двух часов. В город его повез начальник местной полиции Ирод, который по дороге принялся уговаривать его принести жертвы цезарю, а когда епископ ответил, что не может следовать таким советам, грубо вытолкнул его из повозки. «Упав, он ободрал себе голень, – сообщает рассказчик, – но тут же встал и бодро пошел дальше, как будто ничего не произошло».

На площади, где снова собралась толпа, Поликарпа встретил сам проконсул. Он упомянул о почтенной старости епископа и напомнил, что ему очень легко избежать ненужных пыток: для этого надо только поклясться фортуной цезаря и сказать «смерть безбожникам». Старец, обведя взглядом собравшихся зрителей, поднял руку и мрачно произнес: «Смерть безбожникам». «Похули Христа», – продолжал проконсул. Поликарп возразил, что он всю жизнь служил Христу, Который ничего дурного ему не сделал, и ему не за что Его хулить. Не стоит притворяться, продолжал епископ, будто вы не знаете, кто я такой, потому что я сам открыто объявляю себя христианином; если же проконсул хочет побольше узнать о его учении, то пусть назначит удобное для этого время. Стаций, не то серьезно, не то в насмешку, предложил ему убедить в своей истине народ; Поликарп возразил, что он беседует с ним, уважая в нем начальство, а защищаться перед толпой не считает нужным. На угрозы бросить его зверям и в огонь, если не изменит своих мыслей, Поликарп ответил, что мысли надо менять с дурных на хорошие, а не наоборот, и посоветовал ему больше не медлить и поскорее делать то, что он намерен.

После этого проконсул трижды объявил на площади, что Поликарп признал себя христианином. Возбужденные зрители потребовали, чтобы на Поликарпа выпустили льва, но верховный жрец Филипп, заведовавший играми, объяснил, что сделать этого нельзя, поскольку звериные бои уже закончились. Тогда трибуны начали кричать, что его надо сжечь живьем. Из соседних мастерских и бань быстро натаскали дров. Поликарпа заставили раздеться и снять с себя обувь (агиограф замечает, что раньше он этого никогда не делал, потому что верные ученики торопились сами его разуть, чтобы прикоснуться к его святому телу). Его хотели пригвоз-

дять к столбу, но Поликарп заметил, что Господь, дающий силы вынести огонь, поможет ему стоять спокойно и без гвоздей; поэтому его только привязали, сложив руки за спиной. Приставленные к костру люди запалили дрова, огонь запылал; Поликарп стал молиться, и пламя образовало вокруг нечто вроде купола, похожего на надутый парус, а сам он стоял внутри с телом, незатронутым огнем, но раскалившимся наподобие метала в горне. Позвали конфектора – специального служителя, добывавшего после боя раненных людей или зверей, – который заколол его кинжалом; крови хлынуло так много, что она залила весь огонь.

Ученики хотели взять частицу его тела, но Никита, отец Ирода, обратился к проконсулу с ходатайством не отдавать покойного, потому что христиане, оставив Иисуса, могут начать почитать вместо Него Поликарпа. Центурион сжег тело посреди площади, и ученикам достались только кости, которые они бережно собрали и «положили куда следовало». В письме христиан, засвидетельствовавших мученичество Поликарпа, сказано, что он пострадал в месяце ксанфик, во вторую декаду, за семь дней до мартовских календ, в великую субботу, в восьмой час, при архиерее Филиппе Тралльском и проконсуле Стации Квадрате (то есть в два часа пополудни 23 февраля 155 года). Он скончался уже глубоким старцем, в возрасте 86 лет, двенадцатым по счету мучеником в Смирне и последним из тех, кто пострадал во время гонений. Его учеником был Ириней Лионский, написавший знаменитую книгу «Против ересей».

Лионская бойня

Гонения на христиан в Лионе начались при императоре Марке Аврелии Антонине. Этот римский самодержец до сих пор считается образцом правителя, философа и человека. Император в Риме обладал абсолютной властью, которая соблазняла и опьяняла большинство цезарей, выворачивая наружу их худшие черты и порой доводя до сумасшествия. Но Марк Аврелий, а до него Антонин Пий, представляли собой противоположный полюс: это были люди, которых власть не только не испортила, а, наоборот, побудила проявить свои лучшие качества. Оба самодержца стали воплощением достоинства, благородства и простоты, соединенных с естественной добротой и высоким чувством долга. Римляне говорили, что за все правление Антонина Пия – больше 20 лет, – он не казнил ни одного человека и не вел ни одной войны. Марк Аврелий следовал тем же принципам и старался за любое преступление налагать меньшее наказание, чем положено по закону, говоря, что предпочел бы воскрешать мертвых, а не казнить живых. В личной жизни он был строгим аскетом, носил простую одежду, спал на твердом ложе, работал с утра до ночи, изнурял себя наукой и трудами, но всегда оставался доброжелательным, приветливым и спокойным. На власть император смотрел как на обязанность, а не привилегию, и подчеркивал свою скромную служебную роль в сенате, не вставая с места, пока его не отпускал консул. Не будь он реальным историческим лицом, его можно было бы принять за вымышленный персонаж, созданный для демонстрации идеальных качеств человеческой природы.

К христианам Марк Аврелий относился так же, как ко всем остальным гражданам, ничем их не выделяя. В отношении христианской религии действовали прежние законы, которые представляли для нее скорей виртуальную угрозу, чем реальную опасность. Но в последние годы правления Марка Аврелия отношение к христианам стало более жестким. Вероятно, вышел какой-то новый указ, который ставил их вне закона и позволял обвинителям наживаться за счет их имущества. К этому времени и относится мрачная история, происшедшая в 177 году в Лионе и Вьенне.

Все началось со стихийных выступлений горожан. Местные жители самовольно лишили христиан всех гражданских прав: их не пускали на рынки, в бани и другие общественные места, им запрещали появляться на улицах, забрасывали их камнями, грабили и избивали. Когда власти решили, наконец, вмешаться, начались повальные аресты: забирали всех заподозренных

– женщин, рабов, знатных римлян. Всего было арестовано около пятидесяти человек. Кроме самих христиан, арестовывали и их рабов-язычников, считая, что рабы должны исповедать веру своих хозяев. Многие рабы, испугавшись пыток, обвиняли христиан во всех мыслимых грехах: содомии, пожирании младенцев и т. п. Этим наговорам верили, и даже те, кто раньше сочувствовал христианам, стали считать их извергами.

Главными обвиняемыми были диакон Санкт из Виенны, Аттал из Пергама, недавно крестившийся Матур и рабыня Бландина. Санкт, несмотря на пытки, не назвал ни своего имени, ни происхождения, ни родины. На все вопросы он отвечал: «Я христианин». Палачи стали прикладывать к чувствительным местам раскаленные в огне медные пластины, пока мясо не начало гореть. Вскоре его тело, съжившееся и покрытое ранами и рубцами, потеряло человеческий облик. Тогда его на несколько дней оставили в покое, а потом снова вернулись к пыткам, надеясь, что для искалеченных и распухших членов они будут еще мучительней. И действительно, его тело было так воспалено, что он не выносил даже прикосновения руки. Но, как ни странно, вторичные пытки его словно исцелили: он стал выглядеть здоровей, чем был прежде, вернул свой прежний облик и способность двигаться.

За рабыню Бландину «верные» особенно боялись, потому что она была очень слаба телом. Но во время пыток она проявила невиданную стойкость: несколько палачей мучили ее с утра до вечера, сменяя друг друга, и, наконец, измучились сами, не зная, что еще с ней можно сделать. Ее тело было так истерзано, что представляло собой одну сплошную рану, и мучители удивлялись, почему она все еще жива. Еще одна христианка, Библиада, была хрупкой и робкой женщиной; под пытками она отреклась, но ее снова стали истязать, требуя, чтобы она обвинила христиан в поедании детей. Она ответила, что эти люди не едят даже кровь животных, и вновь объявила себя христианкой – выздоровев, как пишет летописец, не телесно, но духовно.

Когда мучения оказались неэффективны, заключенных перевели в более суровые камеры, темные и лишенные воздуха, где многие начали умирать от удушья. Особенно сильно страдали только что арестованные новички; те же, кто уже перенес пытки, хотя и изломанные и больные, не только выживали сами, но и укрепляли и подбадривали других.

Епископом Лугдуна в это время был Пофин. Ему исполнилось уже больше девяноста лет, он страдал от болезней, с трудом ходил и едва дышал, но был преисполнен жаждой мученичества. Старец сам пришел к судье в сопровождении толпы, которая, по словам рассказчика, вопила так, словно вела на казнь самого Христа. На вопрос легата, кто у них Бог, Пофин ответил: «Узнаешь, когда будешь достоин». Его поволокли по земле, избивая руками и ногами; каждый из стоявших в толпе считал своим долгом чем-нибудь его ударить или бросить, чтобы отомстить за поругание языческой веры. Пофина бросили в тюрьму, где он умер через два дня.

Следствие продолжалось еще несколько дней. Тех, кто отрекся от Христа, стали пытать заново. Их наказывали вдвойне, как преступников и убийц, совершавших святотатство и предававшихся разврату: им приходилось оговаривать себя во всех этих вещах, чтобы очернить христианство. От отречения они ничего не выиграли, наоборот, им было хуже всех; когда их выводили из тюрьмы, они выглядели несчастней тех, кто сохранил веру.

Наконец, начались казни. В амфитеатре, где собрался жаждущий зрелища народ, был назначен особый день для травли христиан. Первыми вывели Матура и Санта. Обоих сначала бичевали, потом посадили на раскаленное железное кресло: от горящих тел пошел чад. Матур продолжал молчать, а Санкт повторял те же слова, что говорил прежде на допросах. После нескольких часов страданий, видя, что истязаемые не умирают, их закололи мечами.

Потом вывели Бландину. Ее привязали к столбу, распяв, как самого Иисуса, и вывели зверей. Те некоторое походили вокруг столба, но женщину не тронули, и Бландину увели назад в тюрьму для последующих пыток. Следующим на очереди был Аттал. В Лионе его многие знали, он считался человеком достойным и известным. Его только обвели вокруг амфитеатра,

повесив на грудь табличку «Аттал-христианин»: выяснилось, что он римский гражданин, и его нельзя казнить до решения самого цезаря.

Вскоре пришел вердикт императора: римских граждан казнить мечом, остальных отдать зверям, раскаявшихся отпустить. Наступил праздник, так называемое собрание провинциалов, на который приезжали представители всей Галлии: суд над христианами послужил для них хорошим развлечением. Всех арестованных снова вывели к трибуне и стали допрашивать по одному, обещая отрекшимся свободу. На допросах присутствовал Александр, врач из Фригии; молча поощряя исповедников, он так энергично подавал им знаки, что, по словам историка Евсевия, многие из собравшихся решили, что у него начались родовые схватки. Легат спросил, кто он такой, Александр ответил: «Христианин». Его тут же схватили и приговорили к казни.

Новые казни состоялись на следующий день. На арену вывели Александра и Аттала и начали пытаться. Аттала посадили в раскаленное кресло, и когда от него пошел запах жареного, он сказал толпе: «То, что вы с нами делаете, и есть поедание людей; а мы не делаем ничего дурного». Во время пыток его спросили, как зовут его Бога; он ответил: «Бог не человек, у Него нет имени». После долгих мучений обоих закололи.

Все это время Бландину и ее брата Понтика, мальчика пятнадцати лет, как самых слабых, выводили смотреть на страдания других, надеясь, что они утратят мужество и отрекутся. Их повели на казнь последними. Первым погиб Понтик, которого до последней минуты ободряла сестра. Настал черед Бландины. Ее подвергли бичеванию, потом посадили на раскаленную сковороду, затолкали в ивовую корзину и бросили быку. Тот долго играл с ней и подбрасывал рогами, а Бландина молчала, словно оставаясь бесчувственной. Язычники сами признали, что у них ни одна женщина не выдержала бы таких мучений. Когда ее вытащили из корзины, она была еще жива, и ее закололи мечом.

Тела убитых тоже подверглись издевательствам. Все, что осталось от зверей и от огня: обугленные части и куски, руки, ноги и головы, – выбросили на улицу собакам и приставили охрану, чтобы никто не мог их украсть. Их охраняли днем и ночью, так что оставшиеся в живых братья не могли ни уговорить, ни подкупить стражу, чтобы они отдали им останки мучеников и позволили их похоронить. Многие жители города специально приходили, чтобы посмеяться над разлагающимися трупами, проклясть и оплевать их; другие, более добрые и мягкие, с упреком спрашивали христиан, зачем они верят в Бога, который допускает их до таких страданий. Через шесть дней оставшиеся тела сожгли, а пепел смели в Рону, чтобы и после смерти помешать их воскресению.

Коммод и Север

Коммод, сын Марка Аврелия, не унаследовал замечательных качеств отца. Зато он обладал невероятной физической силой, лично участвовал в гладиаторских поединках и ударом копья пробивал насквозь слона. Христианам при нем жилось сравнительно неплохо: вопросы веры его мало волновали, как не волновало вообще все происходящее в государстве. Влюбившись в христианку Марцию, Коммод вернул из ссылки сосланных за веру христиан, но для взбалмошного цезаря это был только каприз, за которым последовали новые мучения и казни. В 180 году были казнены ихлиссские мученики в Карфагене: им дали 30 дней, чтобы одуматься и отречься от веры, но ни один из них не отрекся. В то же время в Риме пострадал сенатор Аполлоний, который произнес на суде великолепную речь в защиту христианства. Вместе с Аполлоном был казнен донесший на него раб: ему переломали голени, поскольку доносы рабов на господ были запрещены.

Появление христиан-сенаторов и более близкое знакомство с новым учением заставило римлян задуматься, так ли уже необходимо казнить людей только за то, что они придерживаются другой веры. Противоречие между здравым смыслом и законом стало настолько оче-

видно, что власти во многих провинциях предпочитали следовать первому, а не второму. Узнавая на деле, кто такие христиане, правители были склонны проявлять мягкость и избегать суровых наказаний. Некоторые проконсулы сами защищали христиан от гонений со стороны народа, заявляя, что потакать таким преследованиям значило бы поддерживать общественные беспорядки. Народ, наоборот, был настроен против христиан и видел в них изгоев и источник всяких бед.

В царствование Септимия Севера (193–211) христианство исповедали уже многие сенаторы. Север вначале питал симпатию к христианам (христианин Прокул излечил его от болезни, помазав церковным елеем) и даже отпустил на свободу несколько христиан-сенаторов, но затем издал суровый указ, запрещающий принимать как христианскую, так и иудейскую веру. Христиан, уже привыкших к относительно спокойной жизни, этот удар застал врасплох. Тогда едва ли не впервые в истории прозвучало мнение, что царство антихриста уже пришло. Во время этих гонений погибла Потамиена, александрийская рабыня и замечательная красавица: ее медленно поливали кипящей смолой с ног до головы, пока она не умерла. Еще больше прославилась знатная римлянка Фивия Перпетуя, которая вела записи и описала то, что с ней происходило, в личном дневнике.

Перпетуя

Когда вышел указ Севера против христиан, Перпетуе – по латыни ее имя значит «вечная» или «постоянная» – было 22 года. Она жила в Карфгене вместе с отцом, недавно родила ребенка (о ее муже ничего неизвестно) и готовилась к крещению под руководством некоего Сатура. Отец долго уговаривал ее отказаться от этой мысли, но Фивия в ответ указала ему на кувшин и спросила: «Можешь ли ты назвать это иначе, чем кувшином?» «Нет», – ответил отец. «Вот так и я не могу назвать себя иначе, чем христианской».

Вскоре Фивию арестовали и посадили в тюрьму вместе с ее рабыней Фелицитой, беременной на 8 месяце, которая тоже собиралась креститься. В тюрьме узники сидели в двух комнатах, тесно набитых заключенными, всегда погруженных в темноту, душных и жарких, почти без воды и без еды. «Я ужаснулась, – писала Фивия в дневнике. – Прежде я никогда не была в такой ужасной темноте... Страшная жара от множества заключенных, жестокое обращение солдат и мучительная тоска о своем ребенке!» Но община христиан не забывала о своих узниках и делала все, чтобы облегчить их положение. С помощью денег они перевели Перпетую в более удобное место, где она смогла кормить ребенка, которого ей приносила ее мать, а потом и взять его совсем. Здесь Перпетуя крестилась вместе с другими оглашенными.

В тюрьме у нее начались видения. Фивии чудилось, что она стоит в начале золотой лестницы, уходящей в небо и такой узкой, что по ней мог пройти только один человек. По краям лестницы торчали орудия пыток, а на верхних ступеньках стоял ее наставник Сатур, призывая ее идти за ним, но остерегаться сидящего внизу дракона. Призвав на помощь Христа, Перпетуя сокрушила голову дракону, поднялась на небо и увидела Пастыря в образе старца с белыми волосами, который доил овец и делал из молока сыр. Он дал ей попробовать кусочек сыра: проснувшись на своем ложе, она еще ощущала во рту его райских вкус.

В другой раз ночью ей в видении явился ее брат Динократ, умерший от раны на лице. Он вышел из темного места, объятый пламенем и мучась от жажды: край колодца, из которого он хотел напиться, был слишком высок, и он не мог достать воды. После молитв Перпетуи о его спасении он явился вновь ей, но уже в светлом месте: его рана почти зажила, колодец был ему по пояс, и он с веселым видом пил из стоявшей на краю золотой чаши.

Перед допросом Перпетую снова посетил отец. Он на коленях умолял дочь об отречении, говорил, что ее казнь покроет позором всю семью, и целовал ей руки, обливая их слезами. «Вспомни, как я носил тебя на руках, как всегда предпочитал тебя твоим братьям. Посмотри

на мать, братьев, на своего маленького сына, которому без тебя не жить!» Позже, уже во время суда, отец ворвался в зал с ребенком на руках, протягивая ей сына и умоляя сжалиться над ним. Все эти душераздирающие сцены не повлияли на решимость дочери. Перпетую признали христианкой и вместе с остальными приговорили к казни. Рабыня Фелицитата из-за беременности не могла быть казнена, но преждевременно родила и поэтому тоже подпала под приговор. Роды оказались такими тяжелыми, что даже охрана проявила к ней сочувствие, предупреждая, что на казни ей будет еще труднее. Как же ты собираешься вынести такие муки? – спросили они. Фелицитата ответила: «Сейчас я страдаю за себя, а там я буду страдать за Другого, и Другой примет на себя мои страдания».

Остальное известно по рассказам свидетелей. В день торжеств, устроенных по случаю рождения сына императора, приговоренных вывели на казнь. Мужчин хотели одеть как жрецов Сатурна, а женщин – как жриц Цереры, но христиане попросили власти этого не делать, потому что они умирают как раз за то, чтобы не иметь ничего общего с язычеством. Их просьбу выполнили. Первыми казнили мужчин, которых, по обычаю, сначала пытали. Потом выпустили леопарда, медведя и дикого кабана. Сатур радовался тому, что не попал в лапы медведям, которые вызывали у него особое отвращение: предназначенный для него медведь отказался выходить из берлоги, и вместо этого он был истерзан леопардом. Наслаждавшаяся зрелищем толпа кричала, что он «славно умылся кровью» – так обычно говорили о гладиаторах. Другие добавляли: «Вот теперь он действительно крещен».

Перпетую и Фелицитату, одетых в легкие туники, поставили перед разъяренной коровой. Она опрокинула на землю Фелицитату и несколько раз подбросила на рога Перпетую, разорвав на ней одежду и растрепав волосы. С трудом поднявшись, Перпетуя прикрыла обнажившееся тело и заколола волосы, потом подошла к Фелицитате и помогла ей встать. Оба уже плохо сознавали, что происходит: когда их на время отвели в сторону, Перпетуя спросила, а когда же появится обещанная корова. Поскольку животные их не убили, дело должен был закончить специальный гладиатор; по требованию публики это сделали не в специальном месте, а посреди арены на глазах у всех. Гладиатор был молод, смущен и неопытен: он не смог сразу убить Перпетую и бесполезно колот ее мечом, нанося болезненные, но не смертельные раны. Тогда она сама взяла руками меч и направила его себе в горло.

Глава третья. Императоры и мученики

Цезари добрые и злые

Наследники Септимия Севера, Каракалла и Геолиогабал, не оставили по себе доброй памяти. Один проливал реки крови и перебил почти всех своих родственников, включая родного брата; другой, изнеженный подросток, прославился только роскошными пирами, которыми истощил римскую казну. По своим религиозным взглядам Каракалла был приверженцем культа Исиды, а Геолигабал исповедал финикийский культ Солнца, к которому мечтал приобщить всех римлян. К христианству они оба были равнодушны и почти не занимались делами государства.

Следующий император, Александр Север, двоюродный брат Гелиогабала, человек слабый, но мягкий и незлой, признавал всех богов подряд, почитая таковыми и великих людей прошлого. В его молельне среди прочих стояли бюсты Орфея, Авраама, Христа и мага Аполлония Тианского. Христиане при Александре благоденствовали. Мать императора Юлия Маммея любила беседовать со знаменитым богословом Оригеном, а сам цезарь часто повторял иудейско-христианское изречение: не делай другому того, что не желаешь себе, – и даже чеканил его на стенах судов и магистратов. В споре, завязавшемся между христианами и цехом трактирщиков вокруг какого-то земельного участка, Александр Север решительно встал на сторону христиан, заявив, что лучше построить храм какого-нибудь бога, чем трактир.

Преемником Александра стал его полководец Максимин, убивший императора и узурпировавший власть. Он ненавидел как самого Александра, так и все, что с ним было связано, поэтому устроил гонения на облагодетельствованных Севером христиан, в том числе против близкого к императорскому двору Оригена. Но в этих гонениях Максимин руководили скорее личные, чем принципиальные мотивы.

Один из последователей Максимиана, Филипп Араб, по легенде сам был христианин. Христианство становилось все сильнее. Церковь пустила глубокие корни в государстве, которое продолжало относиться к ней враждебно, но уже редко проявляло эту враждебность на практике. К тому же, христиане, в отличие от язычников, не стремились к карьере. Наоборот, они избегали высоких должностей, связанных с языческими культами, и порой отказывались от своего имущества, чтобы не быть на них избранными согласно имущественному цензу.

В армии христиане занимали двусмысленное положение. Они были как скрытый враг, который в любую минуту мог быть обнаружен и уничтожен, иногда по чистой случайности. Так, один храбрый солдат получил в качестве знака отличия корону, но во время парада отказался ее одеть, будучи христианином, и был казнен. Отношение самих христиан к военной службе тоже было сложным и противоречивым. Известна история Максимилиана, который во время набора рекрутов отказался служить в армии, ссылаясь на то, что он христианин. Занимавшийся набором проконсул Дион возразил, что в армии служит много христиан, даже в императорской гвардии, но Максимилиан твердил, что не будет служить, потому что не хочет делать зла. «Разве служить на военной службе значит делать зло?» – спросил Дион, на что Максимилиан ответил: «Ты сам знаешь». Дело кончилось казнью, и Максимилиан стал мучеником за то, что отказался быть солдатом. Другой легионер, центурион Маркелл, отказался явиться на торжественный обед в честь вступления на престол императора Диоклетиана: он вышел перед легионом, сбросил пояс и виноградную ветвь и объявил: «Я служу Христу». На суде Маркелл сказал, что он воин Христов и не может служить императору, после чего был казнен. В то же время многие христиане служили в армии, и никто их за это не осуждал.

Деций

Христине уже почти привыкли к мирному существованию в римской империи, когда на трон взошел Деций. Деций был император-идеалист, реформатор консервативного толка, мечтавший о возрождении былой славы Рима. Его заветной мыслью стало восстановление идеалов республиканского правления, основанных на мужестве, патриотизме, личном достоинстве и нравственной чистоте. Будучи единовластным монархом, он отстаивал права римского Сената, ратовал за исполнение архаических законов и пытался обуздать пороки общества с помощью древнего установления – цензуры. В цензоры он назначил сенатора человека с безупречной репутацией по имени Валериан (правда, тот отказался занять пост, сославшись на то, что разложение зашло слишком далеко и исправить нравы граждан уже невозможно). Сам Деций и его сын вели настолько чистую и безупречную жизнь, что в честь императора была выбита специальная монета с надписью «Целомудрию Августа».

Такой император, глубоко нравственный и принципиальный, должен был быть страшен для христиан. И действительно, за два недолгих года его царствования, с 249 по 251 годы, на них обрушилось одно из самых жестоких гонений за всю историю Церкви. Дело было поставлено широко и хорошо организовано. Все христиане – которых местные власти прекрасно знали, потому что они уже привыкли не скрываться, – должны были в определенный день явиться в префектуру или другое официальное учреждение и объявить о своем отречении от христианства, доказав это принесением жертвоприношений богам. Всех, кто отказывался от отречения или просто не являлся вовремя, ждали пытки и казнь.

К тому времени христиане давно забыли об опасности. Христиан было много, и большинство открыто исповедовало свою веру, не сомневаясь, что им ничего за это не грозит. Наступление Деция для них было равносильно нападению врага на расслабленную и деморализованную армию, привыкшую к мирной жизни и разучившуюся воевать. Поэтому в Церкви сразу последовали массовые отречения. Нашлось немало христиан, которые добровольно устремились к языческим алтарям, ведя своих жен и детей. Одни делали это смело и развязно, писал церковный историк Евсевий, другие подходили «бледные и дрожащие, словно не они собрались принести жертву, а сами шли как жертвы на заклание». Христиане-чиновники являлись в префектуры и отрекались от Христа по долгу службы. Некоторых насильно тащили их родственники и друзья, один муж даже принес жертву вместо своей жены, хотя она громко кричала: «Это ты сделал, а не я!» Были и такие, кто вначале отказался отречься, но не выдержал тюрьмы и пыток и все-таки принес жертву. Самому класть жертву на алтарь было не обязательно – достаточно было получить у чиновника справку о жертвоприношении, которая приравнивалась к самой жертве. Многие не делали даже этого и просто подкупом добивались того, что власти вычеркивали их из списка христиан и избавляли от необходимости явиться для отречения. Таких Церковь все равно считала падшими, хотя в менее тяжелой форме, чем других.

Справка о жертвоприношении

«От Аврелия Диогена, сына Сатавута, из деревни Александрова острова, 72 лет от роду, над правой бровью рубец. Я и всегда приносил жертвы богам, и теперь, в вашем присутствии, согласно с эдиктом, я принес жертву и совершил возлияние и вкусил жертвенных мяс. Прошу вас подписаться. Желая благополучия. Аврелий Диоген подал прошение. Аврелий Сир: свидетельствую в качестве участника, что Диоген принес жертву вместе с нами. В первый год Самодержца Кесаря Гаия Мессия Траяна Декия благочестивого благополучного Августа. Епифи 2 (июня 25)»

Церковь переживала тяжелое время. После мученичества римского епископа Фабиана никто в течение года не осмеливался занять его место, и епископская кафедра оставалась пустой. Брошенные в темницу, скончались епископ Александр в Иерусалиме и епископ Вавила в Антиохии: последний провинился тем, что дерзко оттолкнул императора, когда тот после жертвоприношения хотел войти в храм, чтобы сравнить языческие обряды с христианскими. Пострадал и великий Ориген, которому было уже 70: после мучительных пыток ему перебили все кости и отпустили на волю умирать. Другого римского епископа, Моисея, истязали в тюрьме 11 месяцев и 11 дней, после чего он скончался. Святого Трифона, по рассказу очевидцев, сначала волочили, привязав к коню, потом долго водили по городу, вбив в ноги железные гвозди. Вообще, власти старались больше мучить и пытаться христиан, а не убивать их. Смерть христиан ничего не давала, кроме появления новых мучеников, которые только укрепляли Церковь: важно было именно добиться отречения. В Карфагене один из узников писал: «По указу императора нас велено морить голодом и жаждой: 8 дней назад нам в последний раз дали, тоже после 5 дней совершенного поста, немного хлеба и мерку воды». Эта тактика часто себя оправдывала: многие христиане, ждавшие быстрой казни и венца мученичества, не выдерживали долгих пыток и отрекались от веры.

Особенно жестокими были мучения в Александрии. Христианке Квинте связали ноги и протащили через город по камням, хлеща бичами, Исихриону вогнали в живот острую палку, старцу Метру искололи тростником лицо и глаза. Аполлонии выбили все зубы, потом разожгли костер и пригрозили сжечь, если она не откажется от Христа, но женщина разбежалась и сама прыгнула в костер. Юлиана и Кронина бросили в негашеную известь, которая сожгла их вместе с костями, а Александра облили известью с ног до головы. Многие христиане сбежали из города в пустыню, где погибли от голода и зверей или попали в рабство к варварам.

Валериан

Власть после смерти Деция и его убийцы Максимина унаследовал сенатор Валериан, который считался воплощением римской доблести. В истории Рима он остался одним из самых благородных и высоких по духу императоров. В первые 4 года его правления общее благоденствие распространилось и на христиан, которые не знали никаких притеснений, но в 257 г. неожиданно вышел эдикт, запрещавший христианам собираться и проводить богослужения. Через год появился другой, более жестокий указ, по которому все епископы, священники и дьяконы, не отрекшиеся от Христа, подвергались смертной казни. Гонения распространились и на мирян, занимавших высокое положение в обществе: сенаторов, всадников, высокопоставленных матрон и чиновников, состоявших на императорской службе. Их лишали имущества и римского гражданства, ссылали и казнили. Удар был направлен против высших слоев общества и верхушки клира.

В эти дни в числе прочих пострадали Фруктуоз, епископ Тарракона, и два его диакона: их сожгли на костре. Чтобы облегчить мучения, Фруктуозу предлагали выпить ароматического вина, но епископ отказался, потому что была пятница, постный день. Знаменитый Киприан Карфагенский был осужден и перед смертью попросил свою паству передать 25 золотых тому палачу, который отрубит ему голову, – за сделанную работу. Гонения перекинулись и в Африку, где некоторые простые христиане нарочно объявляли себя членами клира, чтобы пострадать и принять мученический венец. Диакона Флавиана в народе так любили, что даже язычники пытались спасти его от казни и, собираясь толпами, кричали, что он не диакон, что он на себя наговаривает. Флавиан с трудом убедил судей, что не лжет и должен быть казнен.

Галлиен

Следующий император, Галлиен, сын Валериана, был талантливым художником, поэтом и оратором, который преклонялся перед Афинами и мечтал попасть в списки афинских ареопагитов. По характеру он был добрым, веселым, слегка развратным, любил шутить и пировать с друзьями. К государственным делам он относился с детской беспечностью и только смеялся, когда ему говорили, что от империи отпадают все новые провинции. «Разве мы не обойдемся без египетского льна?» – улыбался Галлиен, когда отпадал Египет. «Разве мы и без азиатских тканей не обойдемся?» – добавлял он, когда скифы напали на Азию. «Неужели так нужны эти арасские плащи?» – шутил цезарь, когда римляне потеряли Галлию. Гораздо больше его интересовало, что подадут сегодня к столу и какие представления будут на сцене. Узнав, что его отец Валериан погиб в плену, он переиначил слова одного древнего героя: «Я знал, что мой отец смертен». Шутки у него тоже были добродушными: когда в цирке неопытный борец не смог убить огромного вола, Галлиен присудил ему корону, объявив, что не попасть в такое большое животное – трудное дело.

Галлиен выпустил несколько эдиктов в пользу христиан, отменив гонения против предстоятелей Церкви и клира. Однако и в правление Галлиена пострадал один богатый и знатный римлянин по имени Марин, состоявший на военной службе. Когда он хотел занять вакантное место центуриона, на которое претендовали многие другие, один из его соперников заявил, что он христианин и не может получить эту должность, поскольку не приносит жертву императору. Марина, который уже стоял в суде, чтобы получить пояс и виноградную ветвь центуриона, спросили, действительно ли он христианин, и он ответил «да». Ему дали три часа на размышление, после чего он должен был либо отречься от Христа, либо подвергнуться казни. Выйдя из суда, Марин встретился с епископом Феотекном, который привел его в церковь и показал ему меч и Евангелие, предложив выбрать одно из двух. Через три часа Марин явился в трибунал и исповедал себя христианином.

Аврелиан

В лице Аврелиана, правившего пять лет, империя обрела еще одного достойного императора. Если Деций только мечтал о римской доблести, то Аврелиан воплотил его мечту. Он с юности был безукоризненно честен, скромн, умерен в одежде и еде, а бедность его была такова, что когда за военные заслуги его наградили консульством, он не смог за свой счет устроить цирковые игры для народа, как это следовало по обычаю, и императору Валериану пришлось оплатить расходы из казны. Аврелиан был выдающимся полководцем, вернувшим все, что отпало от Рима при Галлиене, и восстановившим империю в прежних границах. Солдаты прозвали его «человеком с рукой на железе», восхищаясь его личной храбростью и воинскими подвигами. Историки описывают, как во время сарматского похода он с неудержимой силой врубился в ряды врагов и за один день собственной рукой убил 48 человек. В его войсках царили железная дисциплина и нравственная строгость, отклонения от которых он преследовал с суровостью, доходившей порой до варварской жестокости. Христианство характеру Аврелиана было совершенно чуждо, однако он и здесь старался действовать по закону и справедливости. В споре православных христиан с еретиком Павлом Самосатским, который опирался на поддержку местных властей и не хотел оставлять епископскую кафедру, Аврелиан встал на сторону православных и с позором выгнал Павла из церковного дома. Но в общем Аврелиан относился к христианам безразлично, если они не нарушали мира и спокойствия в империи.

Диоклетиан и другие

Диоклетиан правил так долго, что в империи появилось даже новое летоисчисление, по годам Диоклетиана. В это время благополучие в Церкви привело к быстрому росту и расцвету христианства. Начали строиться большие храмы, императорский двор наполнился приверженцами новой веры, в числе сочувствующих оказались даже жена и дочь самого Диоклетиана. Христиане становились правителями целых областей и освобождались от обязанности приносить языческие жертвоприношения.

Гонения начались только в последние годы царствования Диоклетиана. Исходили они, впрочем, не столько от самого императора, сколько от его зятя Максимиана Галерия, храброго и удачливого полководца, который симпатизировал язычеству и находился под влиянием вифинского философа Иерокла, ненавидевшего христиан.

По требованию Галерия христиан начали изгонять из армии, где они уже стали многочисленной силой. Затем Галерий выпустил специальный эдикт, согласно которому все христианские церкви подлежали разрушению, а их священные книги – уничтожению. Самых христиан следовало лишать гражданства, имущества и должностей. После эдикта христиан обвинили в том, что они подожгли императорский дворец в Никомидии и поддержали заговорщиков, объявивших себя императорами в Армении и Сирии. В связи с этим вышли еще два указа, в которых предписывалось сажать всех лиц духовного звания в темницы; в результате тюрьмы так быстро переполнились христианами, что в них не осталось места для обычных преступников. Позже, в честь 20-летнего юбилея царствования Диоклетиана, узники были выпущены, но уже через год вышел четвертый и самый страшный эдикт, где говорилось, что все христиане должны быть понуждаемы к отказу от веры всеми доступными способами, включая пытки.

Средства «понуждения» были предельно варварскими и жестокими. Диоклетиан лично присутствовал при пытках. Христиан топили в лодках и выпускали на растерзание хищникам, заставляя при этом размахивать руками, чтобы привлечь к себе зверей. Им загоняли под ногти острые тростники, насквозь прокалывали пальцы и поливали спину расплавленным свинцом. Верующих рубили секирами, резали на части, поочередно отсекая нос, уши, руки и ноги. Христианина Петра, служившего при дворе, сначала избили плетью «до появления костей», потом облили смесью уксуса с солью и изжарили на медленном огне. Других мучеников распинали головой вниз, а внизу разводили огонь, чтобы человек задышался от дыма. Обнаженных женщин привязывали за одну ногу и оставляли подвешенными вниз головой; часто их раздирали пополам, притягивая ноги к согнутым веткам, или подвешивали за одну руку к колонне портика, чтобы тело, растягиваясь под собственной тяжестью, причиняло мучительную боль. Многие вешали на столбах со связанными за спиной руками и терзали тела острыми «когтями». Очевидец этих событий Филеас Тмунтский писал: «У них не было и тени снисхождения к нам, они думали о нас и обращались с нами так, словно мы сущее ничтожество».

Во время этих гонений появились первые случаи самоубийства христиан и особенно христианок, которые перед арестом убивали себя мечом, топились в реке или бросались с крыш домов. Чаще всего это делали женщины, которым грозили не только пытки и смерть, но и бесчестие: их насиловали, запирали в публичные дома, отдавали на потеху гладиаторам. Мать с двумя дочерьми по дороге в тюрьму бросились в реку и утопились: ее поступок восхваляли, и многие следовали ее примеру. Еще поразительней была история Евфразии из Никомидии, которую во время гонений отдали на растление одному молодому римлянину. Когда они остались вдвоем, Евфразия сказала, что у нее есть волшебное средство, способное сделать человека неуязвимым, и обещала открыть ему его секрет, если он оставит ее девственницей. Чтобы подтвердить свои слова, она намазала шею простой смесью воска с маслом и предложила со всей силы ударить ее по шее мечом. Римлянин размахнулся, ударил и отрубил ей голову.

В Азии и Египте происходили массовые истребления христиан. В одной Фиваиде каждый день казнили от 10 до 100 человек. В другом городе все жители, включая градоначальника, оказались христианами, поэтому его обложили горючими материалами и сожгли целиком вместе с женщинами и младенцами. В Фиваиде чтеца Трифона повесили вниз головой, выколол ему глаза железными стержнями, а его молодой жене вырвали волосы и отрубили все пальцы на руках. Перед смертью супруги уговорили палачей распять их лицом друг другу: так они и провисели, умирая на крестах, девять дней. В Анкире воры получили право безнаказанно грабить дома, если они принадлежали христианам. Вообще, что бы ни делалось против христиан, государство их не защищало, поэтому они были беззащитны перед любым насилием. Словно всего этого было еще недостаточно, в Кесарии многие верующие сами приходили к властям и объявляли себя христианами, чтобы принять мученичество.

Не меньше Галерия свирепствовал его племянник Максимиан, бывший некогда пастухом в Иллирии, а потом ставший наследником и цезарем. Чтобы заставить христиан оскверниться, хотя бы поневоле, он приказал окроплять жертвенной кровью все съестные припасы и всех людей, входивших или выходявших из бань. Когда Галерий, тяжело заболев, сменил гнев на милость и запретил убивать христиан, Максимиан начал их калечить: он выкалывал им один глаз или перерезал жилы на одной ноге и затем отправлял их в рудники. Только перед смертью Галерий объявил христианство дозволенной религией, и гонения прекратились.

Перед рассветом

Но как раз в эти годы стало ясно, что отношение к христианам сильно изменилось. Многие правители и простые жители не только не хотели их преследовать, но помогали по мере сил и старались избавить от казни. Отречения нередко происходили фиктивно, то есть судьи объявляли отречшимся тех, кто этого не делал, даже если они сопротивлялись и кричали, что никогда не приносили и не будут приносить жертвы. В одном городе начальство просто договорилось с христианами, как выполнить указ так, чтобы и власти были довольны, и среди горожан никто не пострадал. Епископов заранее предупреждали, когда будут обыскивать церкви, чтобы те успели подготовиться и спрятать все, что нужно. Когда у них требовали выдачи священных книг, они отдавали вместо христианских медицинские или еретические сочинения. Бывали случаи, когда язычники укрывали гонимых в своих домах, сами рискуя жизнью. К христианам все привыкли, их считали добрыми соседями и друзьями и не хотели причинять им зло по указке сверху. Важно было и то, что христианство существовало уже триста лет и из новой и сомнительной религии превратилось в древнюю и традиционную, что нравилось консервативным римлянам.

В 313 году соправители Константин и Ликиний выпустили Миланский эдикт о веротерпимости, в котором утверждалось право каждого гражданина выбирать такую религию, которая ему нравится, без каких-либо притеснений или принуждений. Христианам предоставлялась полная свобода вероисповедания и в возвращалось конфискованное имущество. Этот указ был настолько ясным и демократичным, что его вполне могла бы одобрить современная европейская страна. Но «демократия» продолжалась недолго: вскоре император сам начал склоняться к христианству, а вместе с ним, вольно или невольно, – и вся империя.

Книга III. Рождение богословия и первые ереси

Глава первая. Мыслящее христианство

Языческая мудрость

Пока христианство совершало первые шаги, античная культура продолжала успешно мыслить и творить, подытоживая свой богатый опыт. Незадолго до своего крушения римский мир как бы собрал воедино свои духовные силы и сконцентрировал их в новом философском течении, которое получило название неоплатонизма. Основателем этой яркой школы был александрийский философ Аммоний Сакк, а ее главным представителем – Плотин, написавший знаменитую книгу «Энеад».

Неоплатоники попытались создать универсальное учение, в котором были и космогония, и логика, и этика, и физика, и математика, и магия, – все, что накопило языческое знание. К Платону и Аристотелю они добавили Пифагора, стоиков, орфиков, халдейских оракулов и даже индуизм, постаравшись соединить все это в одно гармоничное и всеобъемлющее целое. Плотин учил, что основу всего составляет некое непостижимое и цельное начало бытия, которое он называл «Единым». Единое (или Благо, или Бог – это одно и то же) невозможно ни помыслить, ни определить, ни почувствовать, ни описать, потому что оно находится за пределами понимания и предшествует всему, о чем можно подумать и сказать. О его природе известно только одно: будучи преизбытком блага и силы, оно производит из себя вторую, более низкую ступень божества и совершенства, названную «Умом». В отличие от Единого, Ум познаваем, к тому же он мыслит сам себя, порождая некие абсолютные идеи-логосы, которые являются источником и образцом для всех существующих вещей. Из Ума происходит чувственная Душа мира, которая «падает» еще дальше вниз – в бесформенную материю и создает организованный и упорядоченный космос, где живут люди. Для наглядности неоплатоники описывали Единое как свет, пронизывающий мироздание, Ум – как Солнце, видимый источник света, Мировую Душу – как Луну, отражающую солнечный свет, а материю – как мрак, который принимает этот свет и образует видимый мир. Таким образом, истинное и совершенное бытие света как бы по ступенькам спускается все глубже во тьму полубытия и прозябания, где обитает человечество.

Несмотря на эту унылую картину, в системе неоплатоников не все так безнадежно. Человек не обречен навсегда томиться в своей тюрьме – с нижней ступеньки он может сразу переключиться на верхнюю, минуя промежуточные этапы. Самый слабый луч света в самой густой тьме сохраняет свою светоносную сущность; так и природа Бога неизменна в любой степени умаления и может быть воспринята нами целиком, даже в состоянии полного мрака и падения, в котором находится наш мир. Это возможно потому, что дух человека по своей сути составляет одно целое с Единым и только временно поработен чувственной материальной оболочкой, заслоняющей от нас небесный свет. Главная задача любого человека – вырваться из душевной материальной жизни к своей изначальной, духовной сути. А сделать это вполне возможно – ведь Бог сам хочет, чтобы мы Его познали, так же, как свет по своей природе хочет быть увиденным. Его потоки щедро и неизменно изливаются на нас, надо только дать себе труд открыться его силе. Для этого нужно очистить себя изнутри через аскезу, то есть отказаться от всего материального. Плотин считал, что человеку, этому небесному и возвышенному существу, унижительно зависеть от физических вещей. Философ стыдился того, что у него есть тело. Он предлагал освободиться от него через аскетические подвиги, утверждая, что такая аскеза

рано или поздно приведет к экстазу, то есть слиянию человека с Богом. Достаточно убрать перегородку в виде плоти, и подобное соединится с подобным, дух сольется с Духом.

Последователи Плотина Ямвлих и Сопатр дополнили учение Плотина элементами магии и эзотерики. Они считали, что духу можно и нужно помочь подняться к небу, используя вспомогательные средства. К ним относились всевозможные мистические способы общения с высшей силой: вызов духов, заклинания, использование снадобий и талисманов. Это роднило неоплатонизм с восточным оккультизмом и подготавливало почву для средневековой теургии – науки о соединении человека с божеством. Завершил расцвет неоплатонизма философ Прокл Дидахох, обладавший мощным аналитическим умом и систематизировавший и развивший достижения своих предшественников. Сфера его интересов была так широка, а острота мысли настолько безошибочна, что в XX веке его назвали «гением рассудка».

Неоплатонизм просуществовал несколько сотен лет, продолжая линию античной «научной» философии вплоть до VI века, когда император Юстиниан закрыл последнюю их школу – платоновскую Академию в Афинах. Но следы этого учения протянулись гораздо дальше, проникнув в христианство, манихейство, средневековую схоластику, немецкий идеализм и даже русское декадентство.

Как появились церковные догматы

К тому времени, когда христианство стало признанной религией, его богословам было еще далеко до интеллектуальной мощи античной философии. Но философская закваска уже давно бродила в недрах христианской веры, готовясь принести новые, прежде не виданные плоды. Богословие шло собственным путем, впитывая все попадавшиеся по пути системы и учения, но стремясь к своей цели – создать стройное и непротиворечивое церковное учение, основанное на догматах веры.

Формирование и развитие этого учения стало важнейшей частью церковной истории. Значение догматов в жизни верующего человека трудно переоценить. В отличие от философских теорий, которым каждый может верить или не верить по своему желанию, догмат – не просто попытка определить истину, а ключевой момент, отделяющей спасение человека от его вечной гибели. Он имеет сугубо практический смысл: тот, кто исповедует неправильный догмат, не может и спастись. Верно и обратное: человек праведный, близкий к Богу, мыслит православно и не может быть еретиком.

Существование «додогматической» Церкви на протяжении трех с половиной веков говорит о том, что догматы не были чем-то неотъемлемо и изначально присущим христианству. От первых христиан не требовалось рассуждений и понимания природы Божества и тайны Св. Троицы. Проповедь христианства сосредотачивалась на благой вести, заключавшейся в том, что все уверовавшие во Христа и исполняющие Его заповеди будут спасены и попадут в царство Божие. В Христа веровали как в Мессию, посланца и Сына Божия, пришедшего на Землю, чтобы принять на Себя грехи мира и спасти Своих избранных. Для такой веры не требовалось богословских дискуссий, достаточно было практики, непосредственно укорененной в жизни: крещения и причастия, молитвы, добрых дел и совместной жизни в общине, собиравшейся вокруг пресвитера.

Но такое положение не могло существовать долго. Время «наивной» веры быстро прошло. Христианство начало задавать вопросы, на которые могли ответить только хорошо образованные и интеллектуально развитые люди. Так появились христианские богословы, которые стали заниматься разработкой и формулировкой церковных догматов. Эта была трудная и долгая задача, занявшая у Церкви не одну сотню лет. Простое с виду учение Христа потребовало ввести новые понятия и термины, разработать сложную систему экзегетики, погрузиться в глубины психологии, изучить греческую логику, физику, метафизику и множество других наук.

Трудность в выработке догматов была связана с тем, что богословам приходилось рассуждать о вещах непостижимых и неподвластных разуму. Как Бог мог соединиться с тварью? Как можно быть одновременно и Богом, и человеком? Первые христиане не ставили такие вопросы, они принимали евангельское учение как истину откровения, требующую подвига веры, а не отвлеченных рассуждений. Апостол Павел писал, что воскресение Христа – «безумие для эллинов», то есть для тех, кто хочет мыслить рационально. Тертуллиан утверждал, что верить можно только в то, что абсурдно с точки зрения разума, потому что иначе это было бы предметом знания, а не веры. Но поскольку догмат – это попытка объединить рациональное познание с мистическим, перед богословами стояла вдвойне сложная проблема: разумно определить то, что в принципе не познается разумом.

Догматической работе часто мешали человеческие и исторические факторы. Церкви приходилось продираться сквозь всевозможные недоразумения и недопонимания, путаницу в терминах, политические неурядицы и личные раздоры, неудачные попытки компромиссов, оговоры и оговорки, национальные традиции и закулисные интриги. Одним из важных факторов, определявших догматические споры, была постоянная борьба с еретиками.

Откуда брались ереси

Слово «ересь» в переводе означает «мнение» или «выбор» – так в Греции называли философские школы, проповедовавшие разные взгляды и воззрения на устройство мира. Отношение ранней Церкви к таким инакомыслящим «школам» было двойственным. Апостол Павел писал, что в христианстве «надлежит быть ересям»: они полезны, поскольку позволяют выявить «искусных». Противоречие заключалось в том, что христианство по своей сути не могло терпеть и признавать ереси. С самого начала оно видело в них попытки разрушить подлинную веру, происки злых сил и вечного противника Бога – сатаны. Все, что не признавалось догматом, автоматически превращалось в преступление и орудие зла. Уже Игнатий Богоносец в своих письмах не жалел выражений для еретиков: это чуждые растения, яд, «смертоносная отравка в посланном вине», дикие звери в человеческом образе и бешеные псы, кусающие исподтишка. Подобных определений в христианской литературе можно найти немало. Христианам казалось очевидным, что действия еретика – это не частные (и честные) заблуждения одного человека, а часть общего плана дьявола по разложению и уничтожению Церкви.

Церковь изображала еретиков зловредными, упорными и сознательными врагами веры. Но история часто показывала обратное. Среди еретиков встречалось немало людей искренних и убежденных, считавших, что они проповедуют истинную веру, и при этом достаточно твердых и принципиальных, чтобы пострадать за свои убеждения. Именно их рвение и упорство в отстаивании истины, как они ее понимали, вызывало непримиримые конфликты, отлучения, гонения, ссылки и взаимную вражду. Богословие было той областью, где благие намерения сплошь и рядом приводили в «ад». Для православных христиан каждый еретик по определению был сатанистом. Если человек придерживался ложных взглядов, значит, он не был с Богом (иначе Бог наставил бы его в истине), а если он не был с Богом, значит, был с дьяволом и бесами. Благочестивый еретик – это парадокс, который, по мнению христиан, в принципе не мог существовать.

Между тем, ереси развивались параллельно с догматами и в этом смысле оказывались неуничтожимы. Богословские воззрения многих христиан были неопределенными и зыбкими, как туман, который только зародившаяся в нем новая догматическая проблема заставляла принимать отчетливые формы. В таких случаях вдруг оказывалось, что царившее в Церкви общее согласие было мнимым и скрывало множество противоречий. На прямо поставленный вопрос – например, следует ли почитать иконы, – многие христиане, до сих пор казавшиеся едино-

мышленниками, давали прямо противоположные ответы. Тогда возникал богословский кризис, который разрешался выработкой нового догмата и разгромом очередной партии еретиков.

В борьбе с ересью было очень важно исчерпать спорную тему целиком, довести ее до четких и ясных определений, не допуская уловок и скользких толкований. Не проясненная до конца ересь имела свойство возрождаться в новых, более тонких формах. Осужденное на очередном соборе еретичество исподволь проникало в ортодоксию и снова запутывало все вопросы, создавая причудливые смеси православия с инакомыслием. А почва для этого была самая благоприятная. Неясность терминов, неловко сказанное кем-то слово, неправильно понятая фраза, личные симпатии или антипатии, дальность расстояний, региональный патриотизм – все это легко вызывало новую волну осложнений и раздоров, за которыми следовали взаимные обвинения, доходящие до анафем. Начиналась бесконечная переписка между епископами, созывались новые поместные соборы, заново составлялись изложения веры, часто слишком многословные, намеренно уклончивые и еще более запутывающие ситуацию. У разоблаченных еретиков оказывались выдающиеся последователи, которые имели большие заслуги перед православием, сохраняя при этом преданность и уважение к осужденным учителям. Например, Лукиан, которого православный Александр Александрийский называл «павликистом» (то есть последователем еретика Павла Самосатского), считался православным мучеником в Антиохийской церкви. Сам св. Иоанн Златоуст произнес на него похвальное слово, и на него же ссылался Арий как на одного из своих предшественников для оправдания нового учения.

Ранние ереси

Христианские ереси возникли очень рано, чуть ли не раньше самого христианства. Когда христианское вероучение распространилось и приобрело известность, в него хлынули древние течения и религиозные системы всех предшествующих столетий. Сухой аскетизм ессеев, зороастрийский дуализм, эротические культы Вавилона, схоластика александрийских иудеев – все это давало ростки на почве христианства и пыталось увлечь его в свою сторону, создавая новые варианты учения и личности Христа.

Первый еретик появился уже среди избранных Христом апостолов: это был Иуда Искариот, призванный Богом и ставший Его учеником, но сознательно отвергший и предавший своего Учителя. В церковной литературе поступок Иуды обычно объясняли тем, что он, как и большинство евреев, видел в Мессии иудейского царя, который своей властью сокрушит врагов и обеспечивает процветание народа. Любящий и жертвующий Собой Иисус его разочаровал. Иуду можно считать первым представителем секты иудействующих, которые ставили иудаизм выше христианства.

Для Церкви и для европейской культуры Иуда стал символом предательства; Данте поместил Иуду в самый последний, 10-й круг ада, прямо в пасть дьявола. За тысячу лет до него Папий, ученик апостола Иоанна, красочно описал ужасную смерть предателя, который, по его версии, не повесился, а скончался от какой-то загадочной болезни, похожей на водянку. «Тело его распухло до такой степени, что он не мог проходить там, где могла проезжать повозка, и не только сам не мог проходить, но даже и одна голова его. Веки глаз его настолько вспухли, что он вовсе не мог видеть света; а самых глаз его невозможно было видеть даже посредством медицинской диоптры: так глубоко находились они от внешней поверхности. После больших мучений и терзаний он умер, говорят, в своем селе; и село это остается пустым и необитаемым даже донныне; даже донныне невозможно никому пройти по этому месту, не зажав руками ноздрей. Таково зловоние, которое сообщилось от его тела и земле».

Несмотря на это, у Иуды всегда находилось множество поклонников. Не так давно было найдено апокрифическое «Евангелие от Иуды», где предатель Христа выступает как Его луч-

ший и единственно достойный ученик, которому Он поверяет свои главные тайны. Иуда стал любимым героем офитов и других гностических течений, где Бог предстает злым творцом-демиургом, а на светлой стороне оказываются змей-искуситель, Каин и другие отрицательные персонажи Библии. Эта оправдательная линия прошла через всю историю культуры вплоть до начала 20 века, когда некоторые западные и русские писатели пытались изобразить Иуду как истинного мученика и искупителя, пожертвовавшего собой ради миссии Христа.

Среди первых семи диаконов, поставленных на служение апостолами, тоже нашелся свой еретик: Николай Антиохийский, основавший секту николаитов. Говорили, что Николай имел красивую жену и, когда его стали упрекать за излишнее к ней пристрастие, он вывел ее на середину и сказал, что ее может иметь всякий, кто пожелает, поскольку «плоть не надо щадить». Позже так же стали поступать и его последователи, что привело к блудодействию и разврату. Однако Климент Александрийский свидетельствовал, что сам Николай вел целомудренную жизнь, а его семеро дочерей и сын умерли девственными.

Есть и другая версия появления первых ересей. Христианский писатель Гегесипп утверждал, что до смерти Иакова Праведного Церковь была «чистой девой, которую никто не обольщал». Однако в народе уже существовало семь ересей, приверженцем одной из которых был некий Фебуфис. Этот Фебуфис надеялся, что после Иакова епископом в Иерусалиме изберут его, но члены общины единогласно поставили в епископы Симеона, сына Клеопы, двоюродного брата Господа. Недовольный Фебуфис откололся от Церкви, начал проповедовать свое учение и стал основателем и прародителем всех христианских ересей. От него пошли клеобитане, досифеяне, горфеяне и масбофеи – ветви самарянской секты, перемешавшей халдейскую магию с еврейской Торой. Учеником Фебуфиса был и самаритянский маг родом из села Гиттон, известный как Симон Волхв.

Симон Волхв

Тезка Симона Петра, Симон по прозвищу Волхв, крещенный диаконом Филиппом, тоже хотел быть апостолом Христа. Рукоположение епископов и низведение на них Святого Духа он считал каким-то видом магии и думал, что может купить ее секрет у апостолов. «Он принес им деньги, говоря: дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руки, получал Духа Святого. Но Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги» («Деяния апостолов»). Отсюда появился термин «симония» – продажа церковных должностей за деньги.

О жизни Симона Волхва было написано много фантастических историй и легенд в духе «апостольских романов». В этих сочинениях апостолу Петру приходилось без конца бороться с магической силой Симона и его многочисленными фокусами. Волшебник то живым закапывал себя в землю, обещая воскреснуть через три дня, то сажал у дверей какого-то чудовищного пса, грозящего растерзать всякого, кто не признает Волхва богом, то имитировал собственную казнь, где Симону отрубали голову, а он оставался невредим. В Риме Симон оживил медного змея, заставлял двигаться и смеяться статую, превращался то в младенца, то в старика. Под конец он даже взлетел в небо, но Петр разрушил его чары, после чего посрамленный маг упал на землю и разбился насмерть, развалившись на четыре части. Утверждалось, что именно за это деяние Петр был распят Нероном, а Павлу отрубили голову.

Интригующий момент в биографию Симона Волхва добавляло то, что у него была красивая спутница, блудница Елена, которую он выкупил из публичного дома в Тире на те самые деньги, что отвергли апостолы. Симон утверждал, что женщиной она являлась лишь по видимости, а на самом деле это была никто иная, как София Премудрость, первопричина всего сущего и творческая мысль Высшего божества. Высшим же божеством Симон считал самого себя. По его учению, в Самарии он явился как Отец, в Иудее – как Сын (то есть Иисус), а во

всех остальных странах – как Дух Святой. Когда Премудрость Божия Елена пала, попав в плен материи и плоти, он спустился с неба и освободил ее, чтобы вместе с ней освободить и всех духовных людей.

У Симона Волхва было много учеников, основавших секту симониан. Самый известный из них, Менандр Антиохиец, утверждал, что обладает высшей магией, принесенной им из космических сфер, и что всякий, кого он окрестит и научит этой магии, немедленно станет навеки юным и бессмертным. Но уже в третьем веке Ориген говорил, что, хотя Симон в свое время обманул многих, теперь у него осталось не больше 30 последователей, и если о нем еще помнят, то только потому, что про него писали христиане.

Вопросы об Иисусе

Выше мы уже говорили, что главные церковные догматы появлялись как ответы на вопросы, неизбежно возникавшие перед христианами. Первым из них по времени и важности был вопрос о Богочеловеке. Кто такой Иисус Христос? Является ли Он Сыном Божьим? Какова Его природа? В секте эвионитов Иисуса считали всего лишь добродетельным человеком, за что ее членов прозывали «нищими» – по простоте их взглядов на учение. Керинф из Александрии тоже полагал, что Христос был человеком, на которого после крещения на Него сошел Дух Святой, отлетевший затем во время крестных мук. Керинф проповедовал, что после воскресения на земле наступит новое царство бессмертных, которые будут непрерывно предаваться всевозможным наслаждениям плоти, в основном совокуплению и обжорству, но приукрашенным надлежащими обрядами и церемониями. Поликарп рассказывал, что апостол Иоанн был в таком ужасе от этой ереси, что однажды, случайно оказавшись вместе с Керинфом в бане, выбежал оттуда с криком: ««Уйдем отсюда, пока не обрушилась крыша, – здесь находится враг истины Керинф!»»

Первыми настоящими богословскими еретиками можно считать алогов, или «бессловесников». Греческое понятие «логос» у древних греков означало не только «слово» в его обычном понимании, но и «мысль», «намерение», «принцип», «смысл», «причину». Это был традиционный философский термин, которые греческие мудрецы использовали еще со времен Гераклита. Под логосом подразумевали разумную основу мира и свет мысли, пронизывающий все существование. Иногда логосами называли некие идеальные, первородные «слова» (стойки называли их «семенными»), из которых рождались материальные предметы.

Христианские богословы позаимствовали у греков этот термин, но использовали его по-своему. Евангелие от Иоанна начинается знаменитой фразой: «В начале было Слово». Речь здесь идет не о разуме и не об идее, а о живой личности – втором лице Святой Троицы, Бог-Сыне, воплотившемся в Иисуса Христа и ставшем спасителем человечества. Бог-Сын – это посредник между абсолютным Богом и сотворенным Им миром, творческое «Слово» Бога, через Которого «все стало быть, что стало быть». Алогам такое представление казалось указанием на вторичность и подчиненность Логоса Богу: ведь Бог и сказанное Им Слово – не одно и то же. Они пришли к выводу, что Логос – это низшее божество, неравное с изначальным и истинным Богом.

Разновидностью алогов были монархиане, которые делились на динамических монархиан и модалистов. Монархиане назывались так потому, что считали Бога «монархом», то есть единодержавным царем, у которого нет и не могло быть соправителей. Представители этой секты учили, что Бог един и это вполне ясно, а вот природа и смысл воплощения Иисуса – не ясны: значит, надо стоять за ясное и отвергать неясное. Они вообще не рассуждали о Логосе, держась за самое надежное – единство Бога. На Христа две ветви монархиан смотрели по-разному: динамические монархиане считали Его просто человеком, не имевшим никакого отношения к божественной природе, а модалисты – Богом, абсолютно тождественным Богу-Отцу. И в том,

и в другом случае монархиане оказывались правы, поскольку Бог по этим представлениям не «делился» божественностью с Христом и сохранял Свое единство.

Динамический монархизм проповедовали уроженец города Византия Феодот Кожевник и его ученики Феодот Банкир и Артемон. Их учения иногда называют адопционизмом (от латинского *adoptio* – «усыновлять»), потому что они считали Христа простым человеком, который был только избран, «усыновлен» Богом. Христианские богословы к тому времени хорошо усвоили уловки греческих софистов: во время гонений Феодот Кожевник невозмутимо отрекся от Христа и в оправдание заявил, что он отрекся от человека, а не от Бога. Ведь в Писании нигде не сказано, что Иисус – Бог: Деве Марии говорится, что «на тебя снизойдет Дух Святой», но не «родится от тебя Дух Святой». По мнению Феодота, Иисус был всего лишь полнее наполнен Духом Святым, чем другие люди, – в Нем присутствовала некая особая «добродетель».

Павел Самосатский

Самым выдающимся мыслителем из динамических монархиан был антиохийский епископ Павел Самосатский. Павел принял епископский сан в 260 году, а уже в 264 в Церкви был поставлен вопрос о его неправославии. В то время епископ Антиохии стоял на третьем месте после римского и александрийского, и еретичество такого высокопоставленного лица было серьезной проблемой, требовавшей немедленного решения.

Для осуждения Павла имелись все основания. Павел учил, что есть только один и единственный Бог, одно лицо и одна сущность, из которых не может происходить ничего множественного. Слово – не ипостась Бога, а всего лишь Его свойство, а именно – мудрость (по-гречески София), которая может нисходить на людей в большей или меньшей степени и при этом обретать как бы самостоятельно существование. Так Слово нисходило на пророков, но в наибольшей и полнейшей степени – на человека Иисуса. Между Иисусом и Словом установились отношения дружбы, или «синергии», как между двумя совершенно самостоятельными и независимыми природами, человеческой и божественной.

Павел был очень изощренным диалектиком. Отстаивая свои взгляды, он делал это так тонко и искусно, что представления о его учении всегда оставались не совсем ясными. На соборе специальным писцам, тахиграфам, приходилось подробно записывать рассуждения Павла, чтобы не потерять нить его аргументации и не запутаться в хитросплетениях его возражений и уловок. Чувствуя неправославный дух его учения, епископы никак не могли поймать его за руку и уличить в ереси. Словно богословский протей, он менял свой облик, как только его хватали: уклонялся и отступал при нападении, отказывался от своих слов, приводил дополняющие и уточняющие разъяснения и оговорки, придававшие совершенно новый смысл его словам; или, наоборот, с притворной скромностью соглашался с мнением своих оппонентов, но развивал их до таких абсурдных выводов, что приводил всех в недоумение.

Наконец, он покаялся во всех своих заблуждениях и пообещал исправиться, чем расстрогал даже главного своего обвинителя, Фирмикиона Кесарийского. Павел был оправдан и оставлен в звании епископа, но, как только гроза прошла, невозмутимо вернулся к своим прежним взглядам. На двух последующих соборах Павла снова призвали к ответу, однако он и тут придерживался своей прежней тактики, ловко отражая все атаки. Наконец, в 268 году отцам очередного собора пришлось обратиться к профессиональному диалектику из язычников, софисту Мальхиону, державшему в Антиохии школу логики: ему поручили разбить Павла, пользуясь его собственным оружием. Этот маневр увенчался успехом: Павел был разоблачен как еретик и изгнан с антиохийской кафедры.

Дело на этом, однако, не кончилось. Павел, бывший не только изворотливым софистом, но и мастером интриги, обратился за помощью к эдесской императрице Зенобии, которая ему благоволила. Пользуясь покровительством светской власти, он отказался покинуть принадле-

жавший Церкви дом, в котором находилась резиденция антиохийского епископа, и не пустил туда своего преемника Домна. Христиане, в то время не имевшие никакого влияния в государственных делах, ничего не могли с этим поделать. Вопрос решился только после того, как войска Зенобии были разбиты армией императора Аврелиана. Христиане немедленно обратились к новому правителю с просьбой изгнать из дома окончательно зарвавшегося Павла. Аврелиан, будучи римлянином, рассудил просто и практично: прав тот, кого поддерживает епископ Рима. Епископ поддержал Домна. Павел был с позором изгнан и отправлен в ссылку.

Полемика с Павлом имела неожиданные последствия. Стараясь опровергнуть его запутанную аргументацию, антиохийские отцы написали против него специальное соборное послание, в котором среди прочего утверждалось, что Сын «не единосущен» Отцу. Это вызвало недоумение на Первом Вселенском соборе при составлении и принятии Никейского символа, где говорилось как раз обратное: Сын единосущен Отцу. Пытаясь оправдать это странное мнение св. отцов, которое автоматически делало их еретиками, богословы приводили разные объяснения. Говорили, что Павел нарочно прибег к этому термину, чтобы спровоцировать необдуманные слова своих противников, или что единосущие предполагало, по мнению антиохийцев, наличие какого-то первосущества, из которого происходили и Бог-Отец, и Бог-Сын (так же, как две «единосущные» по материалу медные монеты предполагают исходное существование самой меди). Афанасий Великий писал, что и никейские, и антиохийские епископы являются православными отцами, которые находятся сейчас с Господом, поэтому ни те, ни другие не могут быть неправы; мы не можем обсуждать или осуждать их разногласия и должны молча стоять перед этим фактом, принимая и сознавая его как некую данность. Вопрос этот так и не был разрешен в Церкви и остался одним из тех загадочных случаев, когда православные учителя придерживались неправославных мнений.

Модалисты и савеллиане

Второе течение христиан, не признававшее Христа Богом, называлось модализмом, от латинского слова «модус», или образ. Его возглавлял Праксей из Азии, живший в Риме примерно в то же время, что и Феодот Кожевник. Праксей тоже пострадал во время гонений, но не сильно: Тертулиан пренебрежительно писал, что он просто «поскучал» в тюрьме. Для объяснения своих взглядов Праксей ссылался на слова Иисуса в Евангелии от Иоанна: «Я и Отец одно». Отсюда, по его мнению, следовало, что в и в Ветхом, и в Новом завете есть только один Бог-Отец, который Сам пострадал на кресте и был распят в «модусе» Сына.

На вопрос, каким образом невидимый Бог-Отец стал видимым Богом-Сыном, ответ другой дал модалист, Ноит из Смирны. Он утверждал, что Бог может выступать как бы в двух природах сразу. Первая из них, божественная, невидимая и бесстрастная, относится к Отцу, а вторая, человеческая, видимая и страдающая, – к Сыну. Когда христиане упрекали его в том, что он вводит лжеучение, Ноит возражал, что не делает ничего дурного, славя Христа.

Продолжателями Ноита стали савеллиане, названные по имени их духовного отца Савеллия. Савеллий жил в III веке в Риме и был одним из трех самых авторитетных столичных богословов – вместе с Ипполитом, решительным противником монархиан, и Каллистом, занимавшим промежуточную позицию. Когда Каллиста избрали епископом Рима, ему пришлось принять сторону Ипполита и отлучить Савеллия от Церкви, за что тот упрекал его в отступничестве. Каллист считал, что модусы – этот термин можно считать предшественником «ипостаси» – или разные стороны Отца и Сына объединены в Духе: Дух есть и Отец, и Сын, и все трое они одно лицо. Бог не один в трех лицах, а триедин в одном лице. Как человек состоит из тела, души и духа, так и Бог из Отца (тело), Сына (душа) и Духа (дух). Каждый модус имел свои историческую миссию: Отец дал закон евреям, Сын воплотился в человека, а Дух снизо-

шел на апостолов. Эта последняя форма была окончательная, и отныне Бог существует только в виде Духа.

Савеллий развил и модифицировал учение Каллиста, различая в Боге «безмолвную монаду», то есть собственно божественную природу, и Слово, обращенное лицом к миру. Слово он, в свою очередь, разделил на Отца, Сына и Св. Духа. Последовательно проявив себя в этих трех образах, Логос снова вернется в изначальную монаду, и мир исчезнет.

Так начинали смутно вырисовываться христианские подходы к Св. Троице. Стройность и разумность учения Савеллия вызвали восхищение многих христиан и подняли широкую волну ереси, с которой вступил в борьбу ученик Оригена св. Дионисий Александрийский. В своих догматических дискуссиях Дионисий опирался на учение о Св. Троице, созданное Тертуллианом и Оригеном.

Тертуллиан

После апостола Павла Тертуллиан и Ориген – самые яркие и талантливые личности первых трех веков христианства. Впоследствии и тот, и другой были признаны еретиками, хотя Церковь до сих пор признает их заслуги в богословии и выработке правильных догматов. Оба жили в одно время и недалеко друг от друга: один в Карфагене, а другой в Александрии, – но принадлежали к разным культурным традициям и писали на разных языках.

Септимий Тертуллиан, сын центуриона и римский адвокат, был одним из создателей церковной латыни. Он придумал множество неологизмов, описывавших неизвестные раньше христианские понятия, такие, как таинство (*sacramentum*) и Провидение (*providentia*). Отличавший непримиримым и порывистым характером, «неистовый муж», как назвал его Иероним, Тертуллиан гневно обрушивался на все, что, по его мнению, искажало чистую суть христианства. Он ни во что ставил греческую мудрость, считая, что философия не имеет никакого отношения к истине и нужна только для того, чтобы бить язычников их собственным оружием. Не больше уважения вызывали у него и те христиане, которые не стремились к мученичеству и позволяли себе человеческие слабости. Любые отклонения от идеала казались ему предательством веры и вызывали яростное осуждение и гневные насмешки. Он считал, что отступников и падших нельзя прощать, что христианин не может жениться больше одного раза (а лучше – ни одного), что каждый, кто согрешил после крещения, подлежит вечному отлучению от Церкви. Недостаточная, как ему казалось, чистота учения и жизни заставили его уйти из православной церкви к монтанистам, напрямую общавшихся со Святым Духом и проводившим время в экстатическом горении. Но со временем даже монтанисты стали казаться ему недостаточно строгими аскетами, и Тертуллиан основал собственную секту, просуществовавшую около сотни лет.

Его богословские взгляды были столь же крайними и максималистскими, как и моральные требования. Тертуллиан полагал, что христианство невозможно понять разумом: это предмет откровения и веры, а не философских рассуждений. Он с вызовом заявлял о его абсолютной новизне, не имеющей ничего общего со всеми предыдущими взглядами и представлениями. «Что общего между Афинами и Иерусалимом, – вопрошал богослов, – между Академией и Церковью, между еретиками и христианами?» Отсюда возник его знаменитый парадокс, сформулировавший суть «абсурдного» подхода к истине: «Сын Божий распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно».

Тертуллиан вместе с Оригеном сформулировали новое учение о Св. Троице. Тертуллиан ввел в латынь само понятие Троицы (*Trinitas*). Он говорил, что Бог имеет три Лица, но одну природу, или субстанцию. Правда, у Тертуллиана эти три Лица были не совсем равноправны: субстанцией являлся только Бог-Отец, а Сын и Св. Дух были лишь Его проявлениями и изме-

нениями, как бы формой, в которой Он открывает Себя людям. Поэтому Сын и Дух оказывались подчинены Отцу. Пытаясь примириться с монархианами, Тертулиан говорил, что Бог един, как один император в Риме, но у Него есть помощники, так же, как они есть и у императора, хотя это вовсе не отменяет монархии.

Тертуллиан первым ввел богословский принцип, по которому правильно не то, что более логично и разумно, а то, что более спасительно. Например, для спасения человеческого рода необходимо, чтобы Христос принял настоящее человеческое тело и настоящую человеческую душу. Исходя из этого, Тертуллиан уже во II веке ясно сказал то, что для многих оставалось неясным еще в V-ом. Вопрос о непостижимом воплощении Бога в человека был настолько сложен, что многих сбивал с толку, причем не только еретиков. Например, Климент Александрийский считал, что хотя Иисус и воплотился в человеческое тело, но был абсолютно бесстрастен, то есть не испытывал ни голода, ни печали, ни гнева. Ел Он якобы только потому, чтобы кто-нибудь не подумал, что он призрак, для доказательства Своего воплощения. Тертуллиан же, опираясь на свою «безумную» логику, предвосхитил будущий догмат о двух природах в одном лице: «Мы видим двойственное состояние неслиянное, но единое в одном лице, видим Бога и человека Иисуса».

В свое время Тертуллиан был очень популярен и пользовался огромным авторитетом: св. Киприан, например, не проводил и дня, не прочитав что-нибудь из его сочинений. Но уклонение в монтанизм сильно подпортило его репутацию, и позже его заслуги были надолго забыты Церковью.

Ориген

Египтянин Ориген (его имя означает «рожденный Гором», одним из древнеегипетских божеств) был первым крупным богословом, родившимся в христианской семье. Его отца Леонида обезглавили за исповедание христианства. Сам Ориген страстно стремился к мученичеству и хотел присоединиться к арестованному отцу, но мать не пустила его из дома, отобрав одежду. Тогда он отправил в тюрьму ободряющее письмо, где убеждал отца принять муки за Христа: «Держись, не передумай ради нас!» В 17 лет Ориген остался сиротой с матерью и шестью младшими братьями, почти в полной нищете, поскольку имущество отца было конфисковано. Он жил, продавая книги языческих писателей, на 4 оболы в день: этого едва хватало на пропитание. Ориген не участвовал ни в каких развлечениях и юношеских забавах, ночами напролет читал Священное писание, спал на голом полу, ходил босым и полураздетым, следуя завету Христа «не иметь ни двух хитонов, ни обуви». Он никого не боялся, посещал в тюрьмах мучеников, сопровождал их на казнь и целовал на глазах у разъяренной толпы язычников. Ходили слухи, что он оскотил себя еще молодым, чтобы, по Евангельскому слову, стать «скопцом для Царствия Небесного». Его называли Адамантием – твердым, как алмаз.

От голодной смерти Оригена и его семью спасло покровительство некоей знатной женщины, сочувствовавшей христианам. В 18 лет он стал главой александрийской церковной школы. Чтобы изучить Библию, Ориген выучил еврейский язык и раздобыл все переводы Ветхого Завета, какие только смог найти. Он разыскивал их в городах, покупал с рук у неизвестных людей, выкапывал из тайников, находил в архивах. В своих «Гекзаплах», давая седьмой вариант перевода псалмов, он сделал примечание, что нашел его в городе Иерихоне, в огромном глиняном кувшине. Кроме богословия, Ориген преподавал арифметику, геометрию, философию, поэтому его высоко ценили даже римские философы. Аммоний Сакк, основатель неоплатонизма, сокрушался, что Ориген оставил философию ради богословия: «Разменял на мелочи и себя, и свои способности к науке». Ему вторил Порфирий, упрекавший богослова в том, что тот уклонился от философии к «варварским суевериям», то есть к христианству. Юлия Мам-

мея, мать императора Александра Севера, приглашала Оригена к себе в Антиохию, чтобы он толковал ей священное Писание.

Среди христиан слава Оригена была так велика, что его как эксперта вызывали на соборы в разные уголки империи – для борьбы с еретиками. Он побывал в Афинах, в Аравии, в Палестине, где его посвятили в сан священника, и в Риме, где с ним подружились папа Ипполит. Но в самой Александрии местный епископ Димитрий относился к нему ревниво и недоброжелательно, видимо, считая, что его подопечный слишком «зарывается». Димитрия раздражало, что Ориген, простой мирянин, обучал слову Божью епископов, а потом в обход его принял сан в чужой епархии, к тому же будучи скопцом, что запрещалось церковными канонами. В вину Оригену ставились и его слишком смелые богословские мнения, например, что дьявол будет спасен Христом. Димитрий собрал два поместных собора, которые постановили лишить Оригена сана и изгнать его из Александрии. Оригену пришлось перебраться в Палестину, где он продолжал преподавать науки и заниматься своими учеными трудами. Здесь он прожил остаток жизни, окруженный преданными почитателями, которые записывали каждое его слово. Жестокие гонения при Деции погубили и Оригена: уже глубоким стариком его арестовали, подвергли пыткам и выпустили умирать на свободу.

Читайте в ПРИЛОЖЕНИИ: Учение Оригена

МОНТАНИЗМ

Одной из крупнейших ересей раннего христианства был монтанизм. Это течение можно смело назвать реакцией на обмирщение Церкви. В среде христиан всегда было немало людей, которые понимали учение Христа в самой строгой и суровой форме, не признавая никаких послаблений и смягчений. «Отвергнись себя и возьми крест свой», «Оставь отца своего и мать свою и иди за Мной», – такие и подобные им слова Иисуса служили для них абсолютной нормой, любое отклонение от которой воспринималось как предательство. Мирная обывательская жизнь, которую все чаще вели христиане, не удовлетворяла их религиозного чувства, требовавшего горения и подвига. Им казалось, что упорядочивая свою жизнь, создавая жесткую церковную организацию по образцу ветхозаветной – с жрецами-священниками, обрядами, храмами, службами, культовыми книгами, таинствами, – человек все больше отдаляется от Бога и от веры. Выразителем мнений и потребностей таких людей стал Монтан и основанное им движение.

Монтан родился в маленьком городке Ардабау на границе Фригии, поэтому его ересь иногда называли «фригийской». Считается, что до обращения в христианство Монтан был жрецом Кибелы, восточной богини, требовавший оскопления своих служителей. Приняв христианство, он начал проповедовать и быстро распространил свое учение во Фригии и соседних областях Малой Азии. В некоторых местах, например, в Фиатире, к нему примыкали целые города.

Монтан решительно отбросил все, чторосло на христианстве за двести лет его существования. Никаких компромиссов, никакого союза с мирским обществом и государством он не допускал. По его мнению, основой христианской жизни должно было быть непосредственное, личное общение с Богом через Св. Духа: «В последние дни изолью от Духа Моего на всякую плоть» (Иоиль II, 28). Это общение происходило через откровение, даруемое верующему во время экстаза или во сне. Какие-либо посредники в виде епископов и пресвитеров были больше не нужны, церковная иерархия отменялась: Церковь управлялась непосредственно Святым Духом. Пророчества самого Монтана и его учеников – Прискиллу, Максимииллу, Фемисона и др. – заменяли священные тексты и составляли новый канон, который могли дополнять и изменять новые пророчества. Содержание этих пророчеств ничем не отличалось

от учения Вселенской Церкви, новой была лишь сама практика личных откровений, которую Церковь в III веке уже не одобряла и не принимала.

Учение Монтана не сводилось только к отвержению епископства: он вообще был настроен строго и аскетически, стараясь возродить первоначальную чистоту и святость христианства. Монтан отвергал брак и службу в армии, призывал раздавать имущество, открыто исповедовать веру и принимать мученичество. При нем снова, по примеру ранних христиан, стали проводиться общинные собрания с совместными трапезами, где все верующие были равны перед Богом и каждый мог, преисполнившись Святого Духа, пророчествовать об истине. Монтан и его последователи были убеждены в скором наступлении Страшного Суда, – это тоже объединяло их с ранними христианами, – и довольно четко определяли если не время, то место его пришествия: небольшой городок Пепуза во Фригии, который они называли небесным Иерусалимом. Сюда монтанисты, распродав дома и все свое имущество, устремлялись толпами, чтобы первыми предстать перед Господом.

Монтанизм распространился стремительно и широко. В северной Африке в новую ересь уклонился «неистовый» Тертуллиан, увлекший с собой многие приходы. В Риме ее едва не признал римский папа, но в последний момент его отговорил монархианин Праксей. Для борьбы с опасной ересью Церковь бросила в бой свои лучшие силы: Клавдия Иерапольского, Мильтиада, Серапиона Антиохийского, Иеронима и других талантливых писателей. Православные христиане смотрели на монтанистов как на злейших врагов веры и предлагали изгонять бесов из «фригийских святых», высмеивая их пророков и давая им презрительные клички. За то, что монтанисты проповедовали, прижав к носу кончик указательного пальца, их называли «застрявшими в носу», а за обычай причащаться хлебом и сыром – «сыроедами». Даже раскаивавшихся монтанистов в Церковь принимали не иначе, как через второе крещение. Некоторые ортодоксальные епископы в полемическом запале заходили так далеко, что обвиняли приверженцев Монтана в употреблении крови младенцев и каннибализме, – то есть именно в том, в чем язычники упрекали их самих. По-видимому, были и прямые столкновения между монтанистами и их христианскими противниками: церковный писатель Евсевий сообщал, что монтанисты называли православных «пророкоубийцами».

Несмотря на гонения со стороны государства и православной Церкви, монтанизм существовал очень долго, почти шестьсот лет. Начав с отрицания епископства и церковных властей, со временем он пришел к созданию собственной иерархии, подтвердив своеобразный закон, по которому всякое земное общество либо расплзается вширь и исчезает, либо вытягивается по вертикали. В VIII веке император Лев Исавр издал против монтанистов закон, обязывавший их принять православие. В ответ многие из них сожгли себя внутри своих молитвенных домов.

Монтанизм был только первой ласточкой в ряду похожих ересей. Монтана иногда называют первым протестантом, хотя его учение и практика напоминали скорей образец и парадигму для многих последующих экстремальных сект. Подкупающая строгость в личной жизни, чистая и ясная духовная последовательность и бескомпромиссность веры сочетались в них с сомнительной и мутной экстатичностью духовного радения, с недобросовестной и истеричной предапокалиптической риторикой, разжигавшей нездоровый фанатизм. На таком фоне ортодоксальное христианство выглядело воплощением здравого смысла, часто переходившим, однако, в мирскую косность и формализм, что рано или поздно вызывало новый взрыв религиозного максимализма.

Можно добавить, что обратной стороной религиозного ригоризма, в том числе и монтанистского, были нетерпимость и презрение к «чужим», доходившее до прямой жестокости. Вот как описывал Страшный суд суровый Тертуллиан: «Будут и другие зрелища: день последнего, окончательного суда... Это будет пышное зрелище. Там будет чем восхищаться и чему веселиться. Тогда-то я и порадуюсь, видя, как в адской бездне рыдают вместе с самим Юпитером сонмы царей, которых придворные льстецы объявили небожителями. Там будут и судьи

– гонители христиан, объятые пламенем более жестоким, чем свирепость, с которой они преследовали избранников Божиих. Будут посрамлены и преданы огню со своими учениками и философы, учившие, что Богу нет до нас дела, что души или вовсе не существуют, или не возвратятся в прежние тела... Тогда-то мы и послушаем трагических актеров, голосисто оплакивающих собственную участь; посмотрим на лицедеев, в огне извивающихся, как в танце; полюбуемся возницей, облаченным с ног до головы в огненную красную ризу... Но с еще большим удовольствием погляжу я на тех, кто свирепствовал против Господа... Такого зрелища, такой радости вам не предоставит от своих щедрот ни претор, ни консул, ни квестор, ни жрец, причем, благодаря вере, силой воображения уже сейчас мы можем в общих чертах представить его».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.